

**Историко–культурная центральность и наследие
больших и малых караванных дорог.
В фокусе Центральная Азия.**

коллективная монография

Москва, 2023

УДК 908
ББК 63.3
С 19

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. Ж.С. Сыздыкова
д-р филос. наук, доцент Н.Т. Нурулла-Ходжаева
преподаватель М.Б. Якубова
аспирант С.С. Вдовин
аспирант Р.И. Раимов
студент Н.С. Кирда

Ответственный редактор: н.с. Д.В. Сапрынская

Рецензенты: И.Б. Спектор, А.Ш. Кадырбаев

Историко-культурная центральность и наследие больших и малых караванных дорог. В фокусе Центральная Азия: коллективная монография по итогам Международного научного симпозиума «Историко-культурная центральность Центральной Азии и наследие больших и малых караванных дорог» (Самарканд, 25 мая 2022 года)/ отв.ред. Д.В. Сапрынская. – Москва: РАС, 2022. – 328 с. Текст непосредственный.
ISBN 978-5-6047616-5-6

Данный сборник содержит статьи и тезисы докладов, представленных на Международном научном симпозиуме «Историко-культурная центральность Центральной Азии и наследие больших и малых караванных дорог». Публикация выполнена в рамках гранта Международного института центральноазиатских исследований (№ 3/2022).

УДК 908
ББК 63.3

ISBN 978-5-6047616-5-6

© Международный институт
центральноазиатских
исследований, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 7

Раздел первый

АСПЕКТЫ ЦЕНТРАЛЬНОСТИ РЕГИОНА: ГЕОГРАФИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Быков А.Ю., Кожирова С.Б.

Эволюция восприятия границ казахами в XVII-XXI веках 9

Дорошенко Т.И.

На стыке цивилизаций 19

Сапрынская Д.В.

Специфика географического определения Центральной Азии и её этноконфессионального состава 24

Раздел второй

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ИЗ СТАРОГО В НОВЫЙ

Ahmadova A.

The Role of the Great Silk Road in the Cultural Life of Old Uyghurs (*Ахмедова А. Роль Великого шелкового пути в культурной жизни древних уйгуров*) 28

Дун Мень Юй.

Взаимодействие культур на Великом шелковом пути: между Китаем и Россией 34

Pirimqulova S.Sh. Ikkinchi jahon urushi yillarida ko'chirib keltirilgan aholi bolalarini maktablarga joylashtirishi tarixidan (*Пиримкулова С.Ш. Из истории устройства эвакуированных детей в школы в годы Второй мировой войны*) 37

Сафаров Р.

Карлуки на Великом шелковом пути 44

Shi, Yue. History of Civilizations of Central Asia and the Formation of Central Asian Civilizations (*Ши, Юэ. «История цивилизаций Центральной Азии» и формирования цивилизаций Центральной Азии*) 53

Шокиров Т.С. угли. Миграции народов на Великом шелковом пути как один из факторов формирования государственности в Центральной Азии 66

Эралиева Ы.С. Функции Великого шелкового пути: история и наследие	75
Эшиев А.К., Жакыпова Н.С. «Гендерные трансформации в обществе Ферганской долины» (на примере Южного Кыргызстана)	85
Юй Цзе. Великий шелковый путь и Сиюй в танской пограничной поэзии	91

Раздел третий

**ДРЕВНЯЯ, СРЕДНЕВЕКОВАЯ
И НОВАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Гоффоров Ш.С. Направление и значение придорожных сооружений в обслуживании караванных путей Бухарского ханства	99
Зубов С.Э., Назаров А.М., Хушваков Н.О. Битва на Кондурче в 1391 году: некоторые вопросы изучения и локализации места сражения	107
Сулимов С.И. Специфика процессов межкультурной коммуникации в древней и средневековой Согдиане	116

Раздел четвертый

ДОЛГИЙ 19 ВЕК В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Борискин В.Э. Записки из экспедиции капитана Путята о Памире	126
Габриэльян С.И. Геополитический аспект «Большой игры» за железнодорожные концессии в Персии и Центральной Азии	131
Имашева М.М. О караванной торговле России с Хивой через Астрахань в XIX веке	141
Равшанов Ш.Р. Россия империяси даврида Фаргона вилоятига кўчирилган дунганлар такдири	156
Рахимов Б.Э. Туркистондаги анъанавий хунармандчилик ривожланишининг немис тадқиқотчилари томонидан ўрганилиши	162

Раздел пятый

**ПРЕДМЕТ, СИМВОЛ И «ПЕРИОД»
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Аязбеков С.А.

Ботайская культура: особенности политогенеза
в свете кочевья и оседлости..... 170

Аязбекова С.Ш.

Центральная Азия как ось взаимодействия
номадической и оседлой мировых цивилизаций
(на примере Ботайской археологической культуры) 177

Богомолов Г.И.

К интерпретации изображения дракона из Кавардана..... 186

Мусакаева А.А.

Львы на монетах Чача и Семиречья 199

Раздел шестой

**КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ И ИСКУССТВО
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Баканова М.В.

Кубравия и накшбандия – индоостанские суфийские
ордена родом из Узбекистана и их роль в современном
движении необабуризм 211

Бакиева Г.Т.

Туркестанский шейх Худайберди и его потомки в Сибири:
опыт составления генеалогии..... 220

Зайнабиддинова З.М.

Арабская поэзия Средних веков в творчестве академика
И.Ю. Крачковского 229

Назаров Р.Р.

Политико-правовые основы международного сотрудничества
государств Центральной Азии: этап становления..... 233

Олимиён С.Ш.

Три праздника Сада, Навруз, Мехргон в периодической печати
на примерах сайтов <http://www.jumhuriyat.tj/> и www.millat.tj.... 245

Очилова М.И.

Влияние Шелкового пути на декоративное искусство
(на примере Зеравшанской долины) 253

Xiaodan HU.

Parthian Drums in the Tang Court (*XU Сяодань*. Парфянские барабаны при дворе танских императоров) 261

Раздел седьмой

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА
И МИГРАЦИЯ**

Саидова Ш.Ш.

Кооперация Республики Узбекистан со странами
Центральной Азии в сфере экологической политики.
Интеграция в мировой опыт и актуальные сотрудничества..... 267

Song Jiaxin, Li Wei.

COVID-19 Pandemic Prevention and Control in Kazakhstan:
a “Government-Media-Society” Perspective
(*Сун Цзясинь, Ли Вэй*. Профилактика и контроль
пандемии COVID-19 в Казахстане:
аспект «Правительство-СМИ-Общество») 276

Сюй Жуйди. Ху Руйди.

Экспорт китайской рабочей силы в Казахстан:
текущая ситуация, причины и проблемы 287

Якубова М.Б. Ганс-Германн граф фон Швайницнинг

XIX аср охири-XX аср бошларида Туркистон ижтимоий
соҳаларига оид тадқиқотлари 301

Раздел восьмой

**ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ОТДЕЛЬНЫЕ
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ**

Wang Kaihua.

The Organizational and Operational Mechanisms of Jas Otan
in Kazakhstan (*Ван Кайхуа*. Организационные
и операционные механизмы «Жас Отан» в Казахстане)..... 310

Лю Хунбо, Дай Тяньтяо.

Президентская или парламентская система?
– Анализ выбора политической системы и политического
перехода в Кыргызстане..... 320

От редакционной коллегии

Дорогие читатели!

Предлагаемое издание представляет собой сборник статей и тезисов докладов ученых, исследующих различные аспекты бытности стран Центральной Азии. Все доклады были презентованы в рамках Международного научного симпозиума «Историко-культурная центральность Центральной Азии и наследие больших и малых караванных дорог» (Самарканд, 25 мая 2022 года). Конференция состоялась при поддержке гранта Международного института центральноазиатских исследований (№ 3/2022) и непосредственном участии коллектива кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова и исторического факультета Самаркандского государственного университета имени Шарафа Рашидова.

Работа конференции стала площадкой для различного рода дискуссий по теме «центральности» региона. Концепция центральности была предложена Андре Гундер Франком с изданием статьи «The centrality of Central Asia» (букв. центральность Центральной Азии) в 1992 году. В представлении одного из основоположников мир-системного анализа концепция «центральности» региона позволяла решить главную проблему при изучении стран Центральной Азии, состоящую в якобы «отсутствии» региона на карте мировых процессов, его удаленности, и как заявляет сам автор о регионе – восприятию его как «missing link» на пространстве Евразии и мировой истории.

Таким образом, «центральность» региона, как идея, говорит о необходимости изучения роли Центральной Азии в истории человечества, понимании её ключевого значения во взаимодействии оседлых и кочевых цивилизаций и их пересечении.

Развитие заданной парадигмы в рамках Симпозиума было представлено в рамках секций, которые составляют тематические блоки настоящей монографии:

- Евразийское пространство: актуальные процессы, отдельные страницы истории и факторы развития;
- Современные тенденции развития Центральной Азии: политика, экономика и миграция;
- Культура, религия и искусство Центральной Азии;
- Предмет, символ и «период» в историко-культурном контексте развития Центральной Азии;
- Долгий 19 век в истории Центральной Азии;
- Древняя, Средневековая и Новая история Центральной Азии;
- Аспекты центральности региона: география, исследования и представления;
- Великий Шелковый путь: из старого в новый.

В конференции приняли участие более 100 исследователей, представляющих Россию, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан Индию, КНР, Турцию и другие страны. В сборник вошли избранные статьи и тезисы докладов, которые отражают различные научные подходы и авторские позиции. Материалы опубликованы на русском, узбекском и английском языках, при этом исследовательская позиция авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Надеемся, что это издание станет удачным подспорьем при изучении различных вопросов, связанных с развитием стран Центральной Азии, а также продемонстрирует особенности научного подхода и разнообразие взглядов исследователей Евразии.

Д.В. Сапрынская

Аспекты центральности региона: география, исследования и представления

Быков Андрей Юрьевич

*д.и.н., профессор Сингапурской Академии
Корпоративного Менеджмента, Москва*

ORCID:0000-0003-4282-1985

baju72@mail.ru

Кожирова Светлана Басиевна

*к.и.н., д.п.н., профессор, Руководитель центра китайских
и азиатских исследований Международного
научного комплекса «Астана», Нур-Султан*

sbako@yandex.ru

Bykov Andrey

*Doctor of History, Professor Singapore Academy
of Corporate Management, Moscow*

baju72@mail.ru

Kozhirova Svetlana

*PhD in History, Doctor of Political Science, Professor,
Head of the Center for Chinese and Asian Studies of the “Astana”
International Scientific Complex, Nur-Sultan*

sbako@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ГРАНИЦ КАЗАХАМИ В XVII-XXI ВЕКАХ

EVOLUTION OF PERCEPTION OF BORDERS BY KAZAKH IN XVII-XXI CENTURIES

Аннотация: Рассматриваются вопросы восприятия казахами понятий о государственных и административных границах на протяжении XVII-XXI вв. На материалах российских и казахстанских архивов и опубликованных источников определяется эволюция

как самого восприятия границ, так отношения к органам, регулировавшим пограничный режим в отдельных социальных группах. Прослеживается влияние на данный процесс соседних кочевых и оседлых народов, стран, а также эволюции системы международных отношений и международного права. Отдельно подвергаются анализу вопросы осознания необходимости официального установления и легитимации государственных границ в качестве элемента суверенитета. Параллельно затрагиваются вопросы русско-казахских и взаимоотношений казахов с соседними странами. Предлагается периодизация процесса установления границ, а также ранжируются критерии, на основе которых устанавливались и изменялись границы.

Работа выполняется в рамках программы целевого финансирования МОН РК BR10965282 «Казахстанско-русская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность».

Ключевые слова: граница; менталитет; делимитация; демаркация; суверенитет; Казахское ханство; Российская империя; Киргизская АССР; Казахская ССР; РСФСР; СССР

Abstract: The issues of perception by the Kazakhs of the concepts of state and administrative borders during the XVII-XXI centuries are considered. Based on the materials of Russian and Kazakh archives and published sources, the evolution of both the very perception of borders and attitudes towards the bodies that regulated the border regime in certain social groups is determined. The influence on this process of neighboring nomadic and sedentary peoples, countries, as well as the evolution of the system of international relations and international law is traced. Separately, the issues of awareness of the need to officially establish and legitimize state borders as an element of sovereignty are analyzed. In parallel, issues of Russian-Kazakh relations and relations between Kazakhs and neighboring countries are touched upon. A periodization of the process of establishing boundaries is proposed, as well as the criteria on the basis of which boundaries were established and changed are ranked.

The article was prepared under the program of targeted financing MES RK BR10965282 “Kazakhstan-Russian border: historical context and new geopolitical reality”.

Keywords: border; mentality; delimitation; demarcation; sovereignty; Kazakh Khanate; Russian Empire; Kirgiz ASSR; Kazakh SSR; RSFSR; USSR

Вопрос динамики восприятия казахами границ является малоизученным в отечественной (советской и постсоветской) и зарубежной научной литературе. Связано это как с тем, что относительно слабо изучены вопросы формирования границ, с одной стороны, и менталитета казахского населения на разных этапах (кочевник, переходные периоды, модернизационное общество) социального развития, так и тем более в их связке между собой. Вместе с тем понимание динамики и современного восприятия представляется весьма важным, в том числе для определения оптимальных вариантов развития приграничного сотрудничества.

Единственной известной нам статьей, где ставился вопрос о восприятии казахами-кочевниками границ накануне и при их вхождении в состав Российской империи является небольшая по объему работа Г.Б. Избасаровой, в которой сделана попытка определения изменения восприятия казахами границы (административной и межгосударственной) и ее изменения в сер. XIX в. под влиянием административно-территориальных реформ 1820-х – 1860-х гг., при этом старые представления о границах кочевий продолжают существовать, но постепенно уступают место новому восприятию [1, с. 42-43]. Важные отличия понимания политических и этнических границ казахами и другими центральноазиатскими народами в досоветскую эпоху содержатся также в статье С. Олимовой, которая делает вывод о их несовпадении и существовании одновременно двух или даже нескольких мировосприятий границ и территорий [2, с. 15-16].

К источникам, по которым можно судить о восприятии казахами границ, можно отнести этнографические материалы, в первую очередь фольклор, материалы обычного права, воспоминания путешественников, чиновников, материалы земской статистики, материалы переписей населения, дипломатическую переписку, делопроизводственную документацию, материалы СМИ и для поздне- и постсоветского периодов – материалы социологических опросов, а для XXI в. еще и материалы социальных сетей. С каждым из этих видов источников необходимо использовать различные методы исследования, позволяющие критически оценить достоверность информации.

Настоящая статья является постановочной, объем статьи минимален, поэтому ограничимся тезисами, характеризующими этапность смены восприятия казаками границы и того наполнения, которое они вкладывали в это понятие или чаще в эти понятия. Сразу отметим, что несмотря на линейность этого процесса, он многослоен, поэтому этапы «налагаются» друг на друга, а не идут последовательно, когда заканчивается один, - тогда начинается другой. Такое явление можно охарактеризовать понятием параллельность.

Параллельность процессов трансформации восприятия и основные факторы (к вопросу об условной периодизации)

1. XVI-XVIII вв. Расширение контактов казахов с русскими, первоначальное знакомство преимущественно через непонимание и неприятие европейской трактовки границ и принципов их организации [3, с. 42-43]. Формы выражения – от конфронтации по фронтальным зонам с параллельным дипломатическим взаимодействием, в том числе заключением военно-политических союзов [4, с. 167-176], - до принятия в качестве данности в связи со строительством укрепленных линий и развитием приграничной торговли [5, л. 2 об.; 6, с. 72, док. №212].

2. XVII – сер. XIX вв. Формирование понятия фиксированных, в том числе демаркированных, государственных (межгосударственных) границ в связи с двумя основными процессами: войнами с джунгарами (у которых существовала практика постоянных пикетов, заключения международных договоров с указанием принадлежащих сторонам территорий) [7, с. 77-148], приглашением на номинальное ханское правление казахских султанов в Хиву (где не было демаркированных границ с кочевниками, но существовала практика непостоянного несения пограничной службы при обострении ситуации) [8, с. 72-73], а также с Российской и Цинской империями (имевшими постоянную кардонную стражу и в значительной мере обозначавшими границы на местности и обязательно на картах). При этом карты постепенно превращались в маркеры (символы) власти и принадлежности территорий [9, с. 219-220].

3. 1820-1860-е гг. Формирование административных границ в связи с проводимыми административно-территориальными реформами. Формы выражения: конфронтация (Кене-

сары Касымов) [10, с. 17-18] / принятие (султаны-правители, старшие султаны, волостные управители и др.) [11, с. 70-71]; восприятие возводимых межевых и даже немежевых знаков в качестве границ [12, л. 12]; использование документов для релокации (пашпорты и др.) [13, л. 275].

4. XIX – нач. XX вв. формирование у основной массы населения понятия границ кочевий в связи с проводимыми административно-территориальными реформами, усилением контактов с русским земледельческим населением (особенно после усиления крестьянской колонизации) [14, л. 3 об. – 4; 15, с. 40-41], мусульманизацией казахского населения [16, с. 223], а также с процессами расширения седентаризации и развития земледелия среди казахов [17, с. 261-262]. Форма проявления: сдача и аренда земли, билетные и ремонтные пошлины, земельные споры, формирование в менталитете матрицы «Земля сначала Божья, затем – моя».

5. Конец XIX – первая треть XX вв. Элитарный национализм: политизация на национальной (реже религиозной) основе зарождавшейся политической элиты преимущественно в непосредственном контакте со всероссийскими партиями (кадеты, эсеры, социал-демократы), провозглашавшими принципы национально-территориальной автономии и равноправия в землевладении и землепользовании вне этнической и (не всегда) сословной принадлежности. Формирование малочисленных национальных партий (Алаш, Уш-Жуз и др.) [18, с. 61-65]. Формы проявления: описание и картографирование территорий на этнических началах, вхождение в состав органов, занимавшихся и инициировавших разграничение, образование автономий (суверенитет, предполагавший обязательную делимитацию и частичную демаркацию). Восприятие административных границ элитой практически в качестве межгосударственных [19, л. 1-2; 20, л. 36-37 об.].

6. 1940-1970-е гг. Интернациональный этап. Резкое изменение этнического состава населения в период Великой Отечественной войны, поднятия целинных земель и развития промышленности Казахской ССР с параллельным развитием идеологии советского интернационализма (в том числе концепции единой общности – «советский народ»), активное участие казахов в войне (на фронте и в качестве базы эвакуации), реальный качественный рост образовательного уровня

и в значительной степени утрата казахского языка способствовали формированию стереотипа, что границы с другими странами – это зона угрозы, а административные границы, в том числе с другими союзными республиками – лишь условная черта, отделяющая один регион от другого, иногда с разницей в часовых поясах, но почти всегда с разным набором и стоимостью продуктов питания и товаров народного потребления, что в условиях дефицита было весьма важным фактором [21, с. 95].

7. 1970-1990-е гг. Этап роста этнического самосознания и вторичного внимания к административным границам. Катализатором процесса стал проект создания Немецкой национальной автономии, вызвавший отторжение и протест казахского населения республики [21, с. 97-100; 22, с. 52]. Обострение русско-казахских, казахско-чеченских, казахско-узбекских межэтнических отношений. Мифологизации границ исторических предков. Выразилось в стремлении новой элиты к формированию по этническому и даже родоплеменному принципам (активное возрождение трайбализма), восприятию собственности на землю Казахстана в качестве априори принадлежащей казахам (Казахстан – это земля казахов), рост социально-политического интереса к вопросам административных реформ внутри республики и трансляция их на жужовую систему с параллельным возрастанием страха за сохранение территориальной целостности после распада СССР [23].

8. 1990 – настоящее время. Закрепление суверенитета и границ в политической сфере (делimitация со всеми соседними государствами), активное муссирование вопросов суверенитета и охраны границ в СМИ (угроза сепаратизма, терроризма, наркотрафика, торговли оружием и людьми) [24]. Формирование преимущественного образа границы в качестве потенциальной угрозы. Параллельно формировалось иное понимание границы в приграничных районах в качестве зоны возможностей: быстро убежать, если возникнет угроза жизни или резко изменится экономическая ситуация и в случае экологической катастрофы; развитие торговли (в том числе контрабандной, что перестало восприниматься как нечто преступное и даже постыдное); на определенный отрезок времени – практически безнаказанная «псевдобарымта» (угон скота, кражи автомобилей и частично имущества) [25, с. 227-228]. Проявление

ние в стремлении дистанцироваться от «русского», формирование мифа об урезанных царским правительством границах Казахстана (условно Казахстан – это наследователь Золотой орды) с героизацией (чаще всего с приведением несуществующих и искажением подтвержденных документально фактов и процессов) борцов с царизмом за национальные интересы и территориальную целостность (Аблай, Кенесары, Алаш-Орда). Образ границы в качестве объекта экспансии (в первую очередь границы с Россией и Китаем). С проведением референдума в Крыму, и особенно в условиях спецоперации России на Украине формируется образ России в качестве сталинизирующейся страны-агрессора, способной в любой момент нарушить границы с Казахстаном и вообще ликвидировать его суверенитет [26]. Граница – угроза. Требуется закрыть границу с Россией и ослабить режим границ с соседними среднеазиатскими странами.

9. 2000-е - середина 2010-х гг. – в условиях расширения экономического взаимодействия правительство сознательно способствует частичной смене дискурса и запуску параллельного образа границы в качестве территории возможностей. Этому же способствует экономическое укрепление и инкорпорация в государственные органы т.н. русскоязычного населения (включая русскоязычных казахов). Процесс идет параллельно с участием Республики Казахстан в ЕврАзЭС, Таможенном союзе, а затем и ЕАЭС. Формируется образ «угрозы с юга» (исламский терроризм, латентные притязания со стороны соседних среднеазиатских республик – реакция на публикации в Кыргызстане и Узбекистане). Январские события укрепили на короткое время образ казавшегося прежде «бумажным институтом ОДКБ в качестве гаранта незыблемости границ, а России – не в качестве агрессора, а в качестве стабилизирующей международные процессы силы [27]. Расширение приграничного сотрудничества регионов. Создание образа границы в качестве территории сотрудничества.

Опросы середины 2010-х гг. показали поляризацию восприятия границ казахами и невосприимчивость к аргументации другой стороны [28, с. 34-41; 29, с. 33-34]. Возможно даже намечается некий ментальный разлом в восприятии образа границы (и не только) у современных казахов в связи с апелляцией к историческому прошлому (постколониальный дис-

курс) и текущим внутри- и внешнеполитическим процессам (национализм, глобализация, передел сфер влияния внутри Казахстана и в мире).

Список литературы

1. Избасарова Г.Б. Кочевая ментальная карта пространства. Трансформация понятия границы в представлениях казахов в XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2016. №4. С. 31-44.
2. Олимова С. Национальные государства и этнические территории // Многомерные границы Центральной Азии / Под ред. М.Б. Олкотт и А. Малашенко. М.: Гендальф, 2000.
3. Хахалин К.В. Русско-китайское разграничение в Центральной Азии и трансформация международно-правовой характеристики «государственной территории» // Вестник исторической географии. №2. М. – Смоленск» Изд-во «Ойкумена», 2001.
4. Абусейтова М.Х. Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI века // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI – XVIII веках. Алма-Ата: «Наука», 1983. С. 165-177.
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 9.
6. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. 871 с.
7. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Отв. ред. В.А. Моисеев. Барнаул: Азбука, 2006.
8. Гулбоев Н.Н. Казахи и Хивинское ханство (XVI - начало XX вв.) // Казак хандыгынын тариххындагы Туркістаннын орны. Туркестан: «Эзірет Султан» мемлекетіл тарихи-мэдени корык-муражайы, 2015. Б. 71-75.
9. Ремнев А.В. Имперские институты власти: азиатский контекст // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научных статей. К 50-летию со дня рождения проф. А.В. Ремнева / Под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
10. Кенесарин А. История Кенесары Касымова и Садька Кенесарина («Насаб-наме-йи султан Садьк» - «Родословная султана Садька»). Факсимиле текста, перевод, примечания, археографическое предисловие, подготовка текста, примечания и указатели И.В. Зайцева. М.: «Пресс-Бук», 2017. 140 с.
11. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. 242 с.

12. Архив Института восточных рукописей Российской Академии наук (Архив ИВР РАН). Разр. III. Оп. 1. Д. 38/918.
13. Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук (Архив СПб ИИ РАН). Ф. 267. Оп. 1. Д. 27.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 82. 1862 г. Д. 7.
15. Маковецкий П. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Омск, 1886. 88 с.
16. Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях (1731-1917 гг.). Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. СПб., 2006. 484 с.
17. Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII - начала XX века). Барнаул: «Аз-Бука», 2003. 268 с.
18. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под редакцией Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М. – Волгоград, 2002. 573 с.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 40.
20. ГА РФ. Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 6.
21. Казиев С.Ш. «Золотой век» советского интернационализма и проблемы межэтнических отношений в Казахстане (1964–1985 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2014. №6(32). С. 95-101.
22. Голушко Н.М. В спецслужбах трех государств. М.: Изд-во «Кучково поле», 2012. 720 с.
23. Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. Астана: «Фолиант», 2012. 560 с.
24. Аманжолова З.А., Атанов М.М., Турарбеков Б.Ш. Правда о государственной границе Республики Казахстан. 3-е изд-е, доп., перераб. Алматы: Издательский дом «Жибек жолы», 2014. 228 с.
25. Быков А.Ю., Боронин О.В. Локальные проблемы «нового пограничья» России (по материалам полевых исследований в Кулундинском районе Алтайского края) // Россия и Центральная Азия: проблемы миграций и безопасность. Барнаул, 2002. С. 207-228.
26. Галкина И. Чья экспансия грозит Казахстану: Китая или России? (Интервью с С. Лысаковым) // <https://zonakz.net/2021/04/28/chya-ekspansiya-grozit-kazaxstanu-kitaya-ili-rossii> (26.04. 2021) (обращение 13.06.2022).
27. Мармонова Т. Миротворцы ОДКБ – наш гарант безопасности // <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/138063-t-marmontova-mirotvortsy-odkb-nash-garant-bezopasnosti> (12.01.2022) (обращение 13.06.2022).

28. Джаксылыков С. Отношение жителей северных регионов Казахстана к перспективе глубокой интеграции в Евразийский экономический союз: фактор гражданской и этнокультурной идентичности // Программа для молодых исследователей в области публичной политики Фонда Сорос-Казахстан. 2016. 44 с.
29. Бейсембаев С. Феномен казахского национализма в контексте сегодняшней политики: от отрицания к пониманию // Программа для молодых исследователей в области публичной политики Фонда Сорос-Казахстан. 2015. 36 с.

© Быков А.Ю., Кожирова С.Б., 2022

Дорошенко Татьяна Ивановна
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо
Улугбека, кандидат исторических наук, доцент
doctata@mail.ru

НА СТЫКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Аннотация: В работе рассматривается значение Шелкового пути во взаимодействии цивилизаций, его роль в культурном, торговом обмене.

Ключевые слова: Шелковый путь; шелк; цивилизация; обмен; культура; торговля; религии; взаимовлияние; Средняя Азия

Abstract: The paper discusses the significance of the Silk Road in the interaction of civilizations, its role in cultural and trade exchange.

Keywords: Silk Road; silk; civilization; exchange; culture; trade; religion; mutual influence; Central Asia

Народы Центральной Азии на протяжении многовековой истории создали богатую самобытную культуру. Из глубокой древности исходят истоки взаимовлияния культур народов Центральной Азии и населения Западной Сибири, Восточной Европы, Кавказа, Ирана, Индии, Западной Азии. Распространение культуры, знаний, технологий, различных религий происходило во многом благодаря Великому шелковому пути. Шелковый путь – естественно образованный коридор, соединивший цивилизации Евразийского материка – стал местом материального и культурного общения между людьми разных стран. Он соединил китайскую, индийскую, исламскую, греко-римскую цивилизации, способствовал сложному культурному обмену.

Шелковый путь был главным коридором материально-го и духовного общения людей до открытия морских путей. Взаимовлияние цивилизаций на Шелковом пути имеет очень древнюю историю. Археологические раскопки среди древних

захоронений Чжунъюани доказали распространение пшеницы и нефритовых изделий в Чжунъюани через Среднюю Азию.

По Шелковому пути в Китай проникли виноград, грецкий орех, морковь, черный перец, бобы, шпинат, огурец, гранат и многое другое, обогатив привычный рацион жителей Китая и всей Восточной Азии. Китайский шелк, фарфоровые, железные, золотые, серебряные изделия были экспортированы далеко на запад. Помимо вышеперечисленных товаров, на запад, через Среднюю Азию распространились такие китайские изобретения, как технологии изготовления бумаги и печати. А с X века в Европу по Шелковому пути стали экспортировать знаменитую самаркандскую бумагу. Обмен религиозными взглядами, письменностью, обмен языками по своей интенсивности не уступали торговле драгоценными товарами. Шелковый путь стал также основным каналом распространения буддизма и ислама, так в Сурхандарьинской области Узбекистана широко был распространен буддизм, а в Китае, в Синьцзяне, Ганьсу, Цинхай, Шэньси распространился ислам.

Самым главным товаром на Шелковом пути естественно был шелк. По легенде шелкопрядение было изобретено женой Хуанди. Первоначально знать Средней Азии использовала шелк в качестве погребальных принадлежностей.

В 53 г. до н.э., когда полководец Красс повел римскую армию против парфян, в разгар битвы парфяне внезапно развернули яркие ослепляющие знамена и дезориентировали римлян. В историю это событие вошло под названием «битвы при Каррах». Считается, что эти ослепительные знамена были из шелка.

Шелк пользовался особой популярностью в Греции и среди аристократов Рима. Начиная с I века римляне стали закупать шелк у парфян. В те времена римляне ошибочно полагали, что шелк растет на деревьях. Многие выдающиеся личности, в том числе Цезарь и Клеопатра, носили одежду из китайского шелка. Один фунт шелка стоил 12 лянов золота. Увеличение объема поставок позволило даже простому народу обзавестись шелковыми тканями. Плиний писал: «Римская империя тратит более 100 миллионов золотых монет на импорт шелковых тканей и жемчугов». Расцвет Сасанидской империи преградил Шелковый путь. Технология шелководства постепенно

начала распространяться на запад, сначала в Хотан, затем в Гаочан. Танский монах Сюаньцзан, возвращаясь с Запада, в 644 году в Хотане услышал легенду о том, что Хотанский царь женился на китайской принцессе и до свадьбы намеревался своей возлюбленной, чтобы она привезла гренны. Невеста спрятала гренны внутри головного убора и пронесла через таможенную заставу. С тех пор жители Хотана сами производили шелк. Археологи на северо-востоке Хотана обнаружили ксилографию VIII века, на которой изображена китайская принцесса в высокой шляпке.

В 949 году в Таримской впадине найдены китайские документы эпохи Гаочан (502-640), доказывающие производство шелка в регионе.

Впоследствии буддийские монахи увезли гренны в Византию, до этого византийцы закупали шелк-сырец из Персии. Византия, Египет и Сирия были тремя центрами прядильного ремесла. Там пряли роскошный золотошвейный атлас. О тканях с золотой вышивкой есть записи в «Вэйлюэ».

Шелк – не только главный товар и предмет роскоши Шелкового пути, но и эффективный политический инструмент в истории Китая. Очень часто китайское правительство отправляло послов в Западный край и в более дальние страны с шелковыми тканями в знак доброй воли. Распространение шелка на запад изменило представление западных стран о Китае. Из-за высокой стоимости шелка и фарфора в Константинополе многие люди представляли Китай очень богатой страной. В западных странах среди знати носить шелковую одежду и пользоваться фарфоровой посудой было признаком богатства.

Вторым распространенным товаром на Шелковом пути была бумага. Сама бумага распространилась намного раньше технологии ее изготовления. Бумага существовала в эпоху Западной Хань, но качество бумаги не позволяло ее широко применять. В эпоху династии Хань технологию усовершенствовали. Изобретение бумаги не сразу вытеснило бамбуковые дощечки и ткани для записей. Зачастую все они использовались одновременно. Китайская бумага по ВШП широко распространилась в Самарканде в VII веке, а в Индии в VIII. Технология изготовления бумаги была завезена в Среднюю Азию при правлении Ли Лундзи в 751 г. Китайская технология изготовления бумаги, возможно повлияла на появление сог-

дийской технологии изготовления бумаги в Самарканде и самаркандской шелковой бумаги. Вскоре Самаркандская бумага вытеснила более дорогой папирус. После арабского завоевания Средней Азии самаркандская бумага распространилась в Западную Азию, Северную Африку и Европу. Мастерские по изготовлению бумаги появились в 794 году в Багдаде, затем Дамаске, Йемене. В конце IX века мастерские построили в Египте, в XII веке – в Испании и во Франции, в 1391 году в немецком Нюрнберге. Изобретение бумаги стало одним из важнейших событий в истории человечества.

В эпоху правления в Китае династий Хань и Цзинь множество изобретений и технологий распространилось на Запад. Например, ирригационные технологии, выплавка железа. В этом плане Китай достиг выдающихся успехов. Еще в эпоху Шан китайцы использовали метеоритный камень для изготовления оружия. В эпоху династии Хань использовали серый чугун с низким содержанием кремния, цементную сталь, были освоены технологии декарбонизации чугуна, пудлинговой стали. Железные изделия Китая распространились на Запад также благодаря Шелковому пути. Солдаты, бежавшие на запад во время войны с сюнну, передали технологию выплавки железа ремесленникам Давани и Парфии. Во II до н.э. жители Ферганской долины научились отливать чугун, затем эта технология распространилась на территорию России. Сталь пользовалась большой популярностью на Шелковом пути. Парфяне закупали стальное оружие из Китая.

Помимо экономических связей, между Китаем и Западом существовал широкий обмен материальной культуры и производственных технологий. С экспортом шелка в Персию и Византию распространилась и технология шелководства. С Запада в Китай завозили шерстяные изделия, редкие животные, драгоценности, благовония, а вместе с ними – и технологию производства египетского стекла. Также большой популярностью в Китае пользовались персидские золотая и серебряная посуда, шлемы, латы, роскошные парчи.

Если говорить об импорте в Китай стеклянной посуды и технологии производства стекла из Запада, то производством стекла славилась южная часть Галлии и берега Рейна. Затем технология производства проникла на Ближний Восток. В исторических источниках периода правления Хань У-ди

упоминается белая стеклянная посуда из Индии. Иностранные послы и торговцы в большом количестве привозили стеклянные изделия из Египта, Византии, Ирана и других стран. В период процветания Византии Александрия стала центром производства стекла.

Исследователи сравнивают распространение технологии производства стекла в Китае с распространением шелководства на Западе.

Таким образом экономический и культурный обмен на Шелковом пути обогатил цивилизации – участницы этого глобального диалога.

На сегодняшнем этапе развития цивилизаций многое уже кажется устаревшим, изжившим свое время. Но Шелковый путь никогда не потеряет своей актуальности, он будет нести свое предназначение в новых формах.

Общение, взаимодействие, терпимость, взаимообогащение являются основными идеями Шелкового пути и секретом развития человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Буряков Ю.Ф. К вопросу о торгово-экономических и культурных связях Согда и Индии в древности и раннем средневековье // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000.
2. Кобзева О.П. Великий шелковый путь: история и современность. Ташкент: Фан. 2005.
3. Кобзева О.П., Джалилов О.З. Страницы истории Великого Шелкового пути: шелк, специи и чай. Ташкент, 2013.
4. Пэн Ланьцзя, Ян Янлин. Древний шелковый путь Китая. «Шарк». Ташкент. 2018.

© Дорошенко Т.И., 2022

Сапрынская Дарья Викторовна
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник
saprynskayadv@gmail.com

СПЕЦИФИКА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЕЁ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА

Аннотация: В докладе представлены некоторые из аспектов определения пространства Центральной Азии в период XIX в. Автором осмысляются основные категории, присущие имперскому периоду, связанные с постепенным изучением стран Центральной Азии.

Ключевые слова: география, Центральная Азия, Туркестан, идентичность

Abstract: The report presents some of the aspects of defining the space of Central Asia in the period of the 19th century. The author comprehends the main categories inherent in the imperial period, associated with the gradual study of the countries of Central Asia.

Keywords: geography, Central Asia, Turkestan, identity

Планомерный переход от Птолемеевой географии и начало исследований в лоне «географического детерминизма» происходили одновременно с терминологическим представлением региона в качестве Центральной Азии. Эта территория вплоть до конца XIX века имела статус «terra incognita», манящего путешественников и исследователей. Мифологизация пространства, как и его жителей, создавалась из-за фрагментарного представления о Центральной Азии. Фактически еще до середины XIX века доступ в регион был крайне ограничен, свидетельством тому служит путешествие Адольфа Шлагинтвейта, казненного эмиром Кашгара в 1858 г. Однако со вступлением России в регион, по замечанию Н.М. Пржевальского, «русские путешественники ко второй половине XIX века геогра-

фию Средней Азии из области догадок перенесли в область фактических научных изысканий» [1]. Так, начался процесс трансформации историко-географических представлений о центрально-азиатском регионе и встраивания их в общий курс позитивистского знания.

С точки зрения топонимики в мировой истории известны разные осмысления территории региона: Мавераннахр, Туркестан, Трансоксиана, Средняя Азия, Внутренняя Азия, Inner Asia и другие термины служили для описания исследуемой ойкумены. Историко-географическому определению топонимики посвящено достаточное количество трудов плеяды как отечественных, так зарубежных исследователей, например Ю. Клапрота [11], К. Риттера [9], А. Гумбольда [3], А.Г. Малявкина [6], Ширин Акинер [7], С.М. Горшениной [2], А. Кадырбаева [5] и др.

При этом каждое из исследований исходило из разных «точек отправления»: Центральная Азия виделась как через призму географии, анализировались климат, горные массивы и прочие физические характеристики. Существовал и иной – историко-политический подход, когда в основе изысканий лежала политическая хроника, основные события и их герои. Еще один способ осмысления территории состоял в этнографическом измерении. Например, география региона часто ассоциировалась с распространённой категорией «территориальной идентичности», например, терминов «кашгарлык» или «бухарлык», означающих жителей Кашгара и Бухары. При этом понятийный аппарат, используемый в империи, ставил на первое место вероисповедание, затем указывалась словесная принадлежность и уже потом этничность, формулировала имперский контекст идентификации. Как справедливо замечает П.К. Дашковский «до первых десятилетий XVIII в. именно она (религия – прим.) являлась определяющим фактором в приобретении статуса подданного Российского государства» [4].

Другими словами, верификация подданства, а также и вообще складывание комплекса представлений о регионе вплоть до 1917 года, происходили сквозь призму религии, что только укрепляло дихотомию «свой-чужой», где свой – православный, а чужой – представитель иной конфессии. Это сказывалось и на видении региона. В современном смысле эта раз-

ница связана с концепцией ориентализма Э. Саида, то есть буквально восприятия Востока через западные постулаты [7].

При этом ориенталистский контекст представлений в рамках Российской империи сильно разнился с условным пониманием Индии у Британской короны. Начиная с летописных сведений – «земля половецкая» у Нестора, а также описания части земель в чертежной традиции России, Центральная Азия всегда присутствовала в российском пространстве. Отдельно, можно отметить, особый период в развитии картографии, который связан с правлением Петра I: первая русская гравюрная карта, отправка экспедиций, и в итоге выход «Атласа Российского» Эйлера. Конечно же, картографирование признавалось важнейшим направлением для российской власти. Деятельностью по составлению карт занимались Военное-топографическое бюро, отделы Академии наук, важную роль в деле исследования именно Центральной Азии следует отнести Русскому географическому обществу и его членам, известным путешественникам и исследователям. Один из которых – Чокан Чингисович Валиханов смог довести начатое Адольфом Шлагинтвейтом и составить представление о жителях Восточного Туркестана: «Жители Кашгарии состоят из туземцев тюркского происхождения, и большого числа иностранцев. Большинство туземцев ведет жизнь оседлую и только небольшое число остается полукочевники» [8]. Таким образом, он смог зафиксировать отдаленное пространство от центра империи и сформировать представление о его жителях.

В итоге стоит говорить о нескольких традициях, описывающих географию и состав населения Центральной Азии: 1) региональные – те, которые были созданы в рамках сопряженных восточных традиций – местные историографии, а также 2) внерегиональные или европейские, исходящие в первую очередь из нужд военной кампании, а потом и исследования новых территорий в составе Российской империи.

Список литературы

1. Великий русский географ Н. М. Пржевальский [Текст] : К 100-летию со дня рождения 1839-1939 / [Отв. ред. проф. В. В. Потемкин]; Моск. гос. ун-т. [Н.-и. ин-т географии]. — Москва : Моск. гос. ун-т, 1939. С. 45.

2. Горшенина, С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с французского М.Р. Майзульса. — Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. — VIII, С. 12-15.
3. Гумбольдт А. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии/ А. ф. Гумбольдт ; перевод с французского П. И. Борозича ; под редакцией проф. Д. Н. Анучина. Т. 1. Москва : Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1915. — 618 с.
4. Дашковский, П. К. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в. : монография / Петр Константинович Дашковский, Елена Александровна Шершнёва ; науч. ред. Т.Г. Недзелюк ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 18.
5. Кадырбаев А.Ш. Эволюция историко-географических и этнических названий Центральной Азии в российско-советской, западной, китайской и иранской историографии// Иран-наме №2 – 2008. С. 232-238.
6. Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). – Новосибирск: Наука, 1981.
7. Ориентализм. Западные концепции Востока/ Эдвард В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. - Санкт-Петербург : Русский мир, 2006. – 636 с.
8. РГВИА, Ф.447. оп.17. д. 235. С. 292-296.
9. Риттер, К. Землеведение Азии : география стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, т. е. Китайской империи, Независимой Татарию, Персии и Сибири : [т. 1-/ соч.] Карла Риттера ; пер. по поручению Рус. геогр. о-ва с доп., служащими продолжением Риттерова труда для материалов, обнаруженных с 1832 г. и сост. П. Семеновым, д. чл. Рус. геогр. о-ва. — Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук , 1856-1874. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/333712>
10. Akiner, Sh. Conceptual Geographies of Central Asia // Shirin Akiner, Sander Tideman, and Jon Hay (ed.). Sustainable development in Central Asia. New York: St. Martin's Press. 1998. P. 3–48.
11. Carte de l'Asie Centrale / dressée par M. J. Klaproth. - [Paris], 1833.

© Сапрынская Д.В., 2022

Великий Шелковый путь: из старого в новый

Aysel Ahmadova

*Doctor of Philosophy in Philology, ANAS Institute
of Linguistics named after Nasimi, senior researcher;*

Baku/Azerbaijan

aysel901120@gmail.com

Айсель Ахмедова

*доктор философии по филологии, НАНА Институт язы-
кознания имени Насими, старший научный сотрудник,*

Баку/Азербайджан

aysel901120@gmail.com

THE ROLE OF THE GREAT SILK ROAD IN THE CULTURAL LIFE OF OLD UYGHURS

РОЛЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ В КУЛЬТУР- НОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНИХ УЙГУРОВ

Аннотация: Великий шелковый путь был крупнейшим торговым путем в древнем мире, ведущим из Китая в Восточную Европу. Эта дорога также была средством сообщения между различными народами. Обмен материальными благами был не единственным видом обмена на этом пути, обмен культурными ценностями также был важен на этом пути. Старые уйгуры относятся к числу древнетюркских этнических групп, которые активно участвовали в торговле на Шелковом пути, что привело их к знакомству с другими народами и их культурами. В результате они обмениваются с другими народами многими культурными особенностями, включая алфавит, религиозные верования, литературные и религиозные тексты.

Ключевые слова: древнетюркские народы; культура; урбанизация; религия; перевод

Abstract: The Great Silk Road was the biggest trade route in the ancient world going from China to the Eastern Europe. This road was also means of communication between various nations. Exchange of material goods was not the only type of exchange via this route, exchange of cultural items was also important along this road. Old Uyghurs are among the Old Turkic ethnic groups who actively participated in the Silk Road trade and it led them to get acquainted with other nations and their cultures. As a result, they exchange many cultural features including alphabet, religious beliefs, literary and religious texts with other peoples.

Keywords: Old Turkic peoples; culture; urbanization; religion; translation

The Great Silk Road played an important role in the social, political and cultural life of the people lived and acted along it. It was not only a road for trade, but it was also a way that led to rich international relationships and cultural exchanges. Many people along the Great Silk Road received not only material goods, but also cultural characteristics via this road.

Old Uyghurs are among the Old Turkic tribes lived in Central Asia and East Turkistan. They played an important role in the Old Turkic cultural life as they wrote many monuments devoted to various religious beliefs such as Manichaeism, Buddhism, Christianity, and Islam. They established several states in the early medieval centuries including the Orkon Uighur Kaghanate in Otuken, and the kingdoms in Qocho and Gansu which lasted until the 13th century, until the arrival of Mongols. This led them to have a rich and broad relationship with the peoples living in the surrounding areas.

The Gansu Uyghur Kingdom was established after 840 and lasted until 1026 when it was conquered by the Tangut [6, p. 206]. There is not much information about this state in the historical sources.

Fifteen tribes of Old Uyghurs migrated to Turfan and established the Kocho Uyghur Kingdom in 856 which lasted until 1284 [6, p. 206, 209]. In 982, they had two capitals namely Kocho and Beshbalik. In 1209, they accepted the authority of Mongols [7, p. 229]. The same region called both as Turfan and Kocho. "The Turfan region, located in the north-eastern part of the Tarim basin, was an important line of communication between East and West and had since ancient times been a key post on the Silk Route"

[6, p. 206]. During this time other civilizations like Chinese had a great influence on Old Uyghurs. At this time the Old Uyghur language became a lingua franca for the region [6, p. 207-208].

Trade had a great importance for Old Uyghurs. Unlike Kokturks, Old Uyghurs had bigger trade relationship with other people. Kokturks used Sogdian as merchants in the Silk Road [3, p. 193]. They protected the trade along the Silk Road and increased their incomes through this trade [1, p. 332]. Whereas Old Uyghurs did it by themselves, they dominated the Great Silk Road in the 9th-12th centuries [3, p. 194]. Therefore, they used the Great Silk Road more than the other Old Turkic ethnic groups. It was also the result of the fact that an important part of the Silk Road was in the region where Old Uyghurs lived. Some scholars even call this road “the Uyghur Road” [1, p. 334].

Since the period of Orkhon Uyghur Kaghanate, Old Uyghurs had been involved in trade [5, p. 96]. They had broader relationships with Chinese merchants [2, p. 114]. Old Uyghurs continued this tradition during the Gansu and Kocho (Turfan) kingdoms [5, p. 96]. Vast quantity of silk that Old Uyghurs received from China in exchange of horses indicates that they sold it to other nations [6, p. 200].

It is a well-known fact that the Great Silk Road was not only a way for trade, and material goods were not the only things that exchanged through the Great Silk Road. It was also a significant way of cultural exchange in the ancient and medieval times. This led the Chinese, Iranian, Indian and Eastern European cultural influences spread among the Old Turks [4, p. 4]. “The first Uighur rulers considered themselves continuers of the Türk tradition, and claimed legitimacy by linking themselves with Bumin Kaghan, the founder of the First Türk empire” [6, p. 197]. Cultural relationships with other peoples along the Great Silk Road made great differences in the cultural life of Old Uyghurs.

The process of urbanization gained strength among the Uyghurs [6, p. 198]. They began to build new cities like the ones Sogdians, the biggest merchants of the Great Silk Road at the time, had. As D.Sinor mentions, Shine-usu inscription reports that El-Etmish Bilge Kaghan entrusted some Chinese and Sogdians with the building at the Selenga River of a city called Bay Baliq [6, p. 198]. However, the influence of other nations was not the only reason of urbanization: “for reasons of prestige, the Kaghan might

have felt the need for an official, fixed place of residence” [6, p. 198]. Although Old Uyghurs built new cities, Uyghur Kaghan still continued living in a tent as some sources states [6, p. 198]. It shows that particularly in the period of the Orkhon Uyghur Kaghanate, outside influences could not totally change the Turkic lifestyle. Nevertheless, urbanization accelerated during the Kocho Uyghur Kingdom: “the Uighurs gradually gave up their nomadic life and turned to a settled, urban or agricultural existence and created in Kocho a brilliant civilization” [6, 207-208]. The development of the architecture among Old Uyghurs was also marked with the Manichaeism and Buddhist temples and monasteries in Turfan [7, p. 233].

Cultural exchange through the Great Silk Road had a very important role in Old Uyghurs’ religious life. At first they used to believe in Kok Tenri just as Kokturks. However, unlike the Kokturks who never change their religious beliefs, at least officially, Old Uyghurs converted into many religions through their existence including Manichaeism, Buddhism, Christianity, and Islam in different times.

It is assumed that Old Uyghurs adopted Manichaeism from Sogdians [5, p. 96]. It is no surprise that Manichaeism is considered as a “Sogdian religion” [6, p. 198]. Manichaeism stayed with Uyghurs for some time during the Kocho Uyghur Kingdom: “as shown by the many Manichaeism mural paintings as well as Uighur Manichaeism manuscripts (often decorated with beautiful miniatures) found in the Turfan area” [6, p. 210].

Buddhism was the main religion among Old Uyghurs in the Turfan region beginning from the 8th century. It had the biggest influence in Old Uyghur literature, arts and culture: “the Uighur nobility and even the common people took to building temples, making statues, painting frescoes and copying sutras as a kind of charitable and pious deed (in Uighur called buyan < Sanskrit bunya). These are precious works of art representing the high level attained in art and culture by the Uighurs at that time” [6, p. 210-211]. A lot of examples of arts and literature indicates the development of these spheres among Old Uyghurs during that time and explains the role of Buddhism in this development: “The richness of cultural activities in Buddha caves are understood from the manuscripts, wall paintings and various materials that are representative of the literature of Buddhist translation” [7, p. 22].

Christianity, especially its Nestorian branch also influenced upon Old Uyghurs. Note that Old Uyghurs had also been in contact with Nestorian merchants [5, p. 102]. It is shown by several written materials: “In addition, several Uighur fragments, some Nestorian writings and a story about three Persian Magi visiting Bethlehem have been unearthed” [6, p. 210].

Coexistence of different religious beliefs among Old Uyghur caused a fusion of different faiths in Old Uyghur texts [6, p. 211].

While Kokturks used the Orkhon-Yenisei alphabet created by them and Old Uyghurs and Kirghiz used it too, Old Uyghurs later left this alphabet of Turkic origin, and adopted the Sogdian alphabet with some changes that made it suitable for their language: “Among the Uighurs who moved into the Turfan region, the Uighur script gradually replaced the Old Turkic so-called ‘runic’ alphabet. As urban life and trade developed, the use of the Uighur language and script became general” [6, p. 209-210]. Unlike the Kokturk alphabet, the Old Uyghur alphabet did not have different letters to show the vowel harmony, the main phonetical law of the Turkic languages which makes it hard to read the texts written in this script.

Trade and cultural relationships led Old Uyghurs to borrow several words from other languages including Sogdian, Chinese, Sanskrit, Tocharian, etc. For example, the Uyghur civil documents contain a great number of Chinese terms and notions on trade [5, p. 97]. At the same time, there are a great number of religious terms borrowed from Sanskrit, Chinese, Sogdian in the religious texts of Old Uyghurs.

Orkhon Inscriptions of Kokturks were mainly about the rulers of the Kokturk Kaghanate and dealt with historical events of the Empire. Old Uyghurs also wrote this kind of inscriptions during the Orkhon Uyghur Kaghanate, but after the decline of this state they began to write the texts on various religious beliefs, significant number of which are translations. Some of these written monuments also include texts in other languages like Sogdian and Chinese. Bugut inscription of Kokturks was written in Sogdian, while Karabalghasun inscription was written in three languages namely Old Uyghur, Chinese and Sogdian. The later belongs to the period of Külüg Bilgä Kaghan who ruled the Orkhon Uyghur Kaghanate between 809 and 821 [6, p. 202].

Old Uyghurs had a rich tradition of translation. They may

be called the founders of the Turkic translation tradition as they translated many texts from Chinese, Tocharian, etc. According to D.Sinor, “nearly all the main Buddhist works (including sutras, vinayas and abhidharmas) were translated into Uighur” [6, p. 211]. Many Old Turkic religious texts have been found in Turfan including Buddhist texts up to 8000, Manichaeian texts up to 800, and Christian texts up to 50 most of which were found in Bulayik, Kurutka and Kocho [7, p. 234]. We assume that these texts are also the products of cultural exchange through the Great Silk Road.

Cultural exchanges through the Great Silk Road had a significant influence on Old Uyghurs. They accepted many cultural features from other nations living along this route. However, it does not mean that they lost all the Turkic cultural elements. While accepting several cultural elements they mixed those elements with the Turkic culture.

List of references

1. Cinkara A. Uygurlar ve İpek Yolu // Asya Araştırmaları Dergisi, 2019, cilt 3, sayı 2, s.329-345.
2. İsayev E., Özdemir M. Büyük İpek Yolu ve Türk Dünyası // Zeitschrift für die Welt der Türken, 2011, Vol. 3, No. 1, pp. 111-120.
3. Kar A. İpek Yolu'nda Türkler // TİSAD – Türk ve İslam Dünyası sosyal Araştırmaları Dergisi, 2016, yıl: 3, sayı: 7, s.191-196.
4. Kar A. İpek Yolu'nun Türk Dünyası Ülkelerine Geçmişten Günümüze Sosyo-kültürel Etkileri // Yeditepe Üniversitesi Tarih Bölümü Araştırma Dergisi, 2017, cilt 1, sayı 2, s.3-8.
5. Korkmaz F., Keskin B. İpek Yolundaki Eski Uygur Ticari İlişkileri // Uluslararası İpek Yolu Sempozyumu, İstanbul, 2-3 temmuz 2008, s.94-109.
6. Sinor D., Shimin G., Kychanov Y.I. The Uyghurs, the Kyrgyz and the Tangut (Eighth to the Thirteenth century) // History of Civilizations of Central Asia, Volume 4. Paris: UNESCO, 1998, pp.191-220.
7. Yaman Ü. İpek Yolu Duraklarından Turfan Şehrine Bir Bakış // Uluslararası İpek Yolu Sempozyumu, İstanbul, 2-3 temmuz 2018, s.224-236.

© Ahmadova A., 2022

Дун Мень Юй
Харбинский политехнический университет
Город Харбин
Контактный телефон: (+86)13081602760

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ: МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Аннотация: Статья посвящена вопросам реализации культурного вектора в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Основное внимание автор уделяет вопросам сотрудничества России и КНР и их гуманитарному диалогу.

Ключевые слова: Китай; Россия; культура; «Один пояс, один путь»

Abstract: The article is devoted to the implementation of the cultural vector within the framework of the One Belt, One Road initiative. The author focuses on the issues of cooperation between Russia and China and their humanitarian dialogue.

Keywords: China; Russia; culture; “One Belt, One Road”

С углублением экономической глобализации и углублением реформ и открытости Китая, можно говорить о ряде успешных изменений, например, «китайском чуде». Можно сказать, что развитие мира на данном этапе неотделимо от прогресса Китая. Так, генеральный секретарь Си Цзиньпин, председательствуя на 35-м коллективном исследовании Политбюро ЦК КПК 27 сентября 2016 г., подчеркнул, что в настоящее время Китай должен активно участвовать в глобальном управлении и брать на себя международную ответственность.

В настоящее время культурный обмен занимает важное место в международных отношениях и играет исключительную роль. Стабильное развитие культуры является основой обменов и сотрудничества между странами в политической, экономической, военной и других областях. С момента ини-

циативы «Один пояс, один путь», выдвинутой Генеральным секретарем Си Цзиньпином в 2013 году, Россия, как дружественный сосед Китая, активно откликнулась на инициативу Китая и выдвинула предложение соединить «Пояс и путь» с «Евразийским экономическим Союзом», который бы укрепил взаимодействия Китая и России. Обмены и сотрудничество в различных областях способствовали активному развитию двусторонних отношений. На фоне реализации программы ОПОП Китай и Россия активно укрепляют культурную связь.

В XXI веке политические отношения между Китаем и Россией активизировались. В 2012 году Китай выступил инициатором проведения «Года туризма в России», и в рамках проекта обе стороны успешно провели более 200 мероприятий с различными культурными элементами. Некоторые из этих мероприятий даже стали первыми в истории китайско-российского культурного обмена. В 2013 году Россия провела торжественную церемонию открытия «Года туризма Китая» в своей столице Москве, на которой присутствовали и выступили главы правительств обеих сторон. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил на церемонии открытия, что Китай и Россия граничат друг с другом и что обе стороны являются не только «друзьями и партнерами по взаимопомощи», но и «друзьями, идущими рука об руку».

Однако различия в национальных, экологических, исторических, религиозных и других факторах, которые формируют разные культуры и нравственные чувства между двумя странами, а также в российско-китайском обмене и сотрудничестве сталкиваются с многочисленными проблемами практического характера. Например, уровень торгово-экономической деятельности Китая и России далеко не соответствует уровню политического и культурного сотрудничества между двумя странами. Хотя объем торговли между Китаем и Россией превысил 100 млрд. юаней, он в основном сосредоточен в энергетике. В то же время в гражданском обществе по-прежнему сохраняются серьезные разногласия по ряду исторических вопросов между двумя сторонами.

В контексте инициативы «Один пояс, один путь» исследование трудностей и решений китайско-российского культурного обмена может решить многие проблемы будущего взаимодействия. Инициативы «Один пояс и один путь» укрепляет

тенденцию индустриализации культурного сотрудничества и связывает воедино интересы обеих сторон, обрисовывая новые возможности культурного сотрудничества Китая и России.

Существует большое количество проектов в области культурного обмена, в частности, издательская деятельность. Так, Е.Л. Кудрина в 2016 г. в статье «Россия-Китай: диалог культур, науки и образования» представила содержание китайско-российских культурных обменов. В данной статье на примере Казанского государственного училища культуры и искусства представлено содержание китайско-российского культурного обмена. Другой автор – Башаева Светлана Георгиевна в издании 2014 г. «Россия и Китай: молодежь, культура, образование» раскрыла различные аспекты взаимодействия стран. Отдельно можно отметить сотрудничество по линии музеев: по приглашению Национального исторического музея России, Шэньсийский исторический музей в период 2018-2022 годов подготовил выставку «Сокровище истории Шэньси». Этот выставочный проект является первой совместной экспозицией памятников культуры, организованной шэньсийским историческим музеем и Национальным музеем истории России с целью содействия культурному обмену и сотрудничеству между Китаем и Россией по случаю 150-летия создания Национального исторического музея России

Кроме глобальных проектов, как например ОПОП, есть и региональные, например, в 2009 г. лидеры Китая и России подписали план сотрудничества по ряду вопросов, существующих на Северо-Востоке Китая, а также на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири России. Эта программа охватывает более 200 проектов, охватывающих практически все области обмена мнениями между сторонами.

Список литературы

1. 刘扬.中俄文化差异性刍议[J].学术交流, 2011(4)
2. 李明滨, 中国文化在俄罗斯[M].北京:中国国际广播出版社, 2012:2.
3. 肖玉秋.试论清代中俄文化交流的不平衡性[J].漢集刊, 2008(04):42.

Дун Мень Юй, 2022

Pirimqulova Saodat Shodmanqulovna

Tarix fakulteti o'qituvchisi

Samarqand davlat universiteti

Samarqand shahar

bluestar_86@bk.ru

Пиримкулова Саодат Шодманкуловна

Преподаватель исторического факультета

Самаркандский государственный университет

город Самарканд

bluestar_86@bk.ru

Pirimkulova Saodat Shodmankulovna

Teacher of the Faculty of History

Samarkand State University

Samarkand city

bluestar_86@bk.ru

**IKKINCHI JAHON URUSHI YILLARIDA KO'CHIRIB
KELTIRILGAN AHOLI BOLALARINI MAKTABLARGA
JOYLASHTIRISHI TARIXIDAN**

**ИЗ ИСТОРИИ УСТРОЙСТВА ЭВАКУИРОВАННЫХ
ДЕТЕЙ В ШКОЛЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ**

**FROM THE HISTORY OF THE PLACEMENT
OF EVACUATED CHILDREN IN SCHOOLS DURING
THE SECOND WORLD WAR**

Аннотация: Одним из важнейших вопросов во всемирной истории является изучение судьбы детей во время Второй мировой войны, которые были вынуждены покинуть свои дома, города и страны. В данной статье освещается история детей, которые были эвакуированы во время Второй мировой войны из областей вокруг фронта. После решения проблем, связанных с устройством детей, следующим вопросом стали привлечение этих детей к образованию и попытка устроить большинство из них в школы. В данной статье

рассказывается о трудоустройстве эвакуированных детей и оказании им материальной и моральной поддержки.

Ключевые слова: эвакуация; Москва; отдел труда; профессионально-технические училища

Abstract: One of the most important issues in world history is the study of the fate of children during the Second World War who were forced to leave their homes, cities and countries. This article highlights the history of children who were evacuated during the Second World War from the areas around the front. After solving the problems associated with the placement of children, the next issue was to involve these children in education and to try to get most of them into schools. This article talks about the employment of evacuated children and the provision of material and moral support to them.

Keywords: evacuation; Moscow; department of labor; vocational schools

Ikkinchi jahon urushi butun dunyo davlatlarining nafaqat iqtisodiy, siyosiy va ijtimoiy ahvoliga salbiy ta'sir ko'rsatdi, shu bilan birga ko'pgina xalqlar ham o'z boshidan mudhish voqealarni o'tkazishiga to'g'ri keldi. Ikkinchi jahon urushi boshlanishi bilan harbiy xarakatlar bo'lgan hududlarning hammasida ommaviy ko'chirish siyosati olib borildi.

Ommaviy ko'chirish siyosiy, iqtisodiy, ijtimoiy va millatlararo xarakterdagi ko'pdan-ko'p vazifalarni hal etishning muhim omillaridan biriga aylanib qolgan edi. Eng e'tiborli tomoni shundan iboratki, ko'chirish jarayoni bolalarni ham chetlab o'tmadi. Ya'ni, ikkinchi jahon urushi boshlangandan keyin, dushmanga nafaqat moddiy boylik balki qushimcha kuch qoldirmaslik uchun front orti chiziqlaridan aholini ko'chirish (evakuatsiya) jadallik bilan olib borildi. Ko'chirish o'z navbatida ko'p miqdordagi moddiy va moliyaviy yo'qotishlar bilan kechdi.

Ko'chirish masalasi urushdan oldin ko'rib chiqilgan bo'lishiga qaramay, ammo keyinchalik ma'lum bir tayyor rejalar asosida olib borilmadi. Hujjatlardan ma'lum bo'lishicha, Moskva shahridan aholini ko'chirish masalasi bo'yicha maxsus Komissiya tuzilgan. 3 iyun kuni bu komissiya I.V.Stalinga «Urush yillarida Moskva shahridan va front oldi chiziqlaridan aholining bir qismini ko'chirish» to'g'risidagi rejasini taqdim etgan [11, c. 10].

Front oldi chizig'idagi aholini ko'chirish albatta osonlik bilan amalga oshirilmagan. Bu jarayonda bolalar taqdiri har bir kishini o'ziga jalb etmasdan qolmaydi. Eng achinarlisi shu edikim, ko'chirilgan bolalarning aytarli barchasi ota-onasiz qolgan edi.

Ikkinchi jahon urushi yillarida ko'chirib keltirilgan bolalarni joylashtirish masalasidagi muammolar o'z bo'lsada bartafar etilgach, keyingi masala bu bolalarni ta'limga jalb etish, ularning ko'pchiligini maktablarga joylashtirishga harakat qilindi. Ammo ko'chirib keltirilgan bolalarni maktablarga joylashtirishdan ko'ra ham eng qiyinchilik to'g'dirgan masalalardan biri bu yetarli darajada o'quv darsliklari bilan ta'minlanmaganlik bo'lib hisoblanadi. Umuman bu yillarda mahalliy aholi bolalarining aksariyati ham darsliklar bilan ta'minlanmagandilar. Shunga ko'ra ko'chirib keltirilgan bolalarni ham darsliklar bilan ta'minlash juda og'ir kechdi.

Bolalar evakopunktidan o'tgan o'smirlarning 48% i 15-16 yoshlilarni, ya'ni aynan maktab yoshidagi bolalarni tashkil qilgandi. Shu narsani aytib o'tish joizki, bu o'smirlarning ko'pchiligi maktablarda o'qish umuman ta'lim olish istagini bildirganlar. Ammo Mehnat Boshqarmasi ko'chirib keltirilgan o'smirlarning hammasini ham ular ko'rsatgan ta'lim muassasalariga joylashtira olmaganlar. Masalan, Hunarmandchilik va Mehnat maktablarida ta'lim olmoqchi bo'lgan o'quvchilarda tartibli ravishda kiyim-kechak va poyafzal, shuningdek, ularning barchasida guvohnomasi ya'ni pasporti bo'lmogi lozim edi. Lekin bizga ma'lumki, ko'chirib keltirilgan bolalarni ko'pchiligi bombardimonlar natijasida g'afatda qolib o'z bog'chalari, mehribonlik uylari bilan yoki shunchaki yo'ldan topilgan bolalar bo'lganligi uchun ularning barchasi ham mazkur ko'rsatkichlarga javob bera olmagan. Bundan tashqari ularning ko'pchiligining hujjatlari yo'l davomida bir poyezddan ikkinchisiga bir joydan boshqa joyga ko'chirilishi mobaynida yo'qolib qolgan edi. Ular joylashtirilgan mehribonlik uylari ham ko'p xollarda o'smirlarni formali kiyim-kechak bilan ta'minlash imkoniga ega bo'lmagandi. Shuning uchun ham faqatgina ayrim o'smirlar maktablar, oliygohlarga joylashtirilib qolganlari esa ishga joylashishga to'g'ri kelgandi.

O'zbekiston hududiga ko'chirib keltirilgan o'smirlarni ko'pincha Hunarmandchilik yoki Mehnat maktablariga joylashtirishar edilar. Masalan, 1942 yillarda Markaziy bolalar evakopunkti tomonidan qabul qilingan 13274 nafar bolalarning

4138 nafari Mehnat maktabiga, Hunarmandchilik va Temiryo'l oliygohlariga ta'lim olishga yuborilgan [1, c. 138].

Kursk viloyatidan 1942 yil 6 yanvarda Namangan viloyatiga ko'chirib keltirilgan mehribonlik uyi Leninyo'li kolxoziga joylashtirilgan. Bolalar 270 nafarni tashkil qilib, ularning barchasi maktab yoshidagi bolalar bo'lgan. Ko'chirish davomida ko'pgina bolalarning hujjatlari yo'qolib ketgandi. Lekin shunga qaramay mazkur bolalar maktablarga o'qishga qo'yilgan, yuqori sinfda o'qiydigan bolalarning o'qishga qatnashish qoniqarli (100%) bo'lgan, faqatgina 5-6-7-8 sinflarda o'qiydigan bolalarning o'qishi esa 85 % ko'rsatgichini tashkil etgan. Bolalarga kerak bo'lgan darsliklar bilan ta'minlanishi 5-6-7-8 sinflarda 85 % ni tashkil qilgan. Darsliklar bilan bunday muammolar asosan do'konlarda darsliklarning qolmaganligi bilan belgilanadi. Bundan tashqari o'smirlarni maktabdan keyin bo'sh qolmasliklari uchun ularning qobiliyatini yanada oshirish uchun mehribonlik uylari to'garaklar ko'pincha tashkil qilinmagan. Bunday vaziyat ham o'smirlar ahvoriga jiddiy ta'sir ko'rsaib nazoratsiz bolalarning sonining oshishiga olib kelgandi [2, c. 58].

Umuman mehribonlik uylaridagi bolalarning to'liq ta'lim bilan ta'minlanishiga shu mehribonlik uyining xodimlariga ham bog'liq bo'lib hisoblangan. Chunki aynan ularning sa'y-harakatlari bilan o'smirlarni biror oliygohga joylashtirish mumkin edi. O'z ishini adolatli bajarmagan tarbiyachilar bilan bir qatorda mashaqqatli bo'lsada ma'suliyat bilan bajarishga intilgan shaxslar ham yo'q emas edi. 2-sonli mehribonlik uyi direktori Babenko o'zining 5 oylik bu yerdagi ishi mobaynida mehribonlik uyning ahvolini ijobiy tomonga o'zgartirishga erishadi va 125 nafar bolalarning, shuningdek, 75 % ko'chirib keltirilgan bolalarning ta'lim olishlari uchun shart-sharoitlar yaratib beradi. Yana bir misol tariqasida, Quybishev tumanidagi 47-sonli maktab direktori Fedosyuk ham ko'chirib keltirilgan o'smirlar uchun shart-sharoit yaratib berib, uning maktabida 1100 nafar ko'chirib keltirilgan bola ta'lim olgan [3, c. 32].

1942 yil 1 sentyabrdan mehribonlik uylaridagi maktab yoshidagi ko'pgina bolalar o'qishni boshlaganlar, ular uchun maxsus sinf ochilgan. Masalan, bunday sinflar Toshkent viloyatidagi Bekoobod tumanida, Andijon viloyatidagi – Buta- Qora tumanida ochilgandi. Ammo eng achinarlisi ko'chirib keltirilgan bolalar uchun bu yerda

maxsus sinf ochilsada lekin bolalar yetarli darajada kitoblar bilan ta'minlanmagan, ayniqsa rus maktablarida bu yetishmovchiliklar kuchli bo'lgan [4, c. 35].

2-sonli Moskva harbiy musiqa maktabi tarbiyalanuvchilari Namangan shahrida joylashtirilgan. U yerdagi mehribonlik uyi qoshidagi maktabda 6-7 sinf yoshidagi 165 nafar o'g'il bolalar tarbiyalangan va ta'lim olgan. Bu maktabdagi ishlar juda yaxshi yo'lga qo'yilgandi. Ammo maktabning o'zining ahvoli juda achinarli ahvolda bo'lgan. Mazkur Namangan muzeyiga tegishli binoda joylashtirilgan. Bino juda ham kichik va zich bo'lganligi sababli bolalarning yotoqlari bir-biriga ham tig'iz qo'yilgan bo'lib, xattoki yotoqlar orasidan o'tayotgan joy ham bo'lmagandi. Biz yuqorida aytganimizdek, bu maktab harbiy musiqa maktab bo'lganligi uchun bolalarning aytarli barchasi musiqa bilan shug'ullangan. Ammo binoning juda zichligi tufayli bolalarga yetarli darajada musiqa bilan shug'ullanishlari uchun imkoniyat yaratib bo'lmagan, chunki bolalar turli asboblarda o'ynab, bir-birlariga juda yaqin bo'lganliklari uchun halaqit berishganlar. Lekin shunga qaramay, harbiy musiqa maktabida ta'lim va tarbiya juda yahshi yo'lga qo'yilganligi sababli bolalar kuni bilan o'z ishlari bilan band bo'lishgan. Urush yillaridagi vaziyatda bunday turdagi ta'lim muassasasi bolalarning ta'lim tarbiyasi uchun juda ham muhim hisoblangan edi. Shuning uchun bu maktabni tibbiyot ishchi fabrikasi binosiga joylashtirishni so'rab Xalq Maorif Komissarligiga murojaat qiladi va uning bu iltimosi tez orada amalga oshirilgandi [5, c. 55].

1945 yil 1 yanvar hisobotiga ko'ra Buxoro bo'yicha 154 nafar bola oliygohlarga o'qishga joylashtirilgandi [6, c. 3].

1942 yil 1 fevral Buxoro viloyati hisobi bo'yicha ko'chirib keltirilgan bolalarning o'qish bilan ta'minlanganlar qo'yidagilar bo'lgan. Viloyat bo'yicha 988 nafar bola ro'yhatga olingan bo'lib, ularning barchasi o'qishga joylashtirilgan edi. Buxoro tumani bo'yicha esa 4386 nafar bola ro'yhatga olingan bo'lib, ulardan 2316 nafari o'qish bilan ta'minlangan [7, c. 101].

1941 yilda Kiyevdan Xo'jaobodga ko'chirib keltirilgan bolalar orasida bitta kar qizchadan tashqari barcha tarbiyalanuvchilar sinflarga ajratilgan va maktablarda ta'lim olgan. 1 sinfda 13 nafar, 2 sinfda 12 nafar, 3 sinfda 23 nafar, 4 sinfda 24 nafar, 5 sinfda 24 nafar, 6 sinfda 36 nafar, 7 sinfda 3 nafar 8 sinfda 5 nafar, 9 sinfda 2 nafar tarbiyalanuvchi ta'lim olgandi. Bolalar darsdan keyin

hordiq olishlari uchun mehribonlik uyida xor, balet, shaxmat, din to'g'risidagi ta'lim, adabiyot kabi to'garaklar tashkil qilingan. Bu to'garaklar oyida 1-2 marataba kalendar rejasi bo'yicha olib borilgan [8, c. 17].

5-6-7-8-9 sinf tarbiyalanuvchilari darsliklar bilan to'liq ta'minlangan, lekin 1-2-3 sinf tarbiyalanuvchilari daftar va turli kanselyar asboblari bilan yaxshi ta'minlangan bo'lsada, biroq darsliklar bilan yomon ta'minlangan. 1941 yil hisobida tarbiyalanuvchilar 95 % lik o'zlashtiruv bilan maktabni bitirganlar. Lekin 1942 yil 1 yarim yillikda 71 % lik o'zlashtiruv ko'zatilgan. Buning sababi yuqorida aytib o'tilganday, 1-4 sinf o'quvchilarining darsliklar bilan ta'minlanmagani bo'lib hisoblanadi [9, c. 17].

Shahar maktablariga birlashtirilgan mehribonlik uylari tarbiyalanuvchilari bir tizim asosida ta'lim olmaganlar. Natijada 30-sonli mehribonlik uyi tarbiyalanuvchilari 5 ta maktabga birlashtirilgan bo'lib turli smenalarda o'qiganlar. 5-sonli mehribonlik uyi ham 5 ta maktabga, 21-sonli mehribonlik uyi tarbiyalanuvchilari esa 3 ta maktabga birlashtirilganlar va mazkur maktablarda ta'lim olgandilar. Lekin ayrim hollarda o'zlashtiruv faqatgina darsliklarning bo'lmagankigi uchun emas balki o'qituvchilarning o'z vazifasini adolatli bajarmaganliklari va natijada maktabga kelmaganligi uchun ham bo'lib turgan. Misol tariqasida Oktyabr tumanidagi 24-sonli maktabda o'qigan 32-sonli mehribonlik uyining 70 nafar tarbiyalanuvchilari 20 kun mobaynida o'qituvchining yo'qligi tufayli dars bo'lmagandi [10, c. 61].

Afsuski biz olgan hujjatlarda Respublika bo'yicha o'smirlarning maktablardagi umumiy soni to'g'risidagi aniq ma'lumotlar yo'qdir. Albatta ko'chirib keltirilgan bolalarda darsliklarga nisbatan yetishmovchilik kuchli edi. Urush qiyinchiliklarga har qadamda o'zini sezdirib turgan. Lekin shu bilan birga bu qiyinchiliklarni yenggan holda nafaqat mahalliy aholi bolalarini balki ko'chirib keltirilgan bolalarni o'qish bilan ta'minlash, ularga ta'lim berish oddiy o'zbek xalqi tomonidan qilingan katta jasorat desak xato qilmagan bo'lamiz.

Adabiyotlar ro'yhati

1. O'z MDA fond 94, ro'yhat 5, yig'ma jild 4254, varaq 138.
2. O'z MDA fond 94, ro'yhat 7, yig'ma jild 39, varaq 58.
3. O'z MDA fond 94, ro'yhat 5, yig'majild 4250, varaq 32.
4. O'z MDA fond 94, ro'yhat 5, yig'majild 4250, varaq 35.
5. O'z MDA fond 94, ro'yhat 5, yig'majild 4250, varaq 55.
6. O'z MDA fond 94, ro'yhat 7, yig'ma jild 73, varaq 3.
7. O'z MDA fond 314, ro'yhat 1, yig'ma jild 46, varaq 101.
8. O'z MDA fond 94, ro'yhat 7, yig'ma jild 55, varaq 17^{ob}.
9. O'z MDA fond 94, ro'yhat 7, yig'ma jild 55, varaq 17^a.
10. O'z MDA fond 94, ro'yhat 5, yig'ma jild 4604, varaq 61.
11. Куманев Г.А. «Война и эвакуация в СССР 1941-1942 годы» //Новая и новейшая история// №6,2006 г. С.10

© Pirmqulova S.Sh., 2022

КАРЛУКИ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Аннотация: В статье представлен взгляд на значение карлукской общности в VIII – IX вв.. Основное внимание уделяется Великому шелковому пути и его направлениям в центральноазиатском регионе. Автор отмечает локальные группы карлуков, проживавших на территории Памира, Хорасана, Тохаристана, Бадрахшана и Систана.

Ключевые слова: карлуки, Центральная Азия, Великий шелковый путь

Abstract: The article presents a look at the significance of the Karluk community in the 8th - 9th centuries. The main attention is paid to the Great Silk Road and its directions in the Central Asian region. The author notes the local groups of Karluks living in the Pamirs, Khorasan, Tokharistan, Badakhshan and Sistan.

Keywords: Karluks, Central Asia, Great Silk Road

Народы многих стран сегодня стремятся изучить корни своей истории, понять истоки духовности, своей национальной причастности к мировой культуре. И потому совсем не случайно усиление в последние годы научного и общественного интереса к Великому шелковому пути, идее его возрождения как важнейшего канала взаимодействия культурных, экономических, туристических связей.

Карлуки и их племена оказались на перекрестке древнейших цивилизаций мира, на пересечении транспортных артерий, социальных и экономических, культурных и идеологических связей между Востоком и Западом. Как о карлуках засвидетельствуют памятники древнетюркской письменности на рунике [11, с. 41-42], место их обитания отмечено в степях

Центральной Азии, в частности Орхона-Енисея, Урянхайского края, Западного Алтая, Притяньшаня и Семиречья.

«Главенство в Семиречье во второй половине VIII века перешло к народу карлуков, главная масса которых теперь выделилась из Алтая (передовая ветвь карлуков ещё в начале столетия достигла берегов Аму-Дарьи)» [2, с. 36]. Северные провинции Афганистана (расположенные между Гиндукушем и Аму-Дарьёй), которые в прошлом были объединены с южными районами нынешнего Таджикистана и Узбекистана общими историческими судьбами» [13, с. 76], являлись основными местами локализации карлуков.

Нарративные источники VIII – IX вв. отмечают локальные группы карлуков, обитавших на Памире, Хорасане, Тохаристане, Бадахшане и Систане, вплоть до северных областей Индии [5, с. 84]. Карлуги установили контроль над важнейшим перекрёстком Великого шёлкового пути, соединившим две его ветви: индийскую и китайскую. Действительно, торговля приносила огромные доходы согдийским купцам: свою долю в виде налогов получали и их тюркские сюзерены [9, с. 101-102].

«В течение VIII–X вв. карлуки жили на Притяньшане, в Припамирье, в Семиречье и Восточном Туркестане, включая часть Ферганы. Карлуки расселились на большей части территории Тянь-Шаня, Чуйской долине, Иссык-Кульской котловине и ряде районов Восточного Туркестана» [10, с. 37]. Основные ветви карлуков переселились в Семиречье, где между 746-766 гг. захватили политическую власть, создали свою государственность.

Этот трансконтинентальный путь связывал в единую хозяйственно-культурную систему Восток-Запад. Вследствие вышесказанного политические события, происходившие в Средней Азии, государственный строй, культура и быт её обитателей оказались в поле зрения как западных (византийских и армянских), так и восточных (китайских) авторов [6, с. 13].

Великий шёлковый путь протянулся на тысячи километров и оказал огромное влияние на преобразование народов и формирование политического, экономического, социального и культурного устройства стран, через которые он проходил. Вдоль всех его маршрутов возникали крупные и малые торговые города и поселения, и особенно испещренной караванными путями была Центральная Азия.

Этот регион пересекали десятки торговых маршрутов. Здесь происходили важнейшие этнические процессы, активное взаимодействие культур, осуществлялись масштабные торговые операции, заключались дипломатические договоры и военные союзы. Народам этого региона принадлежит выдающаяся роль в распространении буквенного письма и мировых религий, многих культурных и технических достижений в страны Внутренней Азии и Дальнего Востока.

Великий шелковый путь, как разветвленная караванная дорога, связывал Восточную Азию со Средиземноморьем в древности и в Средние века. Первоначально Шелковый путь брал свое начало в древней столице Китая – Чаньани, потом шел вдоль северного Тянь-Шаня к Дуньхуа – городу у окраины Великой Китайской стены. Здесь единая дорога разветвлялась, окаймляя с севера и юга пустыню Такла-Макан. Северная шла через Турфан в долину реки Или. Средняя (так называемый Южный путь) от Чаочана к южному берегу Иссык-Куля – через Хотан и Яркенд, далее по южной части Памира вела в Бактрию (северный Афганистан). Здесь Южный путь расходился на два другие маршрута: один вел в Индию, другой на Запад и в Мерв, где сливался с Северным Путем. Далее он проходил через Нису – столицу Парфии, Иран, Месопотамию и затем через Багдад шел в Дамаск, доходил до Средиземноморья.

Как видно из этого сообщения, Великий шелковый путь никогда не был единой магистралью. В его систему входило несколько ветвей караванных дорог, которые проходили через разные перевалы в горных хребтах в обход пустынь. Самая оживленная ветвь проходила в Семиречье, где карлуки господствовали 200 лет.

Заметим, что «в течение VIII–X вв. территория Притянь-шанья и Семиречья являлась своеобразным перекрестком трансконтинентальных торговых путей из Китая в Среднюю Азию и в Южную и Западную Сибирь. Тюркоязычное население карлукского государства стало основой Караханидского каганата» [5, с. 186]. В конце X века «Караханидский каганат, расположенный в Семиречье и Восточном Туркестане, достиг своего зенита могущества» [12, с. 36].

Это был период могущества карлуков, расцвета, строительства городов на Великом шелковом пути, развития торговли и экономики, принятия и распространения ислама

среди тюркских племен, сложения карлукского языка как государственного «хакани», развития науки, распространения билингвизма и синтеза культур, населяющих данный диалогообразующий регион.

Хочется отметить, что расцвет функционирования Великого шелкового пути – уникального исторического памятника человеческой цивилизации, приходится в «карлукский период», во времена политического восхождения и гегемонии раннесредневековых карлугов в Семиречье.

В трудах арабских авторов IX-X вв., особенно у Кудама ибн Джафара и ибн Хордадбеха, содержатся очень богатые сведения о Шёлковом пути, проходившем по Средней Азии. В связи с объединением владений карлуков и большей части владений Саманидов эта дорога при Караханидах не только функционировала, но и расширялась.

Шелковый путь начинался в Багдаде, шёл через Мерв, Амул, Бухару и Замин. В Замине он разветвлялся на два направления: Южное (Ферганское) и Северное (Шашско-Тюркское). Южный путь тянулся через Ходжент до Ахсикета, руины которого находятся на правом берегу Сырдарьи. От караванной дороги Замин – Ахсикет отходило ещё четыре ветви: две – у селения Сабат, третья – у Ходжента и четвёртая – у Ахсикета. Эти малые ветви Южного пути связывали между собой области Средней Азии.

От Ахсикета Южный путь проходил через Ош, Узген. От Узгена путь пролегал вдоль р. Яссы, пересекая Ферганские горы, в сторону Ат-Баши. Оттуда южный путь пролегал до оз. Иссык-Куль (почти по современной трассе), далее по южному побережью Иссык-Куля доходил до г. Барсхан. По сведениям Кудама ибн Джафара, можно предположить: дорога Ат-Баши – Верхний Барсхан пролежала через долину рек Нарын и Кара-Сай и выходила в Восточный Туркестан.

По заключению специалистов, основное направление Великого шелкового пути никогда не менялось, но на равнинах часто происходили местные изменения. Горные дороги, пролежавшие по ущельям, перевалам и высокогорным тропам, оставались неизменными. С древних времён Тянь-Шань, Семиречье и Фергану, т. е. владения карлукских племен, пересекали три ветви Великого шелкового пути.

Памиро-Алайский путь. От Средиземного моря, пересекая Иран, караваны приходили в большой город Мерв. Здесь путь раздваивался. Одни караваны шли в г. Термез, переправлялись через Амударью, затем по берегу её правого притока Кызыл-Су поднимались на Алайское нагорье. Здесь путь их лежал к удобному проходу Иркештам, и по течению реки Кук-Су направлялись в сторону Кашгара.

Ферганско-Кашгарский путь. На юге современного Кыргызстана проходил еще один маршрут, называемый Кашгарским торговым путём. На участке Фергана – Ат-Баши он соединился с Южным путём, далее – через ущелье Таш-Рабат и перевал Торугарт он шёл в Кашгар. Дорога из Кашгара проходила через Иркештам, Ферганскую долину к Самарканду, а другая её ветвь шла через Каратегин (современный Таджикистан – С.Р.) в Термез [1, с. 181-182].

Другие караваны из Мерва направлялись через Бухару и Самарканд к Ходженту и приходили в Ферганскую долину. Далее путь вёл по предгорьям в города Ош и Узгенд. Затем вверх по реке Яссы через Центральный Тянь-Шань к г. Атбаши. Отсюда одни двигались на юг в Синьцзян, а другие – в г. Барсхан, находящийся на озере Иссык-Куль.

Чуйский путь. Северный, или, как называли его арабские писатели, Шашско-Тюркский путь, проходил через Шаш, Ифиджаб, Тараз, многочисленные города и селения Чуйской долины и входил к оз. Иссык-Куль, где соединился с Южным путём. Весь путь проходил по равнинам и через города, поэтому являлся оживлённым торговым путём в любое время года. В раннем Средневековье он был самым оживлённым.

Караваны из Самарканда шли в Ташкент. Затем они приходили в Чуйскую долину. Здесь с запада на восток тянулась цепочка карлукских городов, через которые проходили караваны. Самыми крупными из них были Навакат и Суяб – столица Карлукского каганата. Из Суяба торговцы попадали на озеро Иссык-Куль и по южному побережью караваны проходили в г. Барсхан. Из Барсхана было два пути. Один вёл на север через перевал Сан-Таш в степи Монголии и к кыргызам в Южную Сибирь. Другой вёл через перевал Джуук в Центральный Тянь-Шань и через перевал Бедель в Кашгар, а из него все пути вели в Китай.

Карлуки сопровождали торговые караваны среднеазиатских и тибетских купцов в столицу Киргизского государства, защищая их от нападения со стороны уйгуров [4, с. 347-355]. Южный путь имел второстепенное значение по сравнению с Северным торговым путём. Это объясняется тем, что почти половина южного маршрута проходила по горам, ущельям и высокогорным пастбищам [8].

Следует отметить, что все караванные пути между Западным и Восточным направлениями проходили через города и поселения, которые находились в карлукских владениях. Остановившаяся в пути, торговцы вошли в контакт с местными жителями, наладили взаимоотношения, что положительно сказывалось на развитии взаимосвязей между разными народами.

Великий Шелковый путь в Средней Азии, Южном Казахстане и Семиречье проходил через города карлуков. Кроме того, усиление, внедрение исламской религии совпало со временем господства карлуков, которые первыми приняли и распространили ислам среди других тюркских народов.

Мусульманские авторы подробно описывают торговый путь из Западной Азии в Китай через Семиречье и упоминают на этом пути несколько городов. Исходя из «Худуд ал-алам», в стране карлуков имелись свыше 25 городов, расположенных вдоль Великого шелкового пути.

Анонимный автор «Худуд ал-Алам» отмечал, что районы расселения карлуков экономически были наиболее развитыми. Карлуки оседали в селениях и городах, находившихся главным образом на торговом пути, идущем из Передней Азии, через владения гузов, карлуков, тогузогузов, в Китай. Оседлые карлуки и другие тюркские племена занимались земледелием, ремеслом и торговлей [3, с. 71-72].

Столица карлуков и многие их города находились на Великом шелковом пути, который имел большое значение, не только как дипломатический и торговый тракт, но и как путь культурных и духовных связей. Правящая знать кочевых племён владела не только пастбищами, угодьями, но и городскими центрами, среди которых: Тараз, Кулан, Мерки, Атлалиг, Тузун, Балиг, Барсхан, Сиккуль, Талгар, Тонг, Пенчуль и др.

Самым крупным городом и одним из центров Великого шелкового пути в Чуйской долине являлся город Баласа-

гун – одна из столиц Караханидского каганата. Вопрос о его местонахождении остаётся ещё спорным. Баласагун впервые упоминается в сочинении ал-Мукаддаси. Согласно его сообщению, в то время этот город был наиболее крупным по площади и населению. Махмуд Кашгари дает ему три названия: Баласагун, Куз-Улуш и Куз-Орду.

Крупным торговым центром карлуков был город Испиджаб. Все купцы восточных стран собирались в этом городе, что повысило интерес городских феодалов к торговле, и они построили рабад с большим базаром. Когда Кара-тегин был правителем, с этого базара получали ежемесячно прибыль в 7 тысяч дирхемов.

Согдийцы, основавшие свои торгово-земледельческие колонии на Великом шелковом пути, в том числе и в Семиречье, жили совместно с карлуками. Входя в непосредственное соприкосновение с ними, согдийцы передавали им свой богатый культурный опыт в разных областях деятельности [7, с. 239].

Великий шелковый путь продолжал функционировать до конца средних веков и способствовал социально-экономическому развитию городов на пути следования: Тараза, Сайрама, Сюткана, Отрара, Туркестана и др. Карлуки непосредственно способствовали развитию торговли и строительству этих и других городов и поселений на торговом пути.

Так что процесс сложения городской культуры в Семиречье определялся не только «согдийской колонизацией»; в ее формировании и синтезировании определенную роль играли карлуки, их взаимодействие с согдийцами, оседавшие в городах от Семиречья до Приаралья.

Таким образом, наиболее значительным племенем Семиречья в X веке были карлуки, кочевья которых тянулись на огромные расстояния – от долины Таласа вдоль караванного пути, и с юга обходили Иссык-Куль. Требовалось 30 дней, чтобы пройти караванным путём от западных границ карлуцких владений до восточных [7, с. 240].

Крупные города карлуков в IX-X вв. отличались своеобразной культурой. Они основывались не только на кочевом типе хозяйствования, но обладали оригинальной городской культурой, имевшей богатую торгово-ремесленную традицию, являясь центрами транзитной и международной торговли.

Карлуки на вверенной им территории контролировали стабильность и безопасность движения караванов на Шелковом пути, обеспечивали порядок и благоприятные условия согдийцам, чтобы могли выгодно сбывать свои товары в атмосфере невосприятости культурного разнообразия инородного населения, создав предпосылки восприятия, толерантности и билингвизма.

Большое влияние на материальную культуру карлуков оказал Великий шелковый путь, пролежавший через территорию карлукских владений. В результате тесных связей кочевых карлуков с оседлым населением Средней Азии в их материальной культуре произошли значительные изменения (постоянные жилища, одежда, орудия труда, и т.д.).

Великий шелковый путь, функционировавший полторы тысячи лет, сыграл огромную роль в сближении двух континентов, во взаимном культурном обогащении многих европейских и азиатских народов. Карлуки оказали определенное влияние на ход истории центральноазиатского региона, на развитие этнокультурных, духовных и торгово-экономических отношений населяющих регион народов.

Список литературы

1. Абаева Т. Древние торговые пути Бадахшана. В кн.: Научные работы и сообщения отд. Общ. Наук АН. Уз. ССР, кн. 2. Ташкент, 1961.
2. Бартольд, В.В. Сочинения / В. В. Бартольд. – М.: Восточная литература, 1963. – Т. I. – Ч. II.
3. Бартольд В.В. Туркестан... ч-2.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Л., 1951. – Т. I-III, Т. I.
5. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах: – Т.2. – Алма-Ата, 1979.
6. История таджикского народа, т.2, Душанбе, 1999.
7. История Узбекской ССР, гл. VI. Мавереннахр при караханидах.
8. Караев О. История Караханидского каганата, Фрунзе: «Илим», 1983.
9. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники, как источник... – М.: Наука, 1964.
10. Кляшторный, С.Г., Савинов, Д.Г. Древнетюркские племенные союзы и государства Великой Степи / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов // Степные империи Евразии. – СПб: Фарн, 1994.

11. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М. —Л., 1959.
12. Мокеев, А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. – Бишкек, 2010. – С.36.
13. Писарчик. А.К., Кармышева Б.Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, Известия отделения Общественных наук Тадж. ССР. – Сталинабад, 1953.

© Сафаров Р., 2022

Ши, Юэ
*Ассистент-Профессор, Доктор исторических наук,
Пекинский Университет, Пекин*
shiyue2018@pku.edu.cn

Shi, Yue
*Assistant Professor, Ph.D in History,
Peking University, Beijing*
shiyue2018@pku.edu.cn

«ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ» И ФОРМИРОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

HISTORY OF CIVILIZATIONS OF CENTRAL ASIA AND THE FORMATION OF CENTRAL ASIAN CIVILIZATIONS

Аннотация: Шеститомная «История цивилизаций Центральной Азии» — коллективный проект, спонсируемый и наблюдаемый ЮНЕСКО в 1960–2000-х годах. Как международный историографический проект, он был инициирован в основном Советским Союзом и был направлен на демонстрацию центральности и многообразия исторических цивилизаций Центральной Азии. В данной статье исследуются причины поддержки проекта со стороны Советского Союза и то, как проект ЮНЕСКО способствовал формированию современных цивилизаций Центральной Азии. Хотя проект ЮНЕСКО изначально был разработан для изучения древних и средневековых культур в более широком географическом охвате, он непреднамеренно способствовал нациостроительству государств Центральной Азии в эпоху после окончания «холодной войны».

Ключевые слова: Цивилизации; Центральная Азия; ЮНЕСКО; нациостроительство

Abstract: The six-volume *History of Civilizations of Central Asia* is a collective project sponsored and supervised by UNESCO during

1960s-2000s. As an international historiographical program, it was initiated mainly by the Soviet Union and aimed at demonstrating the centrality and diversity of historical civilizations in Central Asia. This article explores the reasons behind the Soviet sponsorship of this project and how the UNESCO project contributed to the formation of contemporary Central Asian Civilizations. Although the UNESCO project was initially designed to focus on ancient and medieval cultures in the larger geographical scope, it unintentionally contributed to the nation-building of Central Asian states in the post-Cold War era.

Keywords: Civilizations; Central Asia; UNESCO; Nation-building

The six-volume *History of Civilizations of Central Asia* (hereafter the UNESCO Project) is a collective project sponsored and supervised by UNESCO during 1960s-2000s. It is an international program, in which more than 300 scholars from dozens of countries have participated. The Soviet Union, Afghanistan, China, India, Iran, Mongolia and Pakistan were the main participants of the project. The six volumes were published during 1992 to 2003. According to the Preface by Dr. Federico Mayor, the Director-General of UNESCO (1987-1999), this project follows the purposes laid down in the Constitution of UNESCO, i.e., “to develop and to increase the means of communication between..... peoples and to employ these means for the purposes of mutual understanding and a truer and more perfect knowledge of each other’s lives,” and the work *per se* will contribute to “the study and mutual appreciation of the cultures that are the common heritage of mankind” [4, p. 6].

It’s noteworthy that the UNESCO Project laid down one definition of Central Asia, which covers the territory of modern “Afghanistan, northeastern Iran, northern and central Pakistan, northern India, western China, Mongolia and the former Soviet Central Asian republics” [4, p. 480]. Obviously, this definition appears to be rather different from the term “Central Asia” commonly used in diplomatic and academic discourse, which comprises Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan. Eurasia, or Central Eurasia, became the widely used terms for the macro-level definition [8]. So how did this concept change in the 20th century? And how did “Central Asia” evolve from a geographical term in the 18-19th century to a unit of civilizations after 1991? The UNESCO Project is a part of this history of ideas behind the change of

“Central Asia”, and this case demonstrates the interplay between geographical concept and geopolitical reality. This article delves into the historiography of the UNESCO Project. It argues that the UNESCO Project, though initiated by the Soviet Union in the late 1960s, not only promoted the studies on the ancient cultures in Central Asia, but also contributed to the formation of modern Central Asian Civilizations based on nation-states.

1. The Emergence of Central Asia as a Geographical Term

In the early 19th century, the term “Central Asia” gradually emerged in the European academia for describing the landmass at the center of Asia. The formation of this referential relationship is closely related to knowledge-power activities on two levels: first, the investigation of the hinterland of Asia by European geographers since the 18th century; second, the competition over its definition between European and Russian academia in the 19th century. On the first level, with the evolution of European geodesy and cartography since the 18th century, the geography of the Asian hinterland and the status of its inhabited populations became clear to European academics. Explorers such as P. S. Pallas, F. M. Nazarov, E. K. Meindorf and P. P. Semenov gradually accumulated information on the topography, hydrology, flora and fauna, and ethnography of the region. Naturalists and geographers represented by Alexander von Humboldt attempted to comprehensively describe Asian geography and propose hypotheses concerning the causes of specific phenomena based on exploration reports. For example, Humboldt uses *Haute Asie* to describe the vast region comprising Tibetan Plateau, the Hindu Kush, the Western Ghats, the Iranian Plateau, and the Caucasus Mountains as opposed to the lowlands to the south and west of the Tianshan Mountains. Central Asia (*Asie centrale*), in his system, is identified as the area extending 5° north and south from the latitude 44.5° North, between Ustyurt Plateau to the west and Greater Khingan mountains to the east [5; 4, p. 477]. Driven by a large number of field investigations in the early 19th century, European geographers gradually abandoned the term “Tartaria,” or “*la Haute Tartarie*,” which had been frequently used in the medieval and the early modern periods, because of its racial and religious connotations. Its alternatives in the 19th century included High Asia, Central Asia, Inner Asia, Turkestan, Turan and so on.

On the second level, the specific connotation of the above terms was inevitably influenced by the geopolitical competition

among European powers in the second half of the 19th century. After the Napoleonic Wars, Russia had certain geopolitical advantage in exploring and defining the spaces and peoples of the Asian hinterland. Although European scholars represented by Humboldt insisted on defining Central Asia from the geographical perspective, Russian military officers and scholars subtly shifted the scope of Central Asia to the expanding Russian territory. This phenomenon is closely related to two intertwined processes in the second half of the 19th century. First, from the 1860s to the 1890s, Tsarist Russia conquered the whole territory to the north of Amu Darya and the Transcaspian region. Some Russian politicians, military officers and intellectuals were certainly inspired by the new political reality and applied the discourse of “civilizing mission” to justify Russian expansion in Asia. Second, the Political Geography that emerged in Europe in the second half of the 19th century became the ideological resource for Russian geographers and intellectuals to re-evaluate the historical and philosophical significance of Russian territorial composition. Russian intellectuals, represented by N. Ya. Danilevsky and V. I. Lamansky, considered Russia as a unique civilization, which inherited Orthodox religion from Greek and Byzantine traditions. The conquest of Turkestan offered an opportunity to frame “the Center of Asia” within the Russian borderline, which further supported the argument that Russia stood as a “middle world” different from both Europe and Asia, and shouldered “civilizing mission” in Asia. Therefore, by the end of the 19th century, although the European scholars mainly defined “Central Asia” from the geographical point of view, their Russian counterparts preferred shifting its scope to the newly-conquered Russian territory [7, p. 39-52].

In the 1920s, thanks to the Soviet nativization policy (коренизация), the term Central Asia (Средняя Азия) entered the administrative and economic fields on a larger scale. In 1923, the Soviet authorities established the Central Asian State University (Среднеазиатский государственный университет, САГУ) in Tashkent based on its predecessor, Turkestan State University. It was the first modern higher education institution established in the region. After the National-Territorial Demarcation in 1924-1925, the Soviet authorities established the Central Asia Military Region (Среднеазиатский военный округ) in 1926, covering the space from southern Siberia to the Afghan border. In 1928, with

the establishment of the planned economy, the Soviet Union was divided into economic zones, and “Central Asian Economic Zone” (Среднеазиатский экономический район) was one of them. Despite the Soviet Union’s efforts to promote the term “Central Asia” to define its southeastern territory, the European and American academia in this period still adhered to Humboldt’s and Richthofen’s approach. The UNESCO Project that this article focuses on, first needs to deal with the problems in defining “Central Asia”.

2. The Historical Background of the UNESCO Project

The project of “History of Civilizations in Central Asia” originated from a resolution at the fourteenth General Assembly of UNESCO in November 1966, which approved a pilot project on Central Asia. In April 1967, in accordance with the spirit of the above resolution, UNESCO convened the first international meeting on Central Asian Civilizations at Paris headquarters, and reached a preliminary consensus on the way of defining the geographical scope of “Central Asia”: “corresponds to a cultural and historical reality” [4, p. 479].

Later in 1973, B. G. Gafurov, then the Director of the Institute of Oriental Studies, Soviet Academy of Sciences, initiated and directed the work of the International Association for the Study of Cultures of Central Asia (IASCCA) [4, p. 12]. This association offered advice and organizational support for the UNESCO Project. From October to November 1976, UNESCO’s nineteenth General Assembly authorized the Director-General to carry out a plan to compile the “History of Civilizations of Central Asian” [4, p. 11]. The Project was initially implemented by specialists from Soviet Union, Afghanistan, India, Iran and Pakistan. Later, China and Mongolia also participated in it.

In October 1978, UNESCO held a conference on this project at Paris headquarters, and it was clarified that the geographical space corresponding to the project was located in “Afghanistan, western China, northern India, northeastern Iran, Mongolia, Pakistan and the Central Asian Republics of the Soviet Union” [4, p. 480]. At the same time, the resolution of the meeting also pointed out that the research object of this project is the history of various peoples and civilizations they created, so “geographical boundaries should not be regarded as something rigid” [4, p. 480].

In August 1980, an International Scientific Committee of 19 members was established. The Chair of the Committee consists of

one president, four vice-presidents and one rapporteur. The members of the committee include two expert representatives from seven member states (Afghanistan, India, Iran, Mongolia, Pakistan, the Soviet Union and China), and five well-known scholars from the United Kingdom, the United States of America, Turkey, Hungary and Japan. Compilation and preparations for the History of Civilizations in Central Asia began in 1981 after the December 1980 meeting at UNESCO Headquarters in Paris [4, p. 13]. The Project finally started in 1981.

The first president of the International Scientific Committee was another significant Soviet and Tajik academician, M. S. Asimov, then the head of the Tajik Republic Academy of Science. Along with Gafurov and Asimov, leading scholars including V. M. Masson, B. A. Litvinsky and L. I. Miroshnikov also played important role in the project. In the first four volumes, three were mainly edited by them.

Why did the Soviet Union initiated and supported this project? We can explore this question in the historical context of the mid-20th century. First of all, during the three decades of modernization, the five Soviet Central Asian Republics have undergone nativization, collectivization and industrialization. In the 1960s, Central Asian republics became cotton and grain production centers of the whole Union. After the National-Territorial Delimitation in the 1920s and 1930s, the five Central Asian Republics gradually started their own nation-building process, in which one of the most important parts was the construction of titular nation's knowledge. From the 1930s, the Institute of History, Archaeology and Oriental Studies of the Soviet Academy of Sciences worked together to systematically collect, organize and publish historical sources regarding minor nationalities. For example, the "Turkmen Project" completed from 1934 to 1939 aimed at collecting and translating historical material related to the Turkmen people from medieval Islamic texts. Based on these sources, Soviet historians later produced general history of Turkmenistan [3, p. 5-8].

During World War II, large numbers of scholars based in Moscow and Leningrad were evacuated to Tashkent and Almaty. With the support of the Central Asian republics, these scholars from were invited to instruct local junior scholars and compile general national histories. Published in 1943, *History of the Kazakh Soviet Socialist Republic: From Antiquity to the Present* was the first

general history of this kind [1]. In the 1950s, the Central Asian republics established their own Academies of Sciences. Thanks to the relatively stable political and economic circumstances after the Patriotic War, the official academic institutions of the Soviet Union have formed a relatively complete system of knowledge reproduction in titular nations' language, literature, history, archaeology and folklore.

During this period, the Central Asian republics experienced significant changes on both material and spiritual levels. After the literacy movement, collectivization, and industrialization in the 1920s and 1930s, as well as the land reclamation movement after World War II, the level of industrialization, urbanization and education in Central Asia increased significantly. In the 1950s, the Soviet Union invested in the departments of hydropower, energy, non-ferrous metal mining, steel and machinery manufacturing in Central Asia, and massively upgraded transportation and power grids. For example, the Karaganda Metallurgical Plant in the Kazakh SSR was commissioned in 1954, and the first nuclear reactor in Central Asia was commissioned in Uzbek SSR in 1959. In the field of agriculture, northern Kazakh SSR was developed as one of the bases of grain production, while the southern four countries became the cotton production base of the whole Soviet Union. The cultural and educational fields of Central Asian republics also flourished. Mukhtar Auezov, Chingiz Aitmatov, Abdulla Qahhor, Sadridin Ayni and other writers produced world-class literature of the 20th century. According to the statistics in 1959, both the number of Middle and Higher education diploma holders per thousand individuals in Uzbek SSR have reached the average number of the whole Soviet Union. Other republics were also close to the average. Meanwhile, all five republics have compiled own general history, and thus created quite solid foundation for Nation-building [9, p. 27].

Also in the 1950-60s, the National Liberation Movement in Asia and Africa reached its climax. The Bandung Conference held in Indonesia in 1955 marked the unity of newly-independent Afro-Asian countries. Against this backdrop, Tashkent and Dushanbe appeared to be the Soviet Windows to the East. A series of international events were organized here: the Afro-Asian Writers' Conference in 1958, the Indian-Pakistani Leaders' Summit in 1966, and the 25th International Conference of Orientalists in 1960 (the

conference arranged a tour to Uzbek SSR for the participants). The UNESCO Project was initiated and launched in this context with both academic and diplomatic characteristics.

3. Regional History vs. National History

From the perspective of historiography, the UNESCO Project also demonstrates the dilemma that the Soviet academia encountered during the 1950-70s. One of the most salient problem is the tension between national history and regional history. I use “national history” to designate the approach that confines itself by the national border and bases itself on the historical process of the titular nation. It is an integral part of the nation-building process. Up until 1960s, all five Central Asian republics have their own general history, and have established professional institutes for historical studies. Therefore, national history gradually became the norm among scholars of the Central Asian republics.

Regional history is an approach to transcend the national boundaries. In the 1970s, Soviet historians represented by A. L. Narochnitskii initiated a regional history project titled “Regional History of Central Asia and Kazakhstan (from Ancient Times to the Present Day).” This project aimed at mitigating the negative influences of ethno-nationalism and promoting internationalism within the Soviet Union and beyond its border. Narochnitskii believes that the publication of the general histories of the republics marked the maturity of the national approach, while regional history is conducive to promoting historical connection between peoples in the whole region and echoing the anti-colonial movements in Asia and Africa during the same period. In addition, regional history would revise the way national history evaluates certain historical characters and events, and mitigate the contention for certain historical figures among republics. Finally, regional history projects would promote cooperation and exchanges between all-union and republican historians, and among scholars of different disciplines throughout the Soviet Union [3, p. 70-71]. Therefore, in this period, republican research institutes in the North Caucasus, South Caucasus and Baltic Sea undertook regional history projects. Regional history and national history are not completely opposed, they can complement each other. However, as two principles of historical writing, authors of the UNESCO Project inevitably encountered the tension between them.

In the 1970s to 1980s, the UNESCO Project was mainly led by Soviet academia. Firstly, although “Central Asia” defined in this project also covers partial territory of China, India Iran, Mongolia and Pakistan, the five Soviet Central Asian republics always stood at the center of focus in each volume. Secondly, some prominent Soviet scholars were elected to the leading positions of the Project Committee. For example, the initiator and the first president of the International Association for the Study of Cultures of Central Asia, B. G. Gafurov, had become one of the leaders of the Communist Party of Tajik SSR since 1936. In 1946-1956, while assuming the first secretary of the Party, he presided over the compilation of Tajikistan’s first general history “History of the Tajik People” [6]. In 1956-1977, Dr. Gafurov served as director of the Institute of Oriental Studies of the Soviet Academy of Sciences, and turned out to be the longest-serving director of this institute after World War II. M. S. Asimov another prominent Tajik official and scholar, succeeded Gafurov’s presidency and continued coordinating the UNESCO Project. Asimov was appointed Minister of Education of the Tajik SSR in 1962, and in 1965-1988, he served as the President of the Tajik Academia of Sciences. The first Rapporteur of the UNESCO Project, L. I. Miroshnikov, was a specialist in modern Iranian history and then served as a senior researcher at Soviet Institute of Oriental Studies. V. M. Masson, the renowned archeologist and founder of the archeology of both Uzbek and Turkmen SSR, assumed the chief editor of Volume I of the UNESCO Project. B. A. Litvinsky, the founding father of Tajiki archeology, presided over Volume III, while Asimov coordinated the compilation of Volume IV. Therefore, the first four volumes of the UNESCO Project were obviously steered by the Soviet academia.

Since the Soviet scholars had prominent influence, the UNESCO Project subsumed the abovementioned problem. Corresponding to the historiographical trend in the Soviet academia in the 1970s, Volumes I to IV of the UNESCO Project (from ancient times to the end of the 15th century) mainly adopted the regional approach. These four volumes narrate history from the perspectives of archaeological types, trans-regional regimes, religion-based cultural spheres, and thematic chapters focusing on geography, literature and arts are supplemented. Generally speaking, in these four volumes, readers can perceive the long-term interaction between

nomadic and settled peoples in Central Asia, and the intermingling of various cultural and religious trends from the neighboring civilizations.

Volumes V and VI, compiled in the 1990s-2000s, deal with the period from the end of the 15th century to the end of the 20th century. The national history path gradually emerges in the compilation of these two volumes. The first five chapters of Volume V survey the historical process of the titular nations from the 16th to the mid-19th century, and were written by scholars from the corresponding republics. Although Volume VI starts with the expansion and domination of Britain and Russia in the 19th century, the second part, "Political changes and state formation," inevitably narrates history of this period in accordance with the contemporary national borders. The adoption of the national history approach in Volume V and VI certainly has its rationale, while the drastic geopolitical changes after 1991 inevitably promoted the return of the national history path.

4. New "Central Asia": From a Geographical to a Civilizational Term

Why did the historiographical approach of the UNESCO Project shift from regional to national? This shift was a part of the fundamental geopolitical changes after 1991. The collapse of the Soviet Union on the one hand led to the disarray of the whole Soviet academia, and deprived the UNESCO Project of its main supporter. As the editor of the fifth and sixth volume, Chahryar Adle admitted that "shortcomings were often inevitable as, due to the strict publication deadline, the competent scholars were sometimes not available" [2, p. 25]. On the other hand, it unintentionally created the stabilized indexation of both the English term "Central Asia" and the Russian term "Центральная Азия" to the geographical space of the five newly independent republics. The UNESCO Project had to face the new geopolitical situation and compiled the last two volumes based on the new historical narratives of the five republics.

In December 1991, five Central Asian republics adopted declarations of sovereignty. For Central Asia, the new political reality on the one hand redefines the connotation of "Central Asia"; on the other hand, all five state had to drastically promote nation-building based on the titular nations. On January 3, 1993, the leaders of

the five Central Asian countries held a summit in Tashkent. Leaders adopted the Russian word “Центральная Азия” to translate “Central Asia”, and reached consensus on using “Central Asia” as the reference to the collective identity of the whole region comprising Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan. In September 1993, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan signed an agreement to prepare for the establishment of the “Central Asia Union” following European Union’s model. Although the Central Asia Union has not made substantial progress so far, “Central Asia” since then has been the stable reference for this region, while the Soviet term “Central Asia and Kazakhstan” (Средняя Азия и Казахстан) gradually disappears from political and academic vocabulary in both Russian and English.

In tandem with the construction of a new regional identity was the process of de-Sovietization and localization of national identity. During this period, the five Central Asian countries changed political symbols including national language, public monuments, city and street names. Most of the new symbols come from the body of nationality knowledge canonized in the early and mid-20th century. The ancient history of the titular nations was further romanticized. The mythical and historical characters recorded in oral tradition and literature were further promoted as national ancestors. Medieval polities were considered the precursors of modern states.

Similar to the circumstances that Central Asian republics undergone during the 1990s, the UNESCO Project also faced multiple challenges in the 1990s. First, due to the economic difficulties, scholars of the Central Asian states strived to survive, and some chose to emigrate to Europe and America. Even more unfortunate is that M. S. Asimov, then the core member of the UNESCO Project, was mysteriously assassinated in Dushanbe in 1996. The organization of the entire project was instead supported by the French Orientalists and archaeologists. French-Iranian scholar Chahryar Adle played the crucial role in supporting the timely publication of Volumes V and VI. Correspondingly, in August 1995, the UNESCO established in Samarkand the International Institute for Central Asian Studies (IICAS), whose member countries include Azerbaijan, China, Iran, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Mongolia, Pakistan, Republic of Korea, Tajikistan, Turkey, Uzbekistan. This

Institute publishes the academic journal *Bulletin of the International Institute of Central Asian Studies*, and continues providing support for The History of Civilizations in Central Asia.

As Chahryar Adle pointed out, “among these volumes, the most problematic and thorny to prepare was Volume VI, which deals with the present time with all its geopolitical complexity.” Volume VI (Towards the contemporary period: from the mid-nineteenth to the end of the twentieth century) reflects the drastic changes that Central Asian states experienced in the 1990s. First of all, Part I “Continuity and Change” outlines the theme of the chronological period under investigation, and includes a special chapter “Intellectual and political ferment” (by G. Ashurov), which surveys the reformists and their historical positions under Russian rule in the 19th century. The nineteenth-century reformists are considered the forerunners of liberalism and national progress from the perspective of contemporary Central Asian states. Secondly, Part II is divided into chapters based on modern nation-states, and each authored by experts from the corresponding state. These chapters basically reflect the official historical outlooks of the five Central Asian countries after independence. Thirdly, although Part III “Environment, Society and Culture” tries to explore a series of regional issues thematically, each chapter is inevitably divided into subsections or paragraphs by countries. For example, in Chapter 25 “Arts in Northern Central Asia”, the author has to list each titular nation’s artistic preferences under the subsections of “Pottery,” “Copper embossing,” “Felt products,” “Carpet-making” and so forth.

This approach of combining regional and national history will certainly lead to duplication of content, fragmentation of issues and reinforcement of stereotypes, and often resulted in ignoring individual differences and diachronic changes. However, in the post-Cold War era, the historiographical approach of the Volume VI echoes Director-General Federico Mayor’s remarks in the Preface: “to develop and to increase the means of communication between... peoples and to employ these means for the purposes of mutual understanding and a truer and more perfect knowledge of each other’s lives” [4, p. 5]. For the new Central Asian countries, Volume VI of the UNESCO Project has become an important platform to demonstrate their nation-based civilizations for readers all over the world. The Soviet Socialist Republic has become a part of history, and all five Central Asian countries have to survive and

develop under new historical conditions, in which they will create their own civilizations and together renew the definition of “Central Asia.”

In a nutshell, this article argues that the UNESCO Project, though initiated by the Soviet Union with both diplomatic and academic motivations, unintentionally offered a platform in the 1990s and 2000s for the five republics to demonstrate their own identities by means of historical narratives. As its title “History of Civilizations of Central Asia” reveals, the word “civilization” here appears in its plural form. It could designate the various political entities, which undergirded the dissemination and flowering of Iranian, Turkic, Zoroastrian, Buddhist, Islamic and other types of ancient civilizations. It could also indicate the development and achievements of the contemporary five Central Asian States, since we believe that every nation in this era has its own right to create its civilization toward the future.

List of references

1. Абдыкалыкова М. и Панкратовой А. ред., История Казахской ССР. Алма-Ата, 1943.
2. Adle, C, Palat M.K., Tabyshalieva A. eds., History of civilizations of Central Asia. Vol. VI. Paris: UNESCO. 2005.
3. Bustanov A. K. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. London and New York: Routledge, 2015.
4. Dani A. N., Masson V. M. (eds). History of civilizations of Central Asia. Vol. I. Paris: UNESCO. 1992.
5. Humboldt Alexander von. Asie centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée. Paris: Gide. 1843.
6. Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1952.
7. Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Вашингтон, 2019.
8. Sinor, Denis. “Reflections on the history and historiography of the Nomad Empires of Central Eurasia.” Acta Orientalia 58, no. 1 (2005): 3-14.
9. Tasar, Eren. Soviet and Muslim: the institutionalization of Islam in Central Asia. Oxford, U.K. : Oxford University Press, 2017.

Шокиров Тохир Суннат угли
*магистрант исторического факультета
Национального университета Узбекистана
имени Мирзо Улугбека
Узбекистан, Ташкент*
shokirovtohir93@gmail.com

Shokirov Tokhir Sunnat ugli
*candidate for the master's degree
from the Faculty of History in
National University of Uzbekistan
named after Mirzo Ulugbek
Uzbekistan, Tashkent*
shokirovtohir93@gmail.com

МИГРАЦИИ НАРОДОВ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

MIGRATION OF PEOPLES ON THE GREAT SILK ROAD AS ONE OF THE FACTORS OF STATEHOOD FORMATION IN CENTRAL ASIA

Аннотация: В данной статье, на основе привлечения различных источников и научной литературы, рассматриваются миграции и их роль в складывании государственности на территории Средней Азии, а также связь народов как продолжение развития многовековых отношений Востока и Запада, интенсификация которых приходится именно на исследуемый феномен – Великого шелкового пути, на сегментах которого происходил обмен не только в экономическом плане, но и в культурном и политическом. В конечном итоге, торговые отношения способствовали укреплению не только политических, экономических, но и культурных связей народов евразийского пространства.

Ключевые слова: Центральная Азия; миграция; Великий шелковый путь; государственность; межцивилизационные связи; культура; цивилизация

Abstract: This article, based on various sources and scientific literature, researches migrations and their role in the formation of statehood in Central Asia, as well as the connection of peoples as a continuation of the development of old relations between East and West, the intensification of which falls precisely on the studied phenomenon - the Great Silk Road, on the segments of which there was an exchange not only in economy, but also in culture and policy. Ultimately, trade relations contributed to the strengthening of not only political, economic, but also cultural ties of the peoples of the Eurasian space.

Keywords: Central Asia; migration; the Great Silk Road; statehood; intercivilizational ties; culture; civilization

Центральная Азия, благодаря своему выгодному географическому расположению, находясь на перекрестке Великого шелкового пути, по которому проходили различные этнические миграции и интенсивные этнокультурные взаимоотношения между соседними странами и регионами, активно участвовала в межцивилизационных контактах Востока и Запада. Особую роль при этом сыграли переселения родственных и близких друг другу в культурном плане народов Центральной Азии в эпохи Древности и Средневековье. Миграции этих народов в свою очередь послужили созданию новых государств, оказывая тем самым огромное влияние на развитие политической и этнокультурной истории многих современных народов Центральной Азии, а также оставив немаловажный опыт при складывании государственности. Стоит подчеркнуть при этом, что особый интерес при изучении истории переселений народов Центральной Азии представляет синкретика двух культур цивилизации, сосуществование оседлого и кочевого образов жизни, которые при соприкосновении друг с другом создавали отличные от других регионов мира формы государственного строя и культуры. Именно в связи с этим фактором, ученый Арнольд Тойнби в классификации мировых цивилизаций дал для этого региона термин оседло-кочевой цивилизации [8, с. 72].

Если речь идет о Центральной Азии, то нужно отметить тот факт, что несмотря на свою древнюю историю, уходящую в глубину веков, процесс формирования, генезиса и эволюции государственных образований в данном историческом регионе значительно отличается от других частей Древнего мира [7, с. 44], где эти явления проходили более интенсивно, но в силу тех своеобразных, особенных природно–географических и историко–культурных факторов возникшие здесь цивилизации представляли собой смешанный вид государственности с многоконфессиональным и поликультурным населением, названную Л. Гумилёвым «Химерой» в культурном плане [4, с.139]. Примечателен тот факт, что несмотря на сильный натиск со стороны степных кочевников, периодически устраивавших набеги на земледельческие оазисы, исторически первыми государственными образованиями на территории Центральной Азии стали именно люди земледельческой – оседлой цивилизации, которые, видимо, будучи протодравидского происхождения, во II тыс. д. н. э. смогли построить сеть городов государств, начиная с южных частей Центральной Азии (Север Афганистана, Туркменистан) до границ Китая, которые располагавшись вдоль торговых трактов между двумя цивилизационными мирами Ирана и Китая, играли важную стратегическую и коммерческую роль в развитии торговли и культурного обмена. Примерно в этот момент появляются первые примитивные формы государственности на территории северной Бактрии в виде объединений разбросанных городов государств, расположенных на культурных оазисах, о чем можно судить по найденным артефактам городищ Джар–Кутан и Тилля Булак, которые, скорее всего, в культурном плане были связаны с городами Восточного Туркестана, которых Рене Груссе называет «Четырехградием» [5, с. 120], с Хотаном, Кашгаром, Кучой и Яркендом. Общей чертой служили, вероятно, расовая и культурная идентичность протодравидского населения регионов. Вероятно, они были составной частью обширных этнических миграций из европейского ареала расселения индоевропейцев на восток и юг [3, с.11]. Таким образом, протодравидская этническая общность достигла Восточного Туркестана через территории среднеазиатского междуречья и расселились на обширных ареалах, в том числе и Ферганской долине, ассимилировалась с более древним

автохтонным субстратом. Этот промежуток времени занимает Первый период в классификации и периодизации эволюции среднеазиатской государственности по Э. Ртвеладзе, который при этом дает шесть периодов (этапов) развития институтов государства [7, с. 47-55].

Вся северная часть Средней Азии представляла собой степной ландшафт, где начиная с эпохи Бронзы существовали племенные образования, имеющие аморфные географические ареалы обитания, которые при этом в свою очередь с традициями степей сформировали основу другой формы цивилизации Центральной Азии, части которой, тазабагаябская и кайрак-кумская культуры, вероятно, будучи реликтами андроновской, охватывали даже земледельческие оазисы Ташкента и Ферганы. Особенностью кочевых культур является особенный звериный стиль и расписная керамика, но отсутствие письменных источников – то есть одного из основных признаков формирования государственности – выступает как аргумент, отрицающий появления форм государств на территории Центральной Азии в эпоху Бронзы.

С конца II – начала I тыс. д. н. э. наблюдается активность кочевого населения по всей Великой степи, начиная с лесостепи на юге Сибири, до северных, степных районов среднеазиатского региона, а также на востоке с Ордоса до восточной Европы. В земледельческих районах же уже давно происходил процесс ассимиляции пришлых народов протодравидов, а также разлом индоевропейских народов на отдельные ветви, которые расселились на огромном ландшафте в дали друг от друга. Появление Зороастризма и переход многих кочевников к оседлому образу жизни выступали факторами раздела самих кочевников на иранцев и туранцев [4, с. 46].

Скифы представляли собой северо-восточную часть индоевропейцев, населяли центральноазиатские степи и представляли угрозу цивилизациям земледельческих оазисов среднеазиатского междуречья. В 750-700 годах д. н. э. скифы вытеснили киммерийцев из центральноазиатского региона, также отдельные скифские племена установили свое господство и в степных зонах Восточного Туркестана [5, с. 25].

Так же как и оседлое население региона, скифы тоже представляли конгломерат мелких народов, среди которых особую

роль в формировании государственности в Средней Азии сыграли саки и массагеты.

Анабазис Ахеменидской империи на территории Средней Азии с VI века д. н. э. хоть и выступало как акт военной агрессии и аннексии территорий, на самом деле можно рассматривать, как встречу двух родов одного клана, так как саки и массагеты тоже являлись индоевропейским племенем и разговаривали на восточноиранском диалекте индоевропейского наречия. Несмотря на то, что при экспансии со стороны Ирана народы Средней Азии были подчинены, с точки зрения государственности, это событие можно рассмотреть, как начало отчета процесса заимствований институтов власти, вероятно, титул Хорезмшах тоже появился именно в этот момент, так как Ахемениды, как правило, оставляли местную элиту на своих постах, давая им титулы сатрапов. Также позже в поступках вождей Спитамена и Оксиарта можно увидеть приверженность легитимации власти, когда Александр Македонский вторгся в Согдиану и Наутаку.

Приход греко-македонцев и построение эллинистических государств: империи Александра, Селевкидской империи и царство Греко-Бактрии, можно сказать, были новой волной миграций с запада, но так как численность пришлых было намного меньше, чем местного населения, в результате происходило политико-культурное преобразование фона государственности. Последнее имело непосредственное влияние на генезис местных государственных образований Согда, Бактрии, Маргианы и в последствии Кушанского царства.

Одновременно с этим, отдельно, без участия античной культуры возникают государственные образования Хорезм на севере, Кангюй на среднем течении Сырдарьи и в Ташкентском оазисе, Давань в Ферганской долине. С падением же Греко-Бактрии от атак саков, сарматов и племен юэчжи не стало последней эллинистической державы в Центральной Азии, позже Кангюй захватил Согд и подчинил Хорезм, тем самым начав эпоху гегемонии кочевых государств.

В III веке один за другим распались Кушанская империя и конфедерация Кангюй, после чего все подвластные им территории обрели независимость. В Согде, Фергане, Чаче, Бухаре и Хорезме существовали свои царские династии. В Хорезме династия афригидов правила вплоть до X века [1, с. 47], [2, с. 152].

Последующие миграции вплоть до арабского завоевания происходили уже с севера на юг и с востока на запад. Процесс прихода и установления власти хионитов и кидаритов в IV веке, и эфталитов в V веке, сменявших друг друга, происходил, видимо, столь интенсивно, что первые две волны вряд ли смогли принести в развитие государственности что-то новое, так как, скорее всего, сами все еще находились на этапе разлома родоплеменных отношений и военной демократии. Эфталиты смогли установить свой контроль над всеми частями центральноазиатского региона, но их тип государственности полностью повторял структуру прежних кочевых государств, так что все местные оседлые династии продолжали свое существование. Падение государства эфталитов и установление власти Тюркского каганата в VI веке в государственном плане хоть и было как простая смена правящей элиты, так как тюрки тоже не вмешивались во внутренние дела подвластных народов, происходит этническая агломерация многих групп. Особняком остаются только несколько народностей, такие как хорезмийцы – царский род которых вел свое происхождение от ариев, согды – потомки восточно-иранцев, с царями из рода юэчжей, остальные многие приняли общее наименование тюрк и тюркские титулы: ябгу, тудун, тегин и шад. Возможно, на фоне арабской экспансии, когда все для арабов были тюрками, наименование приобрело уже и чисто патриотический оттенок.

Установление власти Арабского халифата и режима нового государственного строя в корне поменяло ситуацию и вызвало новую волну миграций тюркских племен с востока и севера, которые, принимая ислам, как неопиты очень интенсивно начали адаптацию к новому строю. Отныне религиозный фактор начал играть роль при развитии государственности. Каждый раз, принимая ислам, ассимилируясь к оседлому образу жизни, переживая разлом родоплеменных отношений, тюркские племена постепенно стали принимать цивилизованную форму государственности оседлых регионов, которая развивалась раз за разом. Наконец-то при династии Саманидов было создано оригинальное государство с эффективной системой управления, состоящей из министерств, регулярной государственной армией и четким законодательством.

С приходом очередной волны миграций с востока тюркского элемента в лице Караханидской державы или Карлук–Караханидов, в регионе опять наблюдается спад городской культуры и преобладание кочевого населения над оседлым. Также, как и до этого, процесс ассимиляции дал разлом государству, в итоге в ходе междоусобиц и это государство потеряло свою мощь. Следующие миграции тюркского элемента проходили в лице сельджукидов с севера и каракитаев с востока, которые, несмотря на обширность территорий и пассионарный всплеск, повторили судьбу предыдущих государственных образований. Но при этом каждый оставил свой элемент при складывании опыта государственности, так, например, в подражание правителям сельджуков, правители данного региона стали именовать себя султанами, к примеру, в Хорезме при ануштегинидах титул султан был эквивалентен титулу Хорезмшах. Восточные правители региона в подражание караханидам и каракитаям именовали себя ханами.

Самым сильнейшим наследником этих держав оказался Хорезм, который, используя набранный опыт государственности, смог добиться имперского уровня развития с большим бюрократическим чиновничьим аппаратом, но междоусобицы внутри государства и недальновидная политика, отсутствие дипломатичности и чрезмерная агрессия погубили государство, которое пало под натиском новой миграционной волны с востока – Монгольской империи.

Монгольская империя стала самой большой державой в истории человечества, объединив под своим началом всю Великую степь и взяв под свой контроль внушительную часть Азии. Несмотря на разрушительный характер монголов, сопровождаемый при сражениях, и жестокость, после становления державы оно являлось одним из самых религиозно–толерантных, что существовало в истории. Внутри государства мирно сосуществовали люди разных вер и религиозных взглядов. Торговля развивалась. Это был период, когда Шелковый путь был в равной степени открыт как для западных купцов (Марко Поло и др.), так и для религиозных миссий (Джованни Дель Плано Карпини, Гийом Рубрук, Андре Лонджомо, Джовани Монтекарвино) [6, с. 27].

Но уже в середине XIII века начался медленный разлад и постепенная деградация, связанные с разделом государства на

улусы и ассимиляции монгольских племен с местными населенными покоренных народов, а также адаптацией политики улусных ханов к потребностям жизнедеятельности своего улуса, обусловленного экономическими, географическими и культурными условиями, а также с требованиями знатных феодалов.

Вскоре после раздела империи на удельные улусы начались и междоусобные войны между ними, где сыграли свою роль и культурно-религиозный фактор в перемешке со стремлениями самих ханов. Оказавшись в относительной изоляции как друг от друга, так и от своей исторической родины Монголии, они стали сливаться со своим окружением. Китаизация при династии Юань или исламизация (шиитского толка) при хулагуидах (ильханах) могут служить ярким примером этого [4, с. 551].

Чагатаиды испытывали непосредственное влияние ислама в меньшей степени, чем монголы в Иране, ильханы и немного дольше сохранили свои кочевые и племенные традиции. Эти факторы, по-видимому, и способствовали общем упадку городской жизни, сельского хозяйства и земледелия в Средней Азии и за пределами оазисов Мавераннахра и Восточного Туркестана [2, с.198]. Несмотря на это, многие монгольские племена, расселенные по оазисам Центральной Азии, начали принимать ислам, тюркизироваться и оседать на землю, что также отражалось и на самих ханах. Правящая элита и ее адепты становились цивилизованными, что само по себе отражалось и в институте государственности и политике.

Пройдя тот же путь, что и все кочевые государства до них, монголы тоже разделились на цивилизованных – оседлых, которых называли Караунасами, и на степных кочевников – Джете. К 50–м годам XIV века империи как в первоначальном виде уже не существовало, власть перешла к местным элитам, которые совмещали в себе взгляды и кочевой, и оседлой цивилизаций. С тех пор начинается эпоха новых государств, которые, создав симбиоз культур оседлой и кочевой цивилизаций, будут возвышаться над обеими в лице империи Тимура, кочевых узбеков Абулхайрхана и Шейбани.

Делая вывод, можно сказать, что автохтонность возникновения и спонтанность развития, традиционность существования, не смотря на господство иноземной государственности,

явились в конечном итоге одним из определяющих, базовых факторов возрождения независимой государственности, которая смогла объединить в себе все необходимые факторы для развития с разных видов форм и методов правления, а также в ходе миграционных процессов набрать опыт характерных черт оседлой и кочевой цивилизаций, а потом, совместив их, на основе многовекового опыта создать универсальное государство. В свою очередь, особую роль сыграло торговля на трактах Великого шелкового пути, выступая как передатчик инноваций при прогрессе международных отношений и основной фактор процесса диффузии культур.

Список литературы

1. Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т.1. Т., 1957
2. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Москва: «Наука», 1971.
3. Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура.//сбор.статей// Связи. Москва: «Наука», 1984.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. Москва, 2016.
5. Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир: Под властью Атиллы, Чингисхана и Тамерлана. – Москва: «Центрполиграф», 2020.
6. Кобзева О.П., Джалилов О.З. Узбекистан и Китай на возрождающемся шелковом пути - Ташкент 2015.
7. Ртвеладзе Э. История государственности Узбекистана. Т I: Вторая половина II тысячелетия до нашей эры – III век нашей эры. Ташкент: «Узбекистан».
8. Toynbee A. A study of History. Oxford press. 1975.

© Шокиров Т.С., 2022

Эралиева Ырыс Сагынбековна
к. ф. н., КНУ им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызстан
yrys.anel@mail.ru

ФУНКЦИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ: ИСТОРИЯ И НАСЛЕДИЕ

FUNCTIONS OF THE GREAT SILK ROAD: HISTORY AND HERITAGE

Аннотация: Данная статья посвящена современной оценке функциональной разнообразности Великого шелкового пути. История человеческой цивилизации хронологически разделена на две эры: «до нашей» и «нашей». Из богатого и разнообразного наследия эпохи до нашей эры плавно, грациозно и красочно перешли в нашу эру длинной вереницей караванные экспедиции. Они проложили свои дальние и трудные пути следования по евразийским просторам, испещрённым горными хребтами, цветущими долинами и безводными пустынями. Караванные дороги оставили глубокий след в истории, выполнив экономическую, политическую, культурную, коммуникативную функции, и, следовательно, аккумулировав традиции, назначение и миссию до наших дней как бесценное наследие прошлого.

Ключевые слова: караванные дороги; торговля; транспорт; функция; история; наследие; культура; политика; дипломатия

Abstract: This article is devoted to the modern assessment of the functional diversity of the Great Silk Road. The history of human civilization is chronologically divided into two eras: before “ours” and “ours”. From the rich and varied heritage of the before our era smoothly, gracefully and colorfully passed into our era in a long string of caravan expeditions. They paved their long and difficult routes through the Eurasian expanses, dotted mountain

ranges, flowering valleys and waterless deserts. Caravan roads left a deep mark in history, having fulfilled economic, political, cultural, communicative functions, and, consequently, accumulating traditions, purpose and mission to this day as an invaluable legacy of the past.

Keywords: caravan roads; trade; transport; function; story; heritage; culture; politics; diplomacy

Открытие караванных путей в евразийском континенте способствовала торговля, где соприкасаются предложение и спрос, оборот материальных и нематериальных ценностей. Под нематериальными ценностями имеются в виду культурные элементы: язык, традиции и обычаи, культура, религия, этикет. История возникновения Великого шелкового пути и его значение для развития международной торговли подробно изложена в трудах А. Петрова (Великий шелковый путь) и П. Франкопана (Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий). Конечно, у каждого автора свой взгляд на историю возникновения, развития и упадка караванных путей, но в одном они сошлись: караванные пути оставили глубокий след во многих областях международных отношений древнего и средневекового евразийского сообщества.

Питер Франкопан написал о том, как возник шелковый путь из Азии в Европу, какие войны (начиная от похода А. Македонского) велись за контроль над ним, а также о его истинном значении для всего мира. Он заглянул и в обратную сторону караванных дорог и дал такую картину: «Сотрясения распространялись по разветвленной сети, которая простиралась повсюду, где странствовали пилигримы и воины, кочевники и купцы, где производились, продавались и покупались товары, где обменивались идеями, принимали или даже улучшали их. Однако эти сети несли не только процветание, по ним также распространялись смерть и жестокость, болезни и катастрофы» [7, с. 9].

А. Петров в своем труде описывает историю торговых караванных путей «докитайского» периода, когда Китай был еще закрыт для Центральной и Западной Азии. Еще во II веке до.н.э. евразийский континент был пронизан множеством трансасиатских маршрутов. Впоследствии большинство из

них войдут в тот историко-культурный коридор международного общения, который тянулся от Китая до Черного, Средиземного морей и который будет назван Великим шелковым путем [5, с. 18]. Торговые связи постепенно, но с размахом перешли с локального значения в межплеменные, международные, межгосударственные сети. В Передней и Средней Азии торговые связи восходят к гораздо более древним временам – к III – II тысячелетиям до н. э. Были известны коридоры полудрагоценных камней: Бадахшан – Иран (лазурит), Хорасан (бирюза), Согдиана (сердолик) [5, с. 24]. К концу III – началу II тысячелетия до н.э. русло сухопутных коммуникаций от берегов Средиземного моря на Средний Восток уже настолько определилось к его форвату и пройдет впоследствии западный участок той классической для античности схемы (где нет Китая) Великого шелкового пути. С Аравийского полуострова поднималась на север в Сирию так называемое «дорога благовоний». Там она попадала в целый «коридор» сухопутных коммуникаций, идущих на восток.

Открытие Шелкового пути с китайской стороны было драматичным и тернистым. Племенам хунну, которые господствовали в монгольских степях и на северных богатых лугах Китая, приходилось платить дань, чтобы защитить города и поселения от варварских угроз нападения и разрушения. «Была разработана целая система дани, и кочевники получали предметы роскоши, такие как рис, вино и ткани, в обмен на мир. Самым ценным подношением был шелк – ткань, которая высоко ценилась кочевниками за текстуру, легкость. Они использовали его для изготовления одежды и постельного белья. Кроме того, это был символ политической и социальной власти: многослойные одежды из драгоценного шелка – важный признак статуса шаньюя (верховного лидера племени) [7, с. 18]. На выплату дани необходимо было много денег, кроме того, она свидетельствовала о политической слабости Китая. Со временем династия Хань пришла к выводу, что с хунну нужно бороться и решить этот вопрос раз и навсегда. Согласованные усилия позволили освободить богатые сельскохозяйственные земли региона Сиюй, кочевники были отброшены, и китайцы взяли под контроль коридор Ганьсу в результате кампании, длившейся десять лет и закончившейся в 119 году до нашей эры. К западу находятся горы Памира, а за ними –

новый мир. Китай открыл дверь, ведущую к трансконтинентальным связям. Именно тогда и появился Шелковый путь [7, с. 18]. Итак, встретились две великих и славных ветви одного торгового коридора по Евразийскому континенту – Великого шелкового пути.

В своем труде «Великий шелковый путь» А. Петров расписал все физические, моральные, транспортные, экономические трудности, которые лежали на плечах торговцев, тем самым раскрыл прозаическую завесу и колоссальный размер риска караванных путей без романтического напыления. Он пишет, что «страшна была угроза быть поглощённым зыбучими песками, сводили с ума миражи, а когда наконец караван прибывал в новую страну, не было никаких гарантий доброжелательности. Подозрительность, с которой зачастую встречали купцов-иноземцев, была вовсе не безосновательной. Ремесло шпионажа с торговым делом во все времена сочеталось довольно успешно» [5, с. 98]. Здесь он раскрыл один из функций караванных путей. Распространяясь по всему континенту, караванные пути стали полифункциональными сегментами политической, экономической, культурной, дипломатической, коммуникативной, информативной сфер международных отношений.

Коммуникация: Торговые экспедиции создавали условия для успешного (с риском) общения с представителями других стран и народов. Во время знакомства, приветствия, переговоров, показа товара использовались фатическая, конативная, регулятивная подфункции коммуникации. Также использовались вербальный, невербальный, паралингвистический, тактильный, вокальный и ольфакторный каналы коммуникации. Надо учитывать и языковой барьер в общении торговцев с местными жителями. Не только привезенные товары, но сама экипировка торговой экспедиции, их язык, вероисповедание становились объектом интереса и источником новой информации для потенциальных покупателей.

Политика: Торговые дороги невольно становились орудием политических интересов и столкновений. Границы стран и ворота городов открывались перед караванщиками в зависимости от политической конъюнктуры в регионах. Караваны порой становились камнем преткновения в политических играх. Вспомним историю, начало военной экспансии Чингиз-

хана в Хорезм. Снаряженный китайскими товарами караван прибыл в Отрар. Начальник города Инальчик Каирхан воспринял караванщиков за переодетых монгольских лазутчиков и отправил донесение Хорезм–шаху. Вскоре монгольский караван был задержан, караван-баши и четыреста пятьдесят купцов «исчезли бесследно в подвалах крепости, а монгольские товары наместник Отрара отправил в Бухару для продажи» [8, с. 132]. Через месяц от кагана прибыл другой посол, требующий законного ответа за проступок и освобождения купцов и товаров. Купца закололи кинжалами, на границе подожгли бороду и отпустили пешком. Это было приговором для начала жестокого и разрушительного похода Чингизхана в Хорезм.

Культурология: Во время торговой экспедиции по азиатским и европейским странам раскрывался весь калейдоскоп культурного разнообразия народов. Купцы несли богатую культурную информацию. Язык, обычаи, тонкости местного этикета, элементы прикладного искусства, жилище, домашняя утварь, национальная одежда – все это было культурным кодом. От караванщиков люди узнавали о наличии других стран и народов, о их культурных достижениях.

Дипломатия: В качестве послов нередко выступали караванщики. Использовать купцов было вдвойне удобно: во-первых, они хорошо ориентируются в местности, во-вторых, они владеют языком и знакомы с местными традициями. Посол должен был соответствовать всем требованиям дипломатии: быть грамотным, смелым, верным, хитрым. Красноречие, умение говорить комплименты, умение сдерживать эмоции, способность улаживать конфликтные ситуации повышали компетентность послов. Например, купец Махмуд-Ялвач стал главным послом Чингизхана к шаху Хорезма. Об этом В. Ян пишет так: «Сюда осенью года Зайца (1219) прибыло большое посольство от Чингизхана. К высоким воротам шахского дворца подъехали на пегих степных конях послы Чингизхана – три мусульманина из числа богатейших купцов, ежегодно посылавших караваны с товарами из Хорезма в разные концы Азии. Подарки хорезм – шаху Мухаммеду были привезены на сотне верблюдов и на одной ярко раскрашенной арбе, запряженной двумя длинношерстными яками» [8, с. 105]. Шах Хорезма Алла эд-дин Мухаммед принял подарки Чингизхана и его предложение дружбы. Он охотно согласился дать всякие

льготы купцам кагана. От шаха Мухаммеда была дана грамота с его восковой печатью, разрешающая монгольским купцам разъезжать и торговать во всех городах Хорезма свободно и без всяких сборов.

Экономика: Караванные экспедиции сыграли большую роль в развитии экономических отношений древнего и средневекового мира. В торговле использовали деньги, драгоценные металлы как эквивалент оплаты и бартерный способ. Особенно кочевые народы широко использовали натуральный обмен. Они предлагали купцам пушнину, коней, скот, выделенную шкуру домашнего скота, войлочные изделия в обмен на ткани, чай, посуду, инструменты, украшения и т.д. Какое изобилие товаров предлагалось покупателям: слитки невиданных ценных металлов, рога носорогов, мешочки с мускусом, красные и розовые кораллы, резные чашечки из яшмы и нефрита, куски драгоценной материи «торгу», сотканной из шерсти белых верблюдов, подносимые только ханам, шелковые ткани, шитые золотом, ковры, женские украшения, оружие, фарфоровую посуду и мн. др. Продавались и рабы: женщины, трудоспособные мужчины и дети. Также богатые купцы обычно составляли торговые компании и принимали деньги от вкладчиков, желающих испытать свое счастье в торговле [8, с. 105]. На практике широко использовались инвестиции, кредиты, залог, также купцы платили налог за право торговать в определенной стране.

Информация: караванные экспедиции были источником получения новой информации о других странах, народах. Не только привезенные ими товары сообщали об уровне и достижениях, культуре и быте далеких народов, но и купцы сами рассказывали очень интересные факты о других землях, народах, о политических событиях. Например, купец Махмуд–Ялвач рассказывает писцу: монголы-татары – степняки, живут они рядом, в восточных отдаленных странах, не способны к оседлой жизни. Их обширные представляют пустыню, травобильную и маловодную, пригодную коню, барану и верблюду, потому что этот скот потребляет много травы и мало воды [8, с. 105]. П. Франкопан о караванных экспедициях написал так: «Идеи, темы и истории путешествовали по дорогам, распространялись путешественниками, купцами и паломниками» [7, с. 17]. Караванщики несли огромный поток информации

по азиатским просторам от востока на запад, от запада на восток, от гор к долинам, от цветущих долин до горячих песков. Информация была не только богатой по тематике (география, биология, наука, культура, история, политика, экономика), но содержательной и насыщенной.

Риск и безопасность: Караваны являлись более или менее надежным способом доехать до определенного пункта назначения одиноким путникам или группам людей, не имеющих надежной защиты от вооруженных нападений и трудностей дальней дороги. Приведем пример из романа «Потомок императора»: «Вместе они подошли к седоволосому караван-баши, который уже перед самой отправкой каравана в далекий путь давал последние указания своим расторопным помощникам.

– Сынок, ты мог бы взять нас с собой в дорогу? Нам нужно уехать из города как можно дальше. И срочно.

– ...Если заплатите, я отвезу вас хоть на край света! – громко и от души расхохотался караван-баши» [3, с. 67].

Еще один пример из повести о Ходже Насреддине: «Присоединившись к большому купеческому каравану, Ходжа Насреддин пересек бухарскую границу и на восьмой день увидел вдаль в пыльной мгле знакомые минареты великого славного города. Хрипло закричали измученные жаждой и зноем караванщики, верблюды прибавили шагу: солнце уже садилось, и надо было спешить, чтобы войти в Бухару раньше, чем закроют городские ворота» [6, с. 10].

В становлении и развитии караванных путей важную роль сыграла Центральная Азия. Возвращаясь к истории региона А. Камышев пишет, что «Роль посредников в межконтинентальной торговле в раннем средневековье выполняли согдийцы. В самаркандском Согде бронзовые монеты китайского образца с согдийской легендой появились в середине VII века» [4, с. 54].

Г. Джунушалиев о возникновении городов на караванных путях констатирует такие факты: «В эпоху позднего средневековья города Ферганской долины не играли той роли, какую имели, скажем, в эпоху раннего или развитого феодализма. Возникновение городов в этом регионе связано с развитием ремесла и торговли. Как правило, города были расположены на торговых путях, прежде всего на Великом шелковом пути, и достигла расцвета в III – XII веках н.э. В Ферганской долине до монгольского нашествия существовали более 40 городов и

крупных поселений, в том числе и город Ош [4, с. 101]. В Ферганской долине на караванном пути процветали древние города Узген (VIII-IX вв.), **Шоробашат** (IV-V вв. до н.э) и т.д. На севере Кыргызстана сохранился караван сарай «Таш-Рабат» — крупное сооружение среднеазиатского зодчества того времени, возведенное из камня. В наши дни он превратился в музей под открытым небом как свидетельство минувших славных веков и как памятник истории передвижной торговли.

Чуйская долина, как один из сегментов Великого шелкового пути, имеет богатую историю, состоящую из расцвета и разрушения. В IX-XI веках существовал город Баласагын в ущелье Кегети Кыргызского хребта. В 1218 году Баласагын был захвачен и нещадно разрушен татаро-монголами. От оживленного и богатого торгового города остался лишь минарет – Бурана, как напоминание о былой славе. В 1219 году был разрушен Чингизханом один из крупнейших городов Средней Азии – Отрар [8, с. 105]. Жители были истреблены почти поголовно, от города остались руины, бугры, валы и пепелище.

Такова краткая история становления, развития и падения караванных дорог древнего и средневекового периодов. Великий шелковый путь остался в истории как эталон слаженной торговой сети, опутавшей огромную территорию от Востока до Запада. В современном мире совсем другие подходы к международному экономическому и политическому сотрудничеству.

Идея возрождения Великого шелкового пути принадлежит китайскому правительству. Конечно, этот путь не будет прежним – мы не увидим длинную вереницу чинно и неспешнодвигающихся «кораблей пустыни», не услышим окрики погонщиков, шум средневекового городского базара, треск и грохот разрушенных городов, не вдохнем придорожной пыли около древних караван-сараяев. Сейчас другие возможности и требования. Древние караванные дороги и вьючный транспорт будут заменены современной ветвью железных дорог, дающей возможность перевести большой поток товаров и сырья промышленного и бытового назначения. Железная дорога соединит Китай, Кыргызстан и Узбекистан с европейскими странами. А. Дононбаев пишет, что «Железная магистраль Китай-Кыргызстан-Узбекистан призвана соединить китайские железные дороги с Узбекистаном и далее через Афгани-

стан, Иран и Турцию с европейской сетью железных дорог. Планируемая протяженность кыргызского участка – 268, 4 км, китайского участка – 165 км» [1, с. 246]. Железная дорога несет в себе инфраструктурную проекцию геополитики Средней Азии. Переговоры между правительствами Китая и Кыргызстана еще идут, потому что кроме экономических интересов затрагивается и политический интерес каждой из сторон.

Еще один форпост современного Великого шелкового пути – это Хоргос. Он расположен в Или-казахском автономном округе Синьцзяна и граничит с Казахстаном, также с древних времен он был важной станцией на древнем Шелковом пути. В данное время является трансграничной зоной свободной торговли и инвестиционного сотрудничества. Много китайских бизнесменов дополнили современные торговые полки и склады качественной продукцией. Сюда приезжают кыргызстанские, казахстанские, узбекистанские и российские покупатели. Здесь заключаются многомиллионные торговые договоры по поставке продукции тяжелой, легкой и фармацевтической отрасли. По мере непрерывного развития инициативы «Один пояс – один путь» все больше и больше китайских и иностранных бизнесменов приезжают в Хоргос, чтобы принять участие в «золотой лихорадке» и содействовать экономическим и торговым обменам между Китаем и Центральной Азией, Западной Азией и Европой [2, с. 9]. С подачи китайского правительства и поддержки стран Центральной Азии происходит реабилитация Великого шелкового пути в другом формате. В истории человечества караванные дороги сыграли большую роль, выполнив многофункциональную миссию, но не стертые со страниц памяти и мировой истории. Караванные дороги, торговые экспедиции подвергаются трансформациям с учетом современных реалий и требований.

Список литературы

1. Актуальные проблемы современного политического процесса в центральной Азии. Бишкек: КРСУ, 2014. – 314 с.
2. Конти Мост. 2019. №9. -64 с.
3. Мейманалиев Т. Потомок императора: Историко-приключенческий роман. Б.: «Улуу тоолор», 2021. – 280 с.

4. Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Выпуск II. – Б.: 1999. – 124 с.
5. Петров А.М. Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 127 с.
6. Соловьев Л. Повесть о Ходже Насреддине. Послесл. Дж. Молдавского. Худож. В.Меньшиков. Л., «Худож. лит», 1978. – 568 с.
7. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий / П.Франкопан – «Эксмо», 2015 – 132 с.8. Ян В.Г. Чингизхан. Предисл. И.Б. Грекова; Ил. И.С. Кускова. – М.: 1984. – 352 с.

© Эралиева Ы.С., 2022

Эшиев Асылбек Кайимович
доктор философских наук,
профессор кафедры Психологии,
Ошский государственный университет, Кыргызстан,
asylbekeshiev@gmail.com

Жакыпова Наар Суйунбековна
преподаватель кафедры Психологии,
Ошский государственный университет, Кыргызстан,
naara.sujunbekovna@gmail.com

Eshiev Asylbek Kayimovich
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Psychology,
Osh State University, Kyrgyzstan,
asylbekeshiev@gmail.com

Zhakypova Naar Suyunbekovna
Teacher of the Department of Psychology,
Osh State University, Kyrgyzstan,
naara.sujunbekovna@gmail.com

**«ГЕНДЕРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ОБЩЕСТВЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ»
(НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО КЫРГЫЗСТАНА)**

**“GENDER TRANSFORMATIONS IN THE SOCIETY
OF THE FERGANA VALLEY”
(BY THE EXAMPLE OF SOUTHERN KYRGYZSTAN)**

Аннотация: В статье рассматривается трансформация взгляда на место мужчины в обществе, мужских ценностей и мужских гендерных ролей в обществе и культуре. По мнению авторов, принятие новой модели маскулинности как требование времени дает возможность мужчинам более продуктивно решать многие проблемы, лучше справляться с кризисными проявлениями в структуре мужской идентичности.

Ключевые слова: гендер; маскулинность; гендерная роль; культура; стереотипы

Abstract: The article deals with the transformation of the view on the place of a man in society, male values and male gender roles in society and culture. According to the author, the adoption of a new model of masculinity as a requirement of the times enables men to solve many problems more productively, to better cope with crisis manifestations in the structure of male identity.

Keywords: gender; masculinity; gender role; culture; stereotypes

Остановимся еще на одном факторе трансформации мужественности, выраженной в проблемах эволюции брачно-семейных отношений. Ранее мы отмечали, что традиционные мужские и женские роли в семье постепенно стираются, особенно на фоне значительных перемен, как в частной жизни людей, так в пространствах социума, в быстро трансформирующемся обществе Южного Кыргызстана. В частности, это касается поведенческих моделей в сфере детско-родительских и супружеских взаимоотношений. Не секрет, что проблемы полового равенства особенно остро проявляются внутри семьи. В то время, как семья – это сложный социальный институт, где многое из взаимоотношений между мужем и женой и формирования внутрисемейных отношений в первоочередном характере предопределяется личными характеристиками, социально-экономической ситуацией, историческими корнями, национальной культурой. Вместе с тем, семья – это базовая составляющая социума, где конструируются именно те модели взаимоотношений между мужчинами и женщинами, которые впоследствии накладываются на другие сектора общественной жизни. Поэтому здесь и только здесь, внутри семьи, важно и необходимо зафиксировать идеи полового равенства, а затем обеспечить механизмом действительного претворения в реальную жизнь.

В научной литературе подчеркиваются следующие факторы трансформации современной семейно-брачной жизни:

– увеличивается количество женщин и мужчин, сознательно ориентированных на бездетность;

- снижается среднее число детей, рожденных одной матерью;
- рождение детей откладывается родителями на более старший возраст;
- рождение детей чаще происходит вне брака;
- развод перешел в категорию нормы, с учетом наличия детей в семье, однако впоследствии всё чаще и чаще сопровождается созданием нового брачного союза, зачастую незарегистрированного и неформального;
- незарегистрированные браки практически распространены в той же мере, как и официально зарегистрированные браки;
- большинство молодежи начинает семейную жизнь с совместного проживания, а не с брачного союза [2, с. 45; с. 9-34].

Согласно публикации В.С. Магуна, отход от традиционных моделей кыргызской семьи, не одно десятилетие выступавшей в качестве образца, свидетельствует о том, что механизмы трансформации запущены. Семья, созданная по традиционным канонам, схожа с четко структурированной организацией, где перераспределены все роли и полномочия, а также установлена определенная субординация. Обычно «нормальная» среднестатистическая семья состояла из отца, матери и их собственных детей; супруги долгое время жили в брачном союзе до тех пор, пока их не разлучала смерть. В семье кыргызов традиционно складывалось своего рода перераспределение труда: жена обеспечивала уход за домом и семьей, а муж исполнял обязанности кормильца – работал. То же самое можно продемонстрировать на очередности событий, из которых обычно складывался цикл жизнедеятельности советской семьи. Иными словами, модель «нормальной» семьи четко выстраивалась в следующую последовательность «любовь-брак-ребенок». Во-первых – встреча двух влюбленных сердец. Во-вторых – брачный союз, официально зарегистрированный в ЗАГСе. В-третьих – появление детей. Такая модель брачно-семейного поведения была жизненным стандартом для большинства советских людей. Эта же схема «правильной последовательности» сидит в умах многих, и немалое количество мужчин и женщин придерживаются именно такого образа семейной жизни [1, с. 139–162].

Однако в условиях современных регалий часто и все более открыто постепенно зарождаются новые модели семейно-брачных взаимоотношений. То есть, некогда предусмотренный порядок создания семьи стал заметно уступать новым разнообразным моделям брака. Ранее сформированная связка «любовь–брак–дети» уже не крепка. Чувство любви уже не принуждает влюбленных заключать брачный союз, а дети не входят в категорию последствия свадьбы, а тем более, следствия любви. Эволюционирование взаимоотношений полов: становятся менее традиционными и менее предсказуемыми и отличаются от ранее распространенных моделей поведения. Современные семьи крайне разнообразны по стилю жизни, составу семьи и характеру взаимоотношений. На смену «нормальным» семьям пришли новые модели не противозаконного партнерства:

- сводные семьи;
- гостевые браки;
- семьи с одним родителем;
- незарегистрированные браки и другие [1, с. 139-162].

Система современных взглядов утверждает идею равноценности между женскими и мужскими социальными ролями, а в центр брачной жизнедеятельности выдвигает развитие всех членов семьи, заботу о самореализации и любовные отношения. Суть данных изменений заключается в достижении социального достоинства всех членов семьи, в движении к высоким социальным ценностям, в расширении потенциалов личностного выбора, в упразднении ограничений, некогда существовавших в институте традиционной семьи. То есть, наблюдаются тенденции последовательного воплощения в жизнь идеалов терпимости, равенства и свободы, выдвинутых еще в эпоху Просвещения.

По данной тематике нами был проведен опрос «Какой тип семейного устройства сегодня наиболее приемлем?», на который респонденты дали следующие ответы:

1. Матриархатный тип устройства семьи – 51 чел. (87% жен. и 13% муж.);
2. Патриархатный тип устройства семьи – 175 чел. (45% жен. и 55% муж.);
3. Эгалитарный тип устройства семьи – 274 чел. (67% жен. и 33% муж.).

На наш взгляд, комплекс различных факторов обусловил отход традиционной семьи от нормативной модели брачных взаимоотношений. В том числе, через такие глобальные изменения в социуме, как: переоценка ценностей, изменение традиционных нормативов, переосмысление культурных факторов, направленность приоритетов в социальной политике, социально-экономические процессы урбанизации, социально-экономические трансформации, модернизация.

Ответ респондентов демонстрирует, что большинство респондентов отдали свои голоса за эгалитарную семью, иначе именуемую биархатом, где предоставляется полное равенство полов во всех областях жизнедеятельности. То есть, участники опроса считают, что мужчина и женщина в условиях современной семьи должны быть обеспечены равными правами на воспитание детей, на принятие решений, на трудовую деятельность и так далее. И это на уровне полного взаимопонимания, взаимоподдержки и взаимопомощи. На фоне этого невольно возникает вопрос: «Если в современном социуме отдается предпочтение биархату, то должен ли мужчина продолжать исполнять роли добытчика и кормильца?».

Мы полагаем, что эгалитарная модель семейного устройства в Кыргызстане в ближайшем будущем маловероятна, прежде всего, потому, что кыргызская культура по-прежнему продолжает придерживаться патриархальных установок, а современное общество пронизано духом традиционализма. Однако первым и главным шагом к гендерному равноправию должны стать условия, освобождающие женщин от материальной зависимости, а мужчин – от материальной ответственности. К сожалению, при нынешних реалиях социума, это пока невозможно. Тем не менее, проведенные нами исследования свидетельствуют о том, что биархата достичь можно и, несмотря на то, что здесь одного желания не хватит, постепенная ломка традиционно сложившихся патриархальных устоев всё же приведет к положительному результату. Что в малых формах можно уже наблюдать в сегодняшнем Кыргызстане.

В данном ключе мы не можем не согласиться с Н.И. Андреевой, утверждающей следующее: «эмансипация и феминизация общества вносят коррективы в некоторые семейные стереотипы, образуя конфликт между полами. Женщина стремится к эгалитарным отношениям в семье с равной долей прав

и обязанностей всех её взрослых представителей, мужчина же по инерции претендует на роль главы, формального лидера, даже если не является таковым. Данный конфликт между полами в семье разрешается с помощью разводов или семья становится авторитарно-патриархальной. Это объясняется консервативностью и нежеланием мужчин пересмотреть своё место и роль в семье и обществе» [165, с. 61-62].

Ответы на наш вопрос: «Как вы считаете, какие функции обязательно должен выполнять мужчина в современной семье?» были следующими:

- мужчина должен придерживаться семейных традиций – 64 чел. (12% муж. и 6,7% жен.);
- мужчина должен участвовать в воспитании детей – 179 чел. (43% муж. и 57% жен.);
- мужчина должен материально обеспечивать семью – 257 чел. (61,35% муж. и 71,9% жен.).

Ответы на наш вопрос: «Является ли продолжение рода основной и значимой задачей семьи?» были следующими:

- да – 275 чел. (64% муж. и 36% жен.);
- нет – 225 чел.

Опираясь на ответы наших респондентов, мы пришли к выводу: современный социум Кыргызстана продолжает быть маскулинно ориентированным и в кыргызской культуре всё еще доминируют традиционно сложившиеся патриархальные устои. Одновременно с этим, постепенно меняется общественная оценка роли мужчины.

Список литературы

1. Гендер и стратегия экономического развития Кыргызстана. - Бишкек: ОФЦИР, 2003.
2. Кон И.С. Российский мужчина и его проблемы. - М.: Алетейя, 2002.

© Эшиев А.К., Жакыпова Н.С., 2022

Юй Цзе
*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Старший преподаватель кафедры китайской филологии
Института стран Азии и Африки (Москва)*
kaqusha686@yahoo.com

Yu Jie
*Lomonosov Moscow State University
Senior Lecturer, Department of Chinese Philology,
Institute of Asian and
African Studies*
kaqusha686@yahoo.com

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И СИЮЙ В ТАНСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЭЗИИ

THE GREAT SILK ROAD AND XIYU IN TANG BORDER POETRY

Аннотация: В статье рассматривается Великий шелковый путь и Западный край (Сиюй) в представлениях китайцев в период династии Хан, а также в художественных отражениях в танской пограничной поэзии. По мнению автора, активное функционирование Великого шелкового пути и сообщений с Западным краем оказало огромное влияние на окончательное становление специального стихотворного жанра «пограничная поэзия» в эпоху Танской империи. Особое внимание уделяется художественным отражениям географических, этнографических и культурных особенностей Западного края в произведениях танских поэтов.

Ключевые слова: Великий шелковый путь; Западный край; Сиюй; Тан; пограничная поэзия; Цэнь Шэнь, Лянчжоу

Abstract: The article examines the Great Silk Road and the Western Territory (Xiyu) in the representations of the Chinese people during the Han Dynasty, as well as in artistic reflections in the Tang border poetry.

According to the author, the active functioning of the Great Silk Road and communication with the Western Territory had a huge impact on the final formation of a special poetic genre “border poetry” in the era of the Tang Empire. Particular attention is paid to the artistic reflections of the geographical, ethnographic and cultural features of the Western Territory in the works of Tang poets.

Keywords: Great Silk Road; Western Regions; Xiyu; Tang; frontier poetry; Cen Shen

Великий шелковый путь как трансконтинентальная торговая караванная магистраль, объединявшая некогда Восток и Запад, был открыт Китаем во втором веке до нашей эры, хотя само наименование как таковое было присвоено сравнительно недавно, в 1877 году, немецким географом Фердинандом фон Рихтгофом.

В Китае открытие этого древнего торгового пути и прилегающих западных регионов, то есть так называемого Сиюя, связывают с именем Чжан Цяня (до 164 г.– до 114 г. д. н. э.). Чжан Цянь и его подвиги были записаны историком второго века Сыма Цянем (родился до 145 года или 135 года, год смерти неизвестен), отцом историографии Китая, в его знаменитом труде «Исторические записки». Благодаря историку Чжан Цянь и его открытие западных земель стали всем известны и связываются с его именем до сих пор.

В 138 году д. н. э. Чжан Цянь был отправлен ханьским императором У Ди из столицы – города Чанъань - в западные регионы от Китая на поиски военной помощи и союза с народом юэчжи против степняков Хунну, постоянно совершавших набеги на Китай.

Дипломатическая миссия Чжан Цяня длилась 13 лет и завершилась неудачно, зато ему удалось разведать весьма важные для Ханьской империи географические и этнографические сведения о западном крае, а также путь следования к нему от Чанъаня. В 119 году до н. э. Чжан Цянь во второй раз поехал с императорским поручением в Сиюй и вернулся с успехом в столицу четыре года спустя. Связи были установлены с рядом стран, в том числе и с Даванем, Канцзюем, Великим Юэчжи и Бактрией. Путь к ним был проложен. После этого Ханьская империя и последующие династии непрерывно расширяли

границы дипломатических связей и сферу влияния, открыв сообщение со странами к западу от Китая. На протяжении нескольких веков из небольших караванных дорог, соединявших различные города на территории Китая и Центральной Азии, формировался торговый маршрут, который со временем вырос в масштабный торговый путь со многими ответвлениями, ведущими в различные государства Востока и Запада. Следуя по проложенному маршруту, китайцы не только занимались торговлей, но и познавали географию, этнографию, жизнь и культуру так называемых западных регионов.

Традиционно в Китае понятие Сиюй в узком смысле относилось к территории, лежащей к западу от заставы Юймэнь и Янгуаня (ныне к западу от г. Дуньхуана, провинция Ганьсу), к востоку от горных местностей Цунлин (Памирское плоскогорье), к северу от гор Куньлунь, к югу от озера Балхаш. Территория примерно соответствует нынешнему Синьцзяну в Китае. Со временем понятие «западные регионы», расширяя свое географическое наполнение, также включило в себя Центральную Азию, Западную Азию, Индию, Кавказ и побережье Черного моря к западу от Памира, включая современные Афганистан, Иран и Узбекистан до побережья Средиземного моря, и даже вплоть до Восточной и Южной Европы.

Благодаря Великому шелковому пути Сиюй оказывал значительное влияние на различные аспекты общества и жизни народа Китая. Войдя в кругозор представителей искусств и литературы в Китае, западные территории становились предметом художественного воображения литераторов различных династий. Особое внимание заслуживает поэзия, в которой Сиюй занимает видное место. Речь идет об особом поэтическом жанре – танской пограничной поэзии (бяньсай ши). Пограничная поэзия стояла у истоков китайской литературы и восходит к периоду Чжоу, на протяжении которого возник первый сборник стихотворений «Ши цзин», но как специальный жанр она окончательно сформировалась только во время династии Тан, когда китайская империя в очередной раз расширила пределы своей территории и укрепила пограничную оборону на западе страны. На формирование нового жанра поэзии оказал сильное влияние Великий шелковый путь и Сиюй, через который проходил этот путь. Во времена династии Тан функционированию Шелкового пути уделялось особое вни-

мание. Последовав за Суйской династией, династия Тан активно проводила политику, обращенную к внешнему миру, и вложила огромные силы в управление западными регионами и Шелковым путем, вдоль которого начали строительство почтовых станций и постоянных дворов, колонизацию пустующих окраинных земель, совершенствование технологии производства. Династия Тан также придавала большое значение взаимной торговлей с соседствующими районами и даже учредила специальное агентство управления – надзор за приграничной торговлей [1]. Все эти усилия не только эффективно регулировали пограничные проблемы, но и стабилизировали социальную и экономическую среду, развивали торговлю с окружающими странами. Эта благополучная ситуация послужила не только материальной основой для бесперебойного течения Шелкового пути, но и сама стала прямым результатом его мощного развития.

В этот период Шелковый путь достиг небывалого процветания. «Западные страны» установили тесные политические, экономические и культурные отношения с Тан через Шелковый путь. Вдоль Шелкового пути находились сотни государств, тесно связанных с Китаем.

Согласно статистике, проводимой Ху Далином, во весь период правления династии Тан были написаны около 2000 «пограничных стихотворений». География их сюжетов охватывает северо-запад, северо-восток и север. Среди них северо-запад занимает особо видное место, на которое приходится около 1500 произведений, что составляет три четверти от общего количества Танской поэзии [2, с. 23-24].

Военная мощь, процветание экономики, благополучное развитие общества и культуры империи, в особенности - до толе невиданная широта общения с внешним миром способствовали знакомству с различными, пестрыми неизвестными Китаю культурами, что вызвало появление нового духа и стиля в стихосложении – экзотики, лиризма, военного романтизма, героизма.

В танской поэзии много стихов, воспевающих культуру и искусство западных регионов, например, «Посланник на границе» Ван Вэя (使至塞上) и «Песня о белом снеге, или Как военный судья возвращался в столицу» (白雪歌送武判官归京), «Сказание об озере Же-Хай, или Как императорский

слуга возвращался в столицу» (《热海行送崔侍御还京》) Цэнь Шэня и т. д.

Поэзия Тан густой краской преисполнена идеализма. Процветание Шелкового пути вдохновило интеллектуалов династии Тан на романтическое воображение далеких и экзотических мест и возвышенное стремление отправиться к границам Родины, чтобы внести свой вклад в ее защиту и сделать карьеру. Например, «Солдатская песня» (《从军行》) Ян Цзюна, «Песня приграничной заставы» (《塞下曲》) Ли И и «Солдатская песня» (《从军行》) Ло Биньвана.

На протяжении более чем тысячи лет танские пограничные стихотворения возбуждали и продолжают возбуждать бурные фантазии китайцев, которым не приходилось побывать в отдаленном западном краю. Наизусть зная необыкновенно популярные строки, китайцы запомнили заставы, города, страны, расположенные на Великом шелковом пути, как образ и символы Сиюй, которые, с одной стороны, вызывают страстное желание побывать там, с другой – передают тоску по Родине тех китайцев, которые вынуждены были воевать на чужбине. Среди городов на Шелковом пути находился город Лянчжоу, которому посвящено более ста стихотворений.

Лянчжоу сегодня является районом городского подчинения городского округа Увэй провинции Ганьсу Китая и расположен на северо-западе страны, в восточной части коридора Хэси и в центре города Увэй. Будучи торговым городом и стратегически важным пунктом восточной части Шелкового пути, Лянчжоу был полон торговцами из разных западных регионов и тем самым послужил центром культурного обмена Китая как со странами центральной Азии, так и с Европой. Благодаря своей богатой военной истории, а также холодному климату город вошел в танскую поэзию, ассоциируясь с суровыми пейзажами, тяготой военной службы и заброшенностью человеческой судьбы. О нем сложился специальный цикл – «строфы о Лянчжоу» (Лянчжоуцы). Произведение этого жанра, которое является шедевром танской поэзии, написал поэт Ван Чжихуань: «Я вижу Хуанхэ, чей путь — за облака, / И одинокий град среди высоких скал. / Зачем же флейта жалобно поёт / О том, что не успели расцвести / Те ивы у нефритовых ворот? / Ветра весны пока ещё в пути» (黄河远上白云间, 一片孤城万仞山。羌笛何必怨柳树, 春风不度玉门关).

Активное заимствование музыки из западных регионов привело к развитию и улучшению мелодичности и ритмики танской поэзии. Стоит отметить, что древний жанр юэфу (жанр народной песни 乐府), получив богатый тематический материал о жизни и культуре западных территорий, оказал великую услугу формированию пограничной школы танской поэзии. Некоторые древние темы юэфу стали специально посвящаться жизни народов, живущих вдоль Шелкового пути и военным кампаниям, которые происходили в этом регионе. Самыми известными являются такие мотивы из Юэфу, как «Солдатская песня» (从军行), «Походный мотив» (出塞), «Песня с приграничной заставы» (塞上曲) (Луна над горной заставой), «关山月», «Песня о Лянчжоу, Лянчжоу Цы» (凉州词), «Под сенью шатра и трав» (苏幕遮) и др.

Поданные Танской династии страстно любили стихотворения на такие темы, как поход на границы, изгнание, путешествие и разлуки [3, с. 209]. Пользовались популярностью стихи поэтов Ван Чжихуань, Ван Чанлин, Гао Ши, Цэнь Шэнь, Ли И, Чжан Цзи и др., которые посвящали стихотворения описанию пестрых и ярких пейзажей Сиюй, военным экспедициям на западную границу, страстному желанию совершить подвиг на поле боя против чужеземцев, восхищению экзотической жизнью, тоске на чужбине, тяготам войн и т. д. Особое внимание привлекает Цэнь Шэнь, которому принадлежали такие знаменитые стихи, как «Песня о реке Боевых скакунов, или Как сановник Фэн выступал в поход на Запад» (走马川行奉送封大夫出师西征) и упомянутые выше произведения.

Цэнь Шэнь (715-770) был уроженцем Цзянлин, Цзинчжоу (ныне Цзянлин, провинция Хубэй). Он родился в скромной чиновничьей семье, сам будучи чиновником, ездил в Сиюй на службу в военных наместничествах Аньси и Бэйтин, где в общей сложности пробыл шесть лет. «Песня о белом снеге, или Как военный судья возвращался в столицу» — знаменитое произведение Цэнь Шэня. В этом стихотворении описываются роскошные пейзажи летящего августовского снега в западных регионах, выражены чувства разлуки с другом, который уезжает за пределы Великой китайской стены. Романтические идеалы и возвышенные чувства, выраженные в стихах, пробуждают в читателях фантазию и тоску по незнакомому краю. Вся поэма имеет богатые и широкие коннотации, великолепно

ную и романтическую окраску, величественный импульс, самобытную и уникальную художественную концепцию и обладает сильной творческой привлекательностью. Строки из стихотворения, такие как «Внезапно приходит весенний ветерок, тысячи деревьев и тысячи цветков распускаются на тысячах грушевых деревьев», стали известными фразами, передаваемыми на протяжении веков.

«Песня о реке Боевых скакунов, или Как сановник Фэн выступал в поход на Запад» «走马川行奉送封大夫出师西征» - одно из выдающихся произведений, поэма Цэнь Шэня о приграничных крепостях. В этом стихотворении описывается природная среда военной экспедиции, которая по реке Цзоумачуань, покрытым снегом полям войдет в пустыню Гоби. «Густые бескрайние жёлтые пески соединяются с небом, / В городе Луньтай в сентябре ночью ревет ветер, по всей равнине беспорядочно двигаются (от ветра) огромные расколотые камни» – это типичное зрелище и туманная, хаотичная сцена в этом негостеприимном регионе: бушует ветер, летит желтый песок, закрывая небо и солнце. Помимо описания природных пейзажей, поэт вспоминает историческую сцену нападения хунну на армию династии Хань, а затем, переходя на собственную эпоху, описывает армию династии Тан, мужественно сопротивляющуюся вражескому вторжению, показывая патриотизм воинов. Все произведение наполнено дерзостью и силой танских военных, которую поэт лично засвидетельствовал во время службы на пограничных заставах.

Являясь великим наследием китайской классической литературы, танская пограничная поэзия своим выдающимся художественным достижением послужила свидетельством истории открытия Великого шелкового пути, а также непрерывного процесса обмена культурным опытом между центральными районами Китая и его западными регионами со времен династий Хань и Тан.

Список литературы

1. 李大龙：《唐朝和边疆民族使者往来研究》，哈尔滨：黑龙江教育出版社。2013, 393 页 (Ли Далун. Исследование обменов между династией Тан и пограничными этническими посланниками. Харбин: Хэлуицзян чубаньшэ, 2013. 393 с.)
2. 马兰州：《唐代边塞诗研究》，天津：天津古籍出版社。2003, 224 页。(Ma Ланьчжоу: Исследование пограничных стихов династии Тан. Тяньцзин. Тяньцзин гуцзи чубаншэ, 2003, 224 с.)
3. 陈超敏：《沧浪诗话评注》，北京：北京联合出版公司，2015, 304 页(Чэнь Чаоминь, Комментарий к стихам Цанлан, Пекин: Пекинская объединенная издательская компания, 2015, 304 с.)

© Юй Цзе, 2022

Древняя, Средневековая и Новая история Центральной Азии

Гоффоров Шокир Сафарович

Самаркандский государственный университет

им. Шарафа Рашидова,

доктор исторических наук, профессор

НАПРАВЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИДОРОЖНЫХ СОО- РУЖЕНИЙ В ОБСЛУЖИВАНИИ КАРАВАННЫХ ПУ- ТЕЙ БУХАРСКОГО ХАНСТВА

DIRECTION AND SIGNIFICANCE OF ROADWAY STRUCTURES IN MAINTENANCE OF THE CARAVAN ROADS OF THE BUKHARA KHANATE

Аннотация: В статье представлен анализ коммуникативного значения караванных путей Бухарского ханства и основных направлений, сетей караванных путей, караван-сараяв и их экономического значения, гидротехнических сооружений, транспортных средств и условий их использования.

На основании анализа источников следует отметить, что сведения о караванных путях, важных остановках, караван-сараях и рабатах, использовании транспортных средств в Бухарском ханстве в XVI-XVIII веках, приведены в различных источниках в общем виде, при описании социально-политической и экономической жизни ханства, жизни и деятельности правителей и высших чиновников, религиозных деятелей. Также на основе анализа данных источников можно сделать научные выводы о роли караванных путей Бухарского ханства в единой хозяйственно-экономической системе.

Ключевые слова: торговые пути; караван; источники; торговля; связи; экономика; политика; инфраструктура; придорожные сооружения; караван-сарай; рабаты; сардобы; послы; чиновники; ги-

дротехнические сооружения; мосты; строительство; переводчики; службы охраны; культурно-бытового обслуживание

Abstract: The article presents an analysis of the communicative significance of the caravan routes of the Khanate of Bukhara and the main directions, networks of caravan routes, caravanserais and their economic significance, hydraulic structures, vehicles and conditions for their use.

Based on the analysis of sources, it should be noted that information about caravan routes, important stops, caravanserais and discounts, the use of vehicles in the Bukhara Khanate in the 16th-18th centuries, is given in various sources in a general form, when describing the socio-political and economic life khanates, life and activities of rulers and senior officials, religious figures. Also, based on the analysis of these sources, it is possible to draw scientific conclusions about the role of the caravan routes of the Bukhara Khanate in a single economic system.

Keywords: trade routes; caravan; sources; trade; communications; economy; politics; infrastructure; roadside facilities; caravanserai; discounts; sardobas; ambassadors; officials; hydraulic structures; bridges; building; translators; security services; cultural services

В мировой истории важное значение имели взаимные связи и торговля между государствами. Развитие внутренней и внешней торговли, совершенствование системы оказания услуг на торговых путях остаются одними из основных направлений развития экономики и сегодня, что, в свою очередь, приводит к необходимости изучения их исторических корней при поиске конкретных решений проблем и существующих недостатков системы оказания услуг на международных торговых путях. В частности, это указывает на то, что изучение внутренних и внешнеторговых связей стран Центральной Азии, состояния инфраструктуры караванных путей и порядка оказания услуг является одной из важных вопросов.

Следует отметить, что среди сфер оказания услуг на караванных путях Бухарского ханства особое место занимают придорожные сооружения. В данный период строительство караван-сараяев, рабатов, мостов, колодцев, водоемов и сардоб в степных и пустынных районах ханства было одним из ведущих звеньев государственной политики. С ростом значения

морского пути в XVI веке важное экономическое значение Бухарского ханства на международной арене в известном смысле уменьшилось. Сократились торговые связи на международных транзитных путях, возросло значение региональных, внутренних (местных) караванных путей.

На протяжении XVI-XVII веков пути сообщения в Ферганской долине носили многоотраслевой характер, составляя основное звено торговых путей Коканда, Кувы, Маргилана, Намангана, Андижана, Оша, Ходжента. Города Ферганской долины через Ташкент были связаны с городами Семиречья -Шымкентом и Туркестаном, а также с важными крепостями в Казахских степях, на границах Оренбурга и Сибири [8, с. 71-72].

Дорогу из Ташкента в Наманган через Тойтепа, Карахитай, Тилов, Кошрабат, Мулламир, Боботархан, Шахидон, Пунган, Хорамсарай, Уйгур, Поп, Санг, Чуст, Туракурман, проходившая через гору Чаткал, можно было преодолеть за 10 дней [4, с. 210]. Появились несколько караванных путей, соединявших Бухару с Ферганской долиной. Также сложилось несколько дорожных сетей в направлении Бухары и Хивы [11, с. 103-104].

Со второй половины XVI века развиваются посольские и торговые отношения с Россией [19, с. 169-172]. Сибирский путь и возможности, созданные для бухарских торговцев в этой стране (ограничение административного произвола, обеспечение безопасности и др.), торговые тарифные уступки будут играть важную роль в торговых отношениях с Россией. Основание Оренбурга послужило причиной развития торговых отношений с Россией через Ташкентское и Астраханское направления [2, с. 117-118].

В позднем средневековье важное значение в связях Бухарского ханства с Индией имела дорога Кабул-Кандагар [6, с. 117-118], с Ираном дороги Мерва и Хивы [4, с. 288], с Турцией пути, шедшие через Кавказ (в особенности, через Азербайджан -диссертант) в Астрахань и Каспийское море, с Китаем пути, проходившие через Семиречье и Кашгар [16, с. 22-23].

На торговых путях строились такие придорожные сооружения, как караван-сарай, рабаты, сардобы для оказания услуг караванам, послам, почтальонам, пассажирам, а также для временного проживания государственных чиновников при исполнении служебных обязанностей и в разъездах [9, с. 54].

Караван-сарай были временным пристанищем и гостиницей купцов-караванщиков, связывавших международные отношения с помощью торговых связей, которым приходилось проходить длинный и трудный путь, местом, где их лошади и скот могли отдохнуть и набраться сил после долгого пути. На территории Бухарского ханства (Хорезм на западе, Кашгар на востоке, казахские степи на севере, простирающиеся до Индии на юге) насчитывалось более 50 различных караван-сараяев, которые могли принимать до 5000 купцов в день, которым оказывались различные услуги. В строительстве придорожных сооружений в Бухарском ханстве большое значение имела деятельность Абдуллахана II, причем известно, что, кроме правителей, придорожные сооружения строили и представители духовенства. В частности, следует отметить, что Джуйбарскими шейхами были построены десятки рабатов и сардоб вдоль дорог Бухара-Карши и Амударьи. В Бухарском ханстве вдоль торговых караванных путей было устроено множество медресе, мечетей, мазаров, максур (кладбищ), караван-сараяев, сардоб, колодцев, бань, умывален, дорог и мостов, водоемов. Обычно учредитель вакфа жертвовал свое движимое и недвижимое имущество на благотворительные цели [7, с. 7-67].

В некоторых караван-сараях снаружи вырезали стены и строили лавки. В документе XVI века упоминаются «лавки» внутри караван-сарая Саррафов в Бухаре [2, с. 18].

Запасы воды были необходимы купцам, чтобы легко добраться до места назначения на караванном пути. По этой причине с древних времен в Средней Азии существовала традиция строительства сардоб [17, с. 30]. Сардоба «Рабати Малик» (12 век), расположенная недалеко от Карманы, считается самой древней сохранившейся сардобой [20, с. 75]. В Бухарском ханстве имелся опыт строительства сардоб: Абдулла-хан II построил 3 сардобы на дороге из Джизака в Чиназ в среднем течении Сырдарьи и Мирзачуле, 5 сардоб на дороге Бухара-Карши, около десятка сардоб были сооружены на переправах через Керки и Келиф в среднем течении Амударьи.

Мосты были важными гидротехническими сооружениями на караванных путях, а мосты на важных торговых путях находились под контролем государства. Двух-арочный мост (Пули-равок), построенный Амиром Темуром на месте разделения Зерафшана на два ручья Акдарью и Карадарью,

впоследствии был восстановлен Шейбаниханом [10, с. 31-32]. Этот мост использовался на протяжении XVI-XVII веков. Мосты через реку Зеравшан экономический центр Бухарского ханства, навсегда запечатлены в анналы истории. Они располагались вокруг таких городов и районов, как Самарканд, Каттакурган, Кармана, Кызылтепа, Бухара, Гиждуван, Вабкент, Рамитан, Жондор и Каракуль, и использовались для укорочения пути в качестве водоразделителя и распределителя. Мост, построенный над Кашкадарьей на торговом пути из Самарканда в Карши, был сооружен при Абдуллахане II. В некоторых случаях мосты строились и в целях благотворительности, как, к примеру, мосты «Пул-и Ширин хотун», «Кампиркуприк» и «Чархи девона» [10, с. 37]. При переходе через такие полноводные реки, как Амударья и Сырдарья, использовались понтонные мосты, созданные из соединенных вместе кораблей. Известно, что во время похода Абдаллахана II на Ташкент им был использован понтонный мост, сделанный из кораблей и лодок, для переправы через Сырдарью [21, с. 280-281].

Верблюды играли важную роль в перевозке караванов и грузов к месту назначения, и их было два вида. В то время как одногорбые верблюды были очень быстрыми при передвижении, двугорбые верблюды были ниже ростом. В результате опыта, накопленного в верблюдоводстве, и улучшения породы были выведены крупнотелые, трудолюбивые и сильные помесные верблюды. В среде узбеков таких верблюдов называли Нортуя, тогда как туркмены именовали их Инер. Исследования показали, что в регионе обитало 7 видов верблюдов Нортуя и 3 вида двугорбых верблюдов [18, с. 192]. В XVI-XVIII веках этот вид деятельности считался одним из самых доходных направлений животноводства. По информации Мухаммада Салима, на пастбищах Каршинского района паслось 600 верблюдов, принадлежавших аштарханидскому правителю Надиру Мухаммадхану (1642-1645). У него также были тысячи лошадей, верблюдов и домашнего скота, которые паслись в провинции Балх [6, с. 44-46]. Верблюды могли нести груз весом 640-500 фунтов, двигаться со скоростью до 2 миль в час с грузом и преодолевать в среднем 70 миль за 44 часа со средним грузом [3, с. 255-256]. Взрослые верблюды весят 500-800 кг, могут нести груз, равный половине их собственного веса, могут тянуть груз равный 10-12% своего веса, их средняя ско-

рость с грузом составляет 10-12 км в час. Верблюды Нортуга, в свою очередь, могут перевозить груз весом 1620 фунтов и преодолевать расстояние 30-35 км в день, 60 км в день без груза.

Лошади также играли важную роль при транспортировке товаров, и, хотя они и не достигали уровня верблюдов, их услугами все же тоже пользовались. За лошадой платили 6 золотых монет за перевозку 8 фунтов груза из Бухары в Кабул и 10 или 12 золотых монет за перевозку груза из Кабула в Бухару. Лошади карабаирской породы, выведенные в Бухарском ханстве, были основным средством передвижения на равнинной части караванных путей ханства. Наиболее распространенная в ханстве карабаирская порода лошадей, разводившаяся полукочевыми узбекскими племенами, славилась своей скоростью и выносливостью. Лакайские лошади, выведенные в Восточной Бухаре, также активно служили на караванных путях через горные и предгорные районы. Этот вид лошадей был приспособлен к сухому и жаркому климату, мог передвигаться по горной местности, также отличался тем, что на нем можно было перевозить грузы и добавлять в повозку [15, с. 60-66].

По своей значимости в караванной торговле мулы занимали следующее после верблюдов и лошадей место. Среди товаров, вывозимых из Хивы в Иран, значительное место составляли лошади и мулы [13, с. 85]. В то же время есть сообщения о том, что лошадей завозили из Ирана в Бухару и Хиву. В Бухарском и Хивинском ханствах разводили хороших мулов, которых везли на продажу в Иран, Багдад, Дамаск и Египет. В этом деле активное участие принимали паломники, направлявшиеся в составе торговых караванов в хадж [4, с. 210].

Ослы также имели свое место в экономических и торговых связях Бухарского ханства, в услугах, оказываемых в системе караванных путей. Обычно предводители караванов указывали дорогу сидя на осле, который был терпелив к жажде, как верблюд, довольствовался грубой пищей и мог спокойно ходить по пескам. Иногда ослы могли нести груз до 5 фунтов, если место назначения было расположено далеко, и до 10 фунтов, если оно было близко [12, с. 114].

В итоге стоит сказать, о значении караванных путей в функционировании государств при правлении династий Шейбанидов и Аштарханидов. Важное значение на караванных путях ханства имело наличие услуг проводника, транспорте-

ра, переводчика, службы охраны, культурно-бытового обслуживания, т.е. уровня обеспечения едой караванов и питанием животных, организация медицинского обслуживания на караванных путях и в торговых центрах.

Список литературы

1. Агзамова Г.А. О караванных путях из Хивы в Оренбург // ОНУ. – Ташкент, 1991. – № 12. – С. 43-46
2. Агзамова Г. Турони замин карвон саройлари // Фан ватурмуш. - 1997. - № 3. - Б. 18.
3. Борнс А. Путешествие в Бухару / Перевел с английского Георг Минь.- М.: Изд-е П.В. Голукова, 1849. Ч. 3. - С. 255-256.
4. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / Перевод с немецкого с примечаниями В.А. Ромодина. - СПб., 2005. - С. 210.
5. Захириддин Мухаммад Бобур. Бобурнома / Нашрга тайёрловчи П. Шамсиев. - Тошкент: Юлдузча, 1989. -Б. 117-118.
6. Зияев А. «Силсилат ас-салатин» о политическом положении Бухарского ханства в середине XVIIвека // Узбекистонда ижтимоий фанлар. 1989. 8-сон. - С. 44-46.
7. Иванов П.П. Из области хозяйственной терминологии. // Известия АН СССР, VII серия, ООН. - Москва-Ленинград, 1935.; Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI-XVIIвв. - Москва: Наука, 1954. - С.7-67; Казаков Б. Документальные памятники Средней Азии. - Ташкент: Фан, 1987.
8. Кобзева О.П., Тухтабеков К.А. Очерки по истории торговли и предпринимательства в Узбекистане. - Ташкент, 2008. - С. 71 -72.
9. Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX- нач. XX вв.). - Ташкент: Фан,1980. - С. 54.
10. Массон М.Е. Среднеазиатские мосты прошлого и проблемы их изучения. - Ташкент, 1978. - С. 31-32, 47.
11. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. - М.: Наука, 1975. - С. 69, Сейди Али Раис. Миръотулмамолик (Мамлакатларқўзгуси). Таржима ва изоҳлар Ш. Зуннунованики. Тошкент, 1963 - Б. 103-104.
12. Муталов О. Хива хонлиги Оллоқулихон даврида. - Тошкент, 2005 - Б. 114.
13. Мухаммад Козим. Наме-йиаламара-йиНодири... Т.1. - С. 85.
14. Назаров Н. Лақайлар этнографияси. - Тошкент, 2007. - Б. 60-66.
15. Султонова Г. Бухоро ва Ёркенд хонликлари ўртасидаги савдоалоқалари // Мозийдан садо. - Тошкент, 2004. - № 3 (23). - Б. 22-23.

16. Уралов А. Гражданское зодчество средневековой Центральной Азии // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. -Ташкент, 1998. - С . 30.
17. Шониёзов К. Основные отрасли животноводства в дореволюционном Узбекистане // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. - М.: Наука, 1975. - С. 192.
18. Юлдошев М.К. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI-XVII вв. -Ташкент, Фан, 1964. - С. 21., Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию. 1558-1560 гг. // В кн: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Перевод с английского Ю.В. Готье. - Л.: Полиграф книга, 1937. - С. 167-192.
19. Қандаҳаров А. Бухоро хонлиги ва унда карманалик шайхлар фаолияти: монография / - Тошкент: «Tafakkurqanoti», 2018. - Б. 75.
20. Ҳофиз Таниш ал-Бухорий. Абдуллонома. «Шарафномаи шоҳий» / Форс тилидан С. Мирзаев таржимаси. -Тошкент: Шарк, 1999. 1-китоб. - Б. 280-281.

© Гоффоров Ш.С., 2022

Зубов Сергей Эдгардович

к.и.н., ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева, Российская Федерация, г. Самара
guberfond@rambler.ru

Назаров Александр Михайлович

научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева, Российская Федерация, г. Самара
nazarov60@gmail.com

Хушваков Наби Олимович

к.и.н., генеральный директор государственного музея-заповедника «Шахрисабз» имени Амира Темура, Кашкардарьинская область, Республики Узбекистан
hushnab@mail.ru

Sergey E. Zubov

Candidate of Sciences (History), Leading researcher, Research Laboratory of Archeology, Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: guberfond@rambler.ru

Alexander M. Nazarov

Researcher, Research Laboratory of Archeology, Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: nazarov60@gmail.com

Nabi O. Khushvakov

Candidate of Sciences (History), General Director of the State Museum-Reserve «Shakhrisabz» named after Amir Temur, Kashkardarya region, Republic of Uzbekistan
E-mail: hushnab@mail.ru

БИТВА НА КОНДУРЧЕ В 1391 ГОДУ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИИ МЕСТА СРАЖЕНИЯ

BATTLE ON KONDURCHA IN 1391: SOME QUESTIONS OF THE STUDY AND LOCALIZATION OF THE BATTLE SITE

Аннотация: В настоящей статье приводятся некоторые проблемные вопросы по характеру и значению битвы войск Хана Тохтамыш и Амира Темура на Кондурче в 1391 году. Особое внимание уделено локализации территории этого крупнейшего сражения средневековья, которая до сих пор не определена. Рассматриваются несколько перспективных площадок для археологического изучения и исследования в поисках места сражения. Авторы считают актуальным и своевременным проведение масштабных археологических работ при помощи естественнонаучных и инженерно-технических методов, использование которых в последние годы находит широкое применение в археологии.

Ключевые слова: Среднее Поволжье; средневековье; 1391 год; локализация сражения; Кондурча; Амир Темура; Хан Тохтамыш; археологические и естественнонаучные методы

Abstract: This article presents some problematic issues on the nature and significance of the battle between the troops of Khan Tokhtamysh and Amir Temur at Kondurcha in 1391. Particular attention is paid to the localization of the territory of this largest battle of the Middle Ages, which has not yet been determined. Several promising sites for archaeological study and research in search of a battle site are being considered. The authors consider it relevant and timely to conduct large-scale archaeological work using natural science and engineering methods, the use of which has been widely used in archeology in recent years.

Keywords: Middle Volga region; Middle Ages; 1391; localization of the battle; Kondurcha; Amir Temur; Khan Tokhtamysh; archaeological and natural science methods

Во второй половине XIV века улусы Империи чингизидов распались на отдельные враждующие государства как следствие клановой борьбы за власть [6, с. 410]. Наиболее трагической сложилась судьба улуса Джучи (Золотой Орды) в период с 1365 по 1380 годы, в котором ханы сменяли друг друга ежегодно или даже чаще путём дворцовых переворотов и заговоров [10, с. 111]. Этот период в русских летописях получил название «Великой замятни». Соседний улус Чагатай разделился на два антагонистичных государства Могулистан в степной части Семиречья и Мавераннахр в городской застройке Междуречья [6, с. 411]. В этот драматический период средневековой Средней Азии на сцене истории появились новые личности, изменившие ход истории континента.

9 апреля 1336 года в кишлаке Ходжа Илгар, близ Кеша (современный Шахрисабз) родился Тимур ибн Тарагай Барлас, которому суждено было стать великим Амиром Темуром, который создал новую империю Тимуридов [7, с. 12]. Однако его путь пролегал через жестокие сражения с местными властелинами в условиях соблюдения особенностей формирования местных ханов из династической «золотой семьи» Чингисхана. Амир Темур, не являясь членом этой династической линии, успешно реализовал свою стратегию по созданию своего государства, используя «подставных» ханов. Уже в 1376 году он был признан полноправным властелином Мавераннахра со столицей в Самарканде, который мог единолично принимать любые решения государственного строительства и управления [13, с. 479]. Современные историки имеют противоречивые суждения о личности Амира Темура, который, с одной стороны, создал культурный оазис в Самарканде и других городах Самарканда, но, с другой стороны, он стал жестоким завоевателем соседних государств. Тем не менее, он обеспечил безопасность границ своего Мавераннахра и создал условия для создания уникальных архитектурных ансамблей в своих городах, жемчужиной которых является комплекс Ак-Сарай в Шахрисабзе, руины которого сохранились в наше время.

Однако прилегающие с севера земли улуса Джучи представляли реальную угрозу Мавераннахру. При этом эта напряжённость прежде всего наносила экономический вред

развитию торговых путей, проходящих государствах Средней Азии. Амир Темур принял решение возвести на ханский трон в Сарае улуса Джучи юного Тохтамыша, одного из потомков Тукай-Тимура, тринадцатого сына Джучи, старшего сына Чингисхана. Именно этот чингизид был идеальной фигурой, которая по мнению Амира Темура при его военной поддержке могла бы, используя клановую борьбу местных беков, преодолеть «великую замятню» в улусе Джучи. Реализация этого решения, позволила Тохтамышу занять ханский престол в Сарае вновь объединённого улуса Джучи в 1380 году [9, с. 63]. Прежде всего, этому событию предшествовало поражение его основного соперника темника Мамайя от русского войска Великого московского князя Дмитрий Ивановича (Донского) в битве на Куликовском поле. Тохтамыш хан сумел провести ряд экономических и военных реформ в улусе Джучи, который историки позднее стали называть Золотой Ордой. Рост экономического потенциала Золотой Орды стал соблазном вступить в военной противостояние со своим создателем и названным отцом Амиром Темуrom.

После нескольких вооружённых нападений со стороны Тохтамыш хана Амир Темур в конце 1390 года принял решение по генеральному сражению с его войском в 1391 году. По сути, это его решение положило начало историческому процессу политического реформирования жизни Восточной и Юго-Восточной Европы того времени [4, с. 350]. Военный поход Амира Темура против Тохтамыш хана в 1391 году подробно описан в источниках, составленных его придворными летописцами Низзам Ад Дином и Шаффрат Ад Дином и имеет сохранившиеся до наших дней материальные археологические подтверждения. Амир Темур посвятил несколько строк сложностям этого похода в своём послании «Уложение Тимура» [3, с. 275]. В настоящее время мы имеем многочисленные публикации историков с анализом как организации этого военного похода, так и военной тактики обеих враждующих сторон [5, с. 212]. Тем не менее, мы не имеем ответов на многие важнейшие вопросы этого крупнейшего сражения средневековья. Краеугольным вопросом является место битвы.

Летописи довольно подробно описывают маршрут войска Амира Темура из Ташкента до реки Яик (совр. – Урал). В дальнейшем этот маршрут не имеет точной трассировки и являет-

ся предметом изучения. В этой связи ключевым аспектом является установление места генерального сражения, поскольку известно, что было несколько предварительных столкновений передовых отрядов до этого. В летописях имеется указание, что битва состоялась в местности Кондурча (Кундузча). Многие историки полагают, что речь идёт о мелководной реке Кондурча, которая протекает в Самарской области и, частично, в Республике Татарстан. Тот обстоятельство, что эта река имеет общую протяжённость 295 км, делает локализацию предполагаемого места сражения весьма проблематичной задачей для историков.

В последнее время сложилось доминирующее мнение, что место битвы могло быть в местности слияния реки Кондурча и реки Сок. В пользу этого допущения говорит ландшафт местности, а также отдельные моменты летописей, описывающих завершение битвы и места победного пира Амира Темура. Написано, что воины Амира Темура догоняли убегающих до Волги, где последних ждала неминуемая смерть в глубоких водах могучей реки [11, с. 171]. По логике расстояние этого преследования могло составлять около 30 км, которое уставшие конные всадники обеих сторон могли преодолеть после битвы. В летописях упоминается, что Амир Темура разбил свой победный лагерь, в котором устроил многодневный пир, на Утере (Утурупе). Таким местом можно считать Царёв курган, который находится на левом берегу Волги при впадении реки Сок на территории поселка Волжский в Красноярском районе Самарской области. Царев курган – гора-останец, необычный по форме холм издаലെка напоминает пологий восточный купол или огромный стол для пиршеств. Важно отметить, что в 30 км от этого места река Кондурча впадает в реку Сок на территории поселка Красный яр в Красноярском районе Самарской области, что предоставляет аргумент в пользу близости поля битвы к этому месту. Местные исследователи обратили внимание на треугольник этой местности, ограниченный руслом реки Сок по юго-восточной стороне, руслом реки Кондурча по юго-западной стороне и хорошо сохранившемся древнем рве, имеющим чередующиеся через 300 метров п-образные выступы по линии рва, с северной стороны. На высоте холма с северной стороны рва у села Кочкари в Красноярском районе Самарской области по инициативе местных краеведов устано-

вили мемориальный камень, который гласит, что в этом месте располагался военный лагерь Амира Темура. Общая площадь этого треугольника составляет около 30 кв. км, что позволяет разместить достаточно крупное войско с обозом. Если согласится с этим утверждением, то можно предположить, что ставка Тохтамыш хана могла располагаться на возвышенности у села Кошки в Кошкинском районе Самарской области. Название этого населенного пункта происходит от деревень Большая и Малая Кошкина чувашских переселенцев, осевших в этой местности в начале XVIII в. Вполне вероятно, что в основе названия лежит тюркское слово «кош», которое может быть означено в зависимости от конкретного языка как «стоянка», «стан», «юрта». Бытует мнение, что в тюркских языках слово «кошка» обозначает лысый холм [12, с. 89-91]. Расстояние между этими двумя локациями расположения лагеря Амира Темура и ставкой Тохтамыш хана составляет около 80 км, обеспечивающего безопасную зону для размещения войск с обозами. Топография местности имеет несколько участков вдоль реки Кондурча, соответствующих описанию хода битвы. Наиболее интересным может оказаться обширная территория около места впадения в реку Кондурча её левого притока реки Кандабулак. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что местное население считает, что этот топоним на татарском языке имеет значение «Кровавый ручей». Аналогичное название имеет село Кандабулак в Сергиевском районе Самарской области в истоке этой реки. Общая длина реки Кандабулак (в верховье – Большой Кандабулак) составляет 40 км, её исток лежит восточнее села Кандабулак. Левый приток – Малый Кандабулак.

По высказанным выше соображениям, можно выделить несколько перспективных площадок для археологического изучения и исследования в поисках места сражения:

- Царёв курган и его окрестности как место победной ставки Амира Темура;
- территория у села Кочкари как место военного лагеря Амира Темура;
- территория у посёлка Кошки как ставка Тохтамыш хана;
- побережье реки Кондурча от посёлка Кириллинский в Красноярском районе в Самарской области до посёлка Кошки.

Интересным является изучение гидронима Кондурча (Кундузча). Мы можем предложить две новые версии его происхождения.

В переводе с узбекского языка словосочетание «Qon Durcha» означает «сгусток крови». Можно предположить, что местные жители называли место битвы как «река крови» и сохранили этого название в гидрониме реки, на берегу которой произошло это кровопролитное сражение.

Как альтернативный вариант можно рассмотреть название известного города Кундўз (дари كندوز Konduz, узб. كندوز) в одноимённой провинции на севере Афганистана. Название этого города происходит от персидских слов كهن دژ, kohan dež — «старая/древняя крепость». Можно предположить, что летописец таким названием обозначил укреплённое место ставки Тохтамыш хана, вблизи которого и произошла битва. Чтобы не возвышать Тохтамыш хана над Амир Темуром, в летописи не стали уточнять о принадлежности этой крепости. В дальнейшем это название трансформировалось в гидроним названия протекающей в этих местах реки Кондурча.

Специалисты не имеют общего согласия в определении численности войск с обеих сторон. Согласно расшифрованной Карсакпайской надписи на базальтовом камне, оставленной каменотёсом Амира Темура в городах Улытау на территории современного Казахстана во время военного похода, численность войска Амира Темура составляла 300 тысяч воинов [14, с. 109]. Однако некоторые историки считают это число чрезмерным. Согласно летописи, войско Тохтамыш хана имело ещё большую численность. Если допустить, что численность войск была увеличена в 4 раза, то все равно в сражении принимали участие с обеих сторон не менее 150 тыс. воинов. Принимая во внимание это значение, войска при описанных построениях во время сражения должны были иметь поле для боя площадью не менее 20-40 кв. км [15, с. 95-96; 16], что примерно соотносится с расчетами С.Н. Азбелева по количеству участников и площади сражения на Куликовом поле в 1380 году [1; 2]. А способы ведения кавалерийского боя, которые отмечал А.Н. Кирпичников в битве Тохтамышша и Тимура в 1395 году, состоявшие из серии схваток-суимов [8, с. 60], требуют более значительных пространств.

Таким образом, перспективные территории для археологического поиска места битвы могут опираться на высказанные выше аргументы. Тщательный анализ источников и различных предположений по месту проведения сражения у Кондурчи в 1391 году может быть дополнен возможностями использования современных методов изучения ландшафтов для определения перспективных локаций установления места генерального сражения этой битвы. Авторы считают актуальным и своевременным проведение масштабных археологических работ при помощи естественнонаучных и инженерно-технических методов, использование которых в последние годы находит широкое применение в археологии.

Список литературы

1. Азбелев С.Н. География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2013. — № 4(54). — С. 12—20.
2. Азбелев С.Н. Численность и состав войск на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2015. — № 4(62). — С. 23—29.
3. Амир Темур. Тузуклар. — Тошкент: Zilol Buloq, 2020. 496 с.
4. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). — М.: Наука, 1975. — 520 с.
5. Иванов М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. — СПб., АО «Славия», 2003. — 336 с.
6. История Востока: в 6 т. / Ин-т востоковедения РАН. — М.: Вост. лит., 1995. — Т.2: Восток в средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. — 5-е изд. — 2009. — 716 с.
7. Ёязди Шараф ад-Дин Али. Зафар-Наме. перев. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. — Ташкент: SAN'AT, 2008. — 486 с.
8. Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л.: Наука, 1980. 124 с.
9. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. — Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
10. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — М.: Книга по требованию, 2013. — 280 с.
11. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т.2: Извлечения из Персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. — Л.: Ин-т востоковедения АН СССР, — 1941. — 308 с.

12. Симаков В.Е. Энциклопедия чувашских сёл Самарской области. – Самара: Издательство «НТЦ», 2008. С. 89-91.
13. Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост., обр. и подг. текста Р. Рахманалиева. – М.: Гураш 1992. – 544 с.
14. Тюркологический сборник / Ин-т Восточных рукописей РАН. – М.: Вост.лит., 1970. – 2009-2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. – 2011. – 383 с.
15. Чеботарев А.В. В поисках Куликова поля // Нескучный сад. 2005. № 4 (15). С. 95–98.
16. Чеботарев А.В. В поисках Куликова поля / Интервью Двуреченского О.В. и Гоняного М.И. // Сайт Журнал «Нескучный Сад». – № 4 (15), 15.08.05. URL:<http://www.nsad.ru/articles/v-poiskah-kulikova-polya> (дата обращения 28.02.2022 г.)

© **Зубов С.Э., Назаров А.М., Хушваков Н.О., 2022**

Сулимов С. И.
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории философии и культуры
Воронежского государственного университета
г. Воронеж, Россия
sta-sulimov@ya.ru*

Sulimov S. I.
*candidate of philosophy, associate-professor,
associate-professor of department of history of
philosophy and culture
Voronezh state university
Voronezh, Russia
sta-sulimov@ya.ru*

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ СОГДИАНЕ

SPECIFICS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION PROCESSES IN ANCIENT AND MEDIEVAL SOGDIANA

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению роли межкультурных коммуникаций в истории такого региона как Согдиана. Опираясь на факты древней и средневековой истории, автор доказывает, что сформировавшееся на культурном перекрёстке общество с необходимостью будет иметь ряд политических и духовных особенностей.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; экспансия; культурная самобытность; Великий Шёлковый путь; Согдиана.

Abstract: This article is devoted to the consideration of the role of intercultural communications in the history of a region such as Sogdiana. Based on the facts of ancient and medieval history, the author proves that the society formed at the cultural intersection with the need will have a number of political and spiritual features.

Keywords: intercultural communication; expansion; cultural identity; the Great Silk Road; Sogdiana

Исторический процесс наглядно свидетельствует о том, что некоторые регионы в силу своего экономико-географического положения не имеют возможности создать собственные автохтонные культуры, но при этом оказываются своеобразным аккумулятором влияния соседних культур. В то время как некоторые этносы и нации создают собственную оригинальную культуру и веками поступательно развиваются под её влиянием, формируют собственную государственность или обходятся без таковой, открытые для любых культурных влияний регионы с гораздо меньшим усилием достигают замечательных результатов в историко-культурном процессе. Однако за этот блеск приходится платить немалую цену. Например, многие городские центры Центральной Азии на протяжении тысячелетий благодаря караванной торговле Шёлкового пути были открыты для любых культурных влияний, а их жители занимались не только коммерцией, но и многими другими видами деятельности. Поэтому, с одной стороны, жители данного региона имели очень широкий кругозор, но, с другой стороны, активно участвовали в культурном творчестве сами, осваивая чужие достижения и предлагая соседям свои. В данной работе мы рассмотрим специфику межкультурных взаимодействий и её последствия в истории такого важнейшего культурного перекрёстка как Бухара и Самарканд.

Говоря о Центральной Азии, необходимо отметить, что географически этот край не однороден: здесь встречаются пустыни, оазисы и степи, жители которых с древнейших времён принадлежали к разным культурным типам. Ведь невозможно отрицать, что кочевник евразийской степи в духовном и социальном отношении не похож на самаркандского ремесленника или бухарского купца-караванщика, водящего своих верблюдов из Согдианы в Рей. Однако прозрачная граница географических зон и возможность их жителей обмениваться дарами своих ландшафтов в незапамятные времена сделали Согдиану средоточием торговли. Здесь удачно соседствовали кочевническое и городское общества: иногда это соседство бывало прибыльным, иногда – опасным, но оно не прекращалось ни-

когда. Например, вот как описывает это «единство во множестве» отечественный исследователь А.А. Попов: «Вероятно, южноуральские кочевники поддерживали торговые контакты с центральноазиатскими сатрапиями Персидской державы. О вероятных торговых связях Ирана с Центральной Азией и областями к северо-востоку от неё свидетельствуют и раскопки алтайских курганов в VI-IV вв. до н.э., где в условиях вечной мерзлоты среди других предметов найден стриженный ворсовый ковёр, по-видимому, изготовленный мидийскими или персидскими мастерами. Таким образом, можно предположить, что кочевой мир к северу от персидской державы был интегрирован в сферу общеиранских торгово-экономических отношений. Вообще персы, мидийцы, бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы и саки осознавали своё общее происхождение, а также близость материальной и духовной культуры» [3, с. 150-151]. Обратим внимание, что А. А. Попов описывает эпоху господства в Средней Азии персидской династии Ахеменидов, то есть Согдиана формально подчинялась монарху, жившему за её пределами. Однако на деле эта зависимость была больше формальной, чем реальной. Такие торговые центры Согдианы как Бухара и Самарканд не смогли сохранить политическую независимость, но благодаря своим коммерческим успехам всегда оставались автономными.

Британский исследователь А. Дж. Тойнби отмечает, что до эпохи Великих географических открытий Средняя Азия вовсе не была окраиной ближневосточных монархий или западным форпостом китайских торговцев. Наоборот, Согдиана считалась едва ли не центром мира, а её столицы – Бухара и Самарканд – были известны во всём Старом Свете. Вот как описывает культурную и экономическую панораму Евразии доколумбовой эпохи западный автор: «Для человека степь была практически морем, только сухопутным, что до самого конца XV века христианской эры делало её более удобной для общения, нежели солёное безбрежное море. Это безводное море имело свои сухопутные корабли и порты без гаваней. Галеоны степей – это верблюды, степные галеры – лошади, степные порты – караван-сарай, промежуточные порты – в оазисах, конечные пункты приписки – на берегах, где песчаные волны «Пустыни» разбивались о «Засеянное»: Петра и Пальмира, Дамаск и Ур, тамерлановский Самарканд и китайские

торговые ряды у ворот Великой Китайской стены. Лошади, бороздящие степь вместо парусников, бороздивших океаны, были основным средством передвижения, которое связывало отдельные цивилизации, существовавшие в мире до 1500 года, причём связывало в той степени, непрочной и слабой, в какой они действительно поддерживали контакт друг с другом» [5, с. 72-73]. На рынках Бухары и Самарканда встречались товары, произведенные или отнятые в евразийской степи, Персии, Индии и Китае, местные ремесленники и купцы конкурировали со своими коллегами из Рея, Лахора, Александрии и Лояна. Однако прибывавшие со всего света караваны привозили не только материальные предметы, но и идеи. К примеру, согдийский купец мог исповедовать политеизм, но его персидские коллеги, приехавшие в Бухару, скорее всего, были зороастрийцами и нуждались хотя бы в небольшом храме, равно как индийские и китайские путешественники рассказывали бухарцам и самаркандцам о буддизме. Американский исследователь Р. Фрай полагает, что само название Бухары производно от индийского слова «вихара», означающего «буддийское святилище» [6, с. 18]. Прямых доказательств этого нет, но при открытости Согдианы любым путешественникам и торговцам ничего удивительного в знакомстве её жителей с буддизмом тоже нет. В более позднюю эпоху согдийцы познакомились с христианством в его несторианской редакции, вытесненной православием из Византии и нашедшей приют как в Персии, так и среди некоторых кочевых племён евразийской степи. Британский историк П. Франкопан отметил, что в доисламскую эпоху христианство имело в Центральной Азии больше приверженцев, чем в Западной и Северной Европе: «К середине VI в. архиепископства проникли далеко вглубь Азии. В городах Азии, таких как Басра, Мосул и Тикрит, процветало христианское население. Уровень евангелизации был настолько велик, что в городе Кох рядом с Ктесифоном располагалось не менее пяти епархий. В таких городах, как Мерв, Гундешапур и даже Кашгар, город-оазис, находившийся прямо у «входа» в Китай, архиепископства возникли до их появления в Кентербери. Эти города стали крупными христианскими центрами ещё до того, как миссионеры добрались до Польши и Скандинавии. Самарканд и Бухара (современный Узбекистан) также стали домом для христианских общин за тысячелетие перед

тем, как христианство добралось до Америки» [7, с. 87]. Любопытно, что китайский путешественник, посетивший Самарканд в том же VI в., обнаружил, что местные жители знакомы с буддизмом, но относятся к этой религии без какого-либо пиетета и не позволяют строить в черте города буддийские святилища [7, с. 94]. Распространение ислама в Согдиане омрачилось военным фактором: арабский полководец Кутейба ибн Муслим в 709 г. взял штурмом Бухару и Самарканд и попытался сделать их жителей мусульманами, используя метод «кну-та и пряника». В частности, за критику ислама арабы строго наказывали согдийцев, но всякому, кто соглашался заглянуть в недавно построенную мечеть и послушать пятничную проповедь, по приказу Кутейбы платили два дирхема [6, с. 26].

Говоря о приходе ислама в Центральную Азию, мы упомянули военно-политический фактор межкультурного взаимодействия Согдианы с внешним миром. Необходимо хотя бы поверхностно оценить его роль во всей истории Бухары и Самарканда вообще. Ведь не секрет, что экспансивные общества, стремящиеся навязать своё господство соседям, проходят иной исторический путь, нежели общества, стремящиеся к изоляции. Казалось бы, такие торговые центры, как Бухара, в принципе не могут существовать без широких и всесторонних отношений с окружающим их социально-политическим миром. Ведь международная торговля по самой своей сути предполагает расширение рынка. Согдийские купцы действительно создавали свои представительства в самых отдалённых регионах и были частыми гостями как в Индии, так и в Поволжье. Однако правители Бухары и Самарканда ещё на заре истории этих городов научились дифференцировать друг от друга экономическую экспансию, политическую агрессию и религиозный прозелитизм. Ни в древности, ни в раннее Средневековье согдийцы не стремились к завоеванию соседей, ограничиваясь обороной от набегов степняков. Масштабные вторжения, предпринимаемые в Среднюю Азию древними персами и греками, приводили к тому, что бухарцы и самаркандцы признавали себя вассалами того или иного монарха, но сохраняли широкую внутреннюю автономию. Так, формально Согдиана была частью монархии Ахеменидов и Греко-Бактрийского царства, но реально ни персы, ни греки никогда ею не владели. Персидские шахи из династии Сасанидов

признали реальность такого положения дел и отказались защищать согдийские города от кочевников. В частности, в 395 г. персидское царство и Римская империя совместно начали масштабный строительный проект с целью защитить обе державы от набегов из евразийской степи. Цепь крепостей перекрыла горные проходы Кавказа и оградила Мервский оазис, чтобы не допустить вторжения номадов в Гилян [7, с. 76-77]. Однако персидский шах даже не попытался укрепить города Согдианы, входившие в состав его монархии лишь формально. Спустя три века уже знакомый нам арабский полководец Кутейба ибн Муслим своевременно понял, что установление в Согдиане власти халифата может быть только иллюзорным, и предпочёл сделать своим союзником, а затем и вассалом бухарского правителя Тугшаду. Примечательно, что в те моменты, когда арабы начинали требовать беспрекословного повиновения, Тугшада обращался за помощью в Китай и изъявлял желание стать вассалом императора. Поэтому дальновидный Кутейба предпочёл не оказывать на бухарского правителя излишнего давления и даже не настаивал на переходе местного монарха в ислам. В частности, американский историк Р. Фрай полагает, что Тугшада оставался зороастрийцем до конца своих дней [6, с. 31]. Средневековая история продемонстрировала, что Бухара и Самарканд являются центрами торговли и образования и не претендуют на ведущую политическую роль в регионе. Война – враг торговли, и поэтому местное купечество предпочитало избегать военной конфронтации с кем-либо. В частности, даже во время нашествия монголов в Среднюю Азию (1216-1221 гг.) жители Бухары и Самарканда стремились достичь компромисса со степняками.

Однако считать Согдиану лишь очагом коммерции, таким как Вавилон или Нью-Йорк, будет всё же несправедливо. В частности, в Средние века в Бухаре сложилась оригинальная философско-литературная школа, представители которой отличались широтой взглядов и подчеркнута оптимистичным отношением к любым проблемам. В частности, всем им был чужд религиозный ригоризм. Хорошими примерами представителей бухарской литературной традиции являются поэт Омар Хайям Нишапури (1048-1131 гг.) и персидский визирь Низам аль-Мульк (1018-1092 гг.). Если гедонистическая, эпикурейская поэзия Хайяма в наши дни известна каждому, то

о литературно-философском творчестве Низама аль-Мулька вспоминают не всегда. А ведь, помимо фактического регентства при юном султানে Малик-шахе, визирь нашёл время для написания объемного и интересного трактата об управлении государством, именуемого «Сиасет-наме» («Книга о правлении»). Если исключить специфику восточного стиля, то «Сиасет-наме» больше похожа на «Государь» Николо Макиавелли, нежели на настольную книгу философа-богослова [4, с. 192]. Интересно, что даже после монгольского завоевания, когда Средняя Азия на несколько веков оказалась под прочным степным влиянием, мыслители и правители Бухары и Самарканда не прекращали попыток осмыслить новый политический опыт. Особенностью господства кочевников было полное отсутствие каких-либо фундаментальных идей и принципов, которые номады могли бы навязывать побеждённым оседлым земледельцам. Именно поэтому в течение всего лишь полутора столетий монголы практически без следа ассимилировались в завоеванных ими Персии и Китае. Однако бухарские купцы, нередко посещавшие татарские ханства Поволжья, сохраняли память о Чингисхане, а самаркандские аристократы пытались найти в поведении степного завоевателя какие-нибудь черты, объясняющие его военно-политические успехи. В частности, в начале XVI в. андижанский принц-изгнанник, основатель Империи Великих Моголов Захир-ад-дин Бабур (1483-1530 гг.) вспоминал: «Прежде наши отцы и родичи тщательно соблюдали устав Чингиза. В собрании, в диване, на свадьбах, за едой, сидя и вставая, они ничего не делали вопреки уставу. Устав Чингиз хана не есть непреложное предписание бога, которому человек обязательно должен был бы следовать; кто бы ни оставил после себя хороший обычай, этому обычаю надлежит подражать, а если отец совершил дурное дело, его должно заменить хорошим делом» [1, с. 219]. Возможно, именно эта свойственная жителям культурного перекрёстка восприимчивость и позволила Бабуру прочно обосноваться в многонациональной и поликонфессиональной Индии, чего до него не смог сделать ни один из мусульманских султанов.

Новое время, наступившее после Великих географических открытий, едва не подвело под исторической жизнью Бухары и Самарканда финальную черту. Ведь оседлавшие океанские торговые пути западные европейцы взяли международную

торговлю в свои руки. В частности, согдийский караван в Китай больше не имел смысла, так как там бухарцев встречали португальцы и сменившие последних в XIX в. англичане. Торговый вояж в Александрию или Дамаск также не обещал прибыли, потому что там процветали венецианские, а потом и французские фирмы. Товары на обоих краях Евразии оказались одинаковыми, потому что производились из американского сырья на европейских предприятиях. Великий Шёлковый путь, тысячелетие обеспечивавший процветание Средней Азии, потерял своё значение. Попытки местных купцов компенсировать убытки за счёт торговли с Россией, долгое время не имевшей выходов к морю, приносили лишь очень ограниченную выгоду. В частности, на рубеже XVII-XVIII вв. в Тобольске вели дела несколько десятков бухарских негодантов [2, с. 309], но их доходы были несравнимы с теми, которые некогда приносили караваны в Левант и Китай. Если учесть, что Бухара и Самарканд, долгое время бывшие коммерческим сердцем Евразии, затем попали в положение всемирной окраины на несколько столетий, то остаётся лишь удивляться тому, что эти города, потеряв своё экономическое значение, не были присоединены Персией или Китаем.

Однако в середине XIX в. для Средней Азии началась новая жизнь, связанная с таким досадным историческим процессом как Большая игра. Разведки Великобритании и России соревновались между собой за возможность превратить нищие, лишившиеся какого-либо влияния Бухарский эмират и Хивинское ханство в своих сателлитов. Ни англичане, ни русские не собирались грабить или завоёвывать этот край: слишком уж далеко он находился от сибирских губерний России и индийских колоний Англии. Единственная ценность, которую представлял этот регион для колониальных держав, заключалась в возможности говорить о нём как о своей потенциальной военной базе на возможных дипломатических переговорах. Последовавшие во второй половине XIX в. аннексия Россией Кокандского ханства и установление её протектората над Бухарой и Хивой расценивались мировым сообществом как жест слабости. Ведь Шёлкового пути, с которого можно было получать прибыль, больше не существовало, а оккупировать далёкие от метрополии регионы со средневековым сельским хозяйством казалось просто глупо. Однако именно этот рос-

сийский политический шаг позволил Бухаре и Самарканду снова выйти на магистральное направление мировой истории. Британский историк П. Франкопан удачно отметил: «Россия создавала свой собственный Шёлковый путь. Строительство Транссибирской магистрали и её соединение с Китайской восточной железной дорогой привели к быстрому развитию торговли, объёмы которой колебались между 1895 и 1914 гг.» [7, с. 402]. Долгое строительство Закаспийской железной дороги (1880-1899 гг.) могло показаться дорогостоящей причудой петербургского двора, однако этот путь прочно связал Кушку, Мерв, Самарканд и Ташкент, сделав для всех этих городов одинаково доступными Оренбург и Москву. Шёлковый путь с востока на запад ушёл в прошлое, но ему на смену пришла железная дорога, ведущая с юга на север. И, как показала историческая практика, в XX в. потомки согдийских караванщиков снова участвовали в важнейших событиях мировой истории – таких как русская революция (1917 г.) и Вторая мировая война (1939-1945 гг.). Подобно тому, как в Средние века восточная философия обогатилась именами Низама аль-Мулька и Омара Хайяма, в XX в. советский кинематограф познакомился с творчеством актёров, сценаристов и режиссёров родом из Бухары и Самарканда (аналогом средневековой бухарской литературной школы можно считать студию «Узбекфильм»). В наши дни узбекский предприниматель или рабочий – такой же частый и желанный гость в русских городах, каким в Средние века был бухарский торговец на рынках Лояна и Дамаска.

Итак, мы совершили краткий экскурс в культурную историю Согдианы, сделав акцент на положении дел в Самарканде и Бухаре. Какие особенности данного культурного перекрёстка мы могли бы выделить? Во-первых, это открытость для контакта с любыми духовными культурами – от зороастризма до ислама, а также готовность творчески перерабатывать усвоенное, как это продемонстрировала средневековая бухарская литературно-философская школа. Во-вторых, важной чертой общества, расположенного на культурном перекрёстке, является относительно слабая государственность, выражающаяся в отказе от политической экспансии и формальной готовности признавать над собой чей угодно суверенитет. Следует задать вопрос, на который мы не можем ответить в рамках данной статьи: являются ли эти особенности присущими любому

культурному перекрёстку или характерны только для Согдианы? В поисках ответа следовало бы сравнить среднеазиатские Бухару и Самарканд с Вавилоном и Багдадом в Месопотамии и Шикаланго в Месоамерике, но это – подходящая тема для другого исследования.

Список литературы

1. Бабур-наме. Записки Бабура / Под ред. С.А. Азимджановой. – Ташкент: Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1958. – 529 с.
2. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников / П.Н. Буцинский. – М. : Вече, 2012. – 320 с.
3. Попов А.А. Греко-бактрийское царство / А.А. Попов. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – 240 с.
4. Сулимов С.И. Культурология : учеб. для студентов негуманитарных факультетов / Сулимов С.И., Черниговских И.В., Черных В.Д. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. – 364 с.
5. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / А. Дж. Тойнби. – М.: АСТ, 2011. – 318 с.
6. Фрай Р.Л. Бухара в Средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры / Р. Л. Фрай. – М. : Центрполиграф, 2016. – 223 с.
7. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий / П. Франкопан. – М. : Эксмо, 2019. – 864 с.

© Сулимов С.И., 2022

Долгий 19 век в истории Центральной Азии

Борискин Владимир Эдуардович
Студент, 3 курса бакалавриата
Московский Государственный Университет
М.В. Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия
w.bohrerman@yandex.ru

ЗАПИСКИ ИЗ ЭКСПЕДИЦИИ КАПИТАНА ПУТЯТА О ПАМИРЕ

Аннотация: Памир является уникальным регионом с точки зрения населения, культуры, религии, полезных ископаемых и исследовательского потенциала. Кроме этого, Памир является мостом, через который происходило распространение и обмен культурных, научных и религиозных идей между странами Востока и Запада. Именно из-за своего стратегического положения произошло объединение многих культур, цивилизаций и религий, и все они в разной степени повлияли на современный вид этого региона. В данной работе будут рассматриваться записки отечественных и западных исследователей Памира, а именно — вклад экспедиции капитана Путята.

Ключевые слова: Таджикистан, ГБАО, Памир, капитан Путята

Abstract: Pamir is a unique region in terms of population, culture, religion, minerals and research potential. In addition, the Pamirs are a bridge through which the dissemination and exchange of cultural, scientific and religious ideas between the countries of East and West took place. It is because of its strategic position that many cultures, civilizations and religions came together, and all of them, to varying degrees, influenced the modern look of this region. This paper will consider the notes of domestic and Western researchers of the Pamirs, namely, the contribution of the expedition of Captain Putyata.

Keywords: Tajikistan, GBAO, Pamir, Captain Putyata

В записках капитана Путята можно найти подробную информацию про Вахан. Так он пишет, что число жителей не превосходит 1,700 человек, они большие поклонники русских, и у них полукочевая культура. Они возделывают пшеницу, ячмень, горох, бобы, редко репу и табак, но все исключительно только для собственного потребления. Землю они засеивают в апреле, а собирают урожай в августе. Земледельческими орудиями служат грубый плуг и серп местного изготовления. Уборкой полей занимаются больше женщины, они выполняют также все домашние работы и занимаются пряжей. Мужчины же охотятся и следят за скотом. Домашний скот составляют: кутасы, коровы, быки, бараны, лошади и ишаки, и именно стада образуют главное богатство жителей. Рогатый скот очень крупный, бараны мелкорослые, курдючные с шерстью, доставляющею прекрасный материал для выделки тканей. Лошади напоминают бадахшанскую породу, но их очень мало в стране. Как отмечает Путята, «Вахане их весьма искусно умеют вьючить» [1].

Как было сказано выше, ваханцы ведут полукочевой образ жизни, поэтому часть населения отправляется в июне месяце в джейлау (летние пастбища для пастьбы скота) и остаются там до августа, помещаясь в земляных мазанках (у них не было Юрт вследствие крайней бедности).

Говоря про растения, Путята пишет, что в Вахане растут такие деревья, как тал, береза, орча колючий кустарник с красными ягодами, называемый хужгак, и урюк. Деревья в незначительном числе окружают каждый кишлак и встречаются в боковых ущельях гор.

Также он подробно описывает внешний вид ваханцев. Он пишет, что они напоминают таджиков. Они имеют свое особое наречие, но большинство хорошо понимает по-персидски. Путята отмечает также их красоту «Они красивы и имеют правильные черты лица». Рост у мужчины выше среднего, и они искусные стрелки. Они воинственны, хитры, алчные до денег, но предпочитают им подарки, большие попрошайки, любопытны, болтливы, любят прихвастнуть своими достоинствами, гостеприимство не развито у них. В прежние годы ваханцы занимались грабежом кочевых киргизов. Многие не бреют головы, носят и усы, короткие вьющиеся баки и бороду.

Одеваются они в халат из грубой шерстяной ткани домашней выделки, рубашку из маты, широкие шаровары из того же материала и кожаные калоши. Голову часто, за неимением тубейки, повязывают платком [1].

Также он пишет, что ваханцы большие любители соколиной охоты. Каждый зажиточный ваханец имеет ручного сокола, которого почти не спускает с руки [1].

Еще Путята описывает внешний вид женщин, он пишет, что они имеют нежные черты, смуглый цвет лица и красивы, но исполняя вместе с мужчинами все грубые домашние работы, рано стареют и в зрелом возрасте получают болезненный вид. Вопреки обычаям востока, они ходят открыто и держат себя в мужском обществе совершенно свободно. Женщины носят шаровары и рубаху, подпоясываемую платком, на голову надевают круглую шапочку или повязываются куском маты. Обувь не отличается от мужской, но в большинстве случаев они ходят босыми, волосы носят распущенными или заплетают в две косы [1].

Кроме этого, Путята пишет про уникальные черты ваханского народа, например, он говорит, что «Мусульманский закон позволяет иметь по нескольку жен, но в Вахане это не в обычае. Только хан и казий имеют по две жены, все прочие жители имеют по одной. Это обыкновение в связи с открытой жизнью женщин составляют причину прочности семейных уз». Также он отмечает, что в Вахане очень мало грамотных людей, и что даже кази второе лицо после хана, не умеет ни читать, ни писать. Еще Путята пишет про оригинальную манеру приветствования «Младший целует руку у старшего, последний делает вид, что отвечает тем же, посылая поцелуй в воздух или прикладывая к губам свою же руку. У некоторых этот жест выходит свободно и с некоторою грациозностью. Равные между собой прикладывают при встрече кулак или два пальца ко лбу». И их правитель считал себя потомком Александра Македонского [1].

Путята также подробно описывает и Шугнанское ханство. Он пишет, что их численность примерно 28 тысяч людей, и в случае военной угрозы на защиту страны может встать примерно 7 тысяч человек, которые будут вооружены саблями и фитильными ружьями. Кроме этого, Путята описывает внешний вид шугнанцев, отмечая, что они очень схожи с ваханца-

ми: «По наружному виду Шугнанцы, как кажется, мало чем отличаются от жителей Вахана; они выше среднего роста, плотно сложены, волосы бреют, оставляя пучки на висках; женщины красивы и ходят открыто» [1].

Также он подробно описывает сельское хозяйство в Шугнанах: почти повсеместно разводят пшеницу, ячмень, горох, бобы, лен и в некоторых местах клевер и табак, а также разводят также дыни и арбузы, но они плохого качества. Из древесных пород произрастают тополь, береза, тал, в более низких местах яблоня, груша, вишни, черешни, урюк, тут, персики и айва. Скотоводство развито слабо, и они разводят только баран и коз. В этой отрасли хозяйства Шугнан уступает Вахану, но превосходит последний в земледелии и садоводстве. Еще Путята отмечает, что у них не было своего базара до оккупации региона афганцами [1].

Еще Путята пишет, что «Все жители Шугнана и Рушана, от мала до велика объясняют Вам, что афганцы хотят нас себе подчинить, но мы желаем отдаться русским. Афганцы боятся русских, как лошадь тигра. Если по Гунтской дороге направится сотня или тысяча русских, мы афганцев прогоним. Попросите прислать войска, пожалуйста, пожалуйста!!» [1]. Данная цитата еще раз подтверждает, что на Памире были прорусские настроения, и памирцы хотели, чтобы там присутствовали русские войска.

Кроме этого, Путята описал и состояние путей в Шугнанах, так он пишет, что «Дороги ведут по карнизам гор, образующих долины, и руслам рек, часто переходя с одного берега на другой... На этой дороге участки у Когиз-Парина и Дербента очень трудны. На восток от Мамар-курмана ведет вверх по Мургабу путь в Сарез. О трудности этого пути можно судить по тому, что расстояние в 100 в. от Мамар-курмана до Таш-курмана может быть пройдено с вьюками не менее, чем в 9 дней; зимою следование по замерзшей реке или обмелевшему руслу несравненно удобнее» [1]. Так, через Памир было бы сложно переправлять большую армию, особенно с фуражом и артиллерией.

Таким образом, невозможно представить многовековую историю Бадахшана и Памира без сведений из экспедиции капитана Путяты. Однако данный исследователь является частью плеяды великих русских исследователей и путешествен-

ников. Так, благодаря их неустанным научным изысканиям ученый мир получил различные возможности для ознакомления с историей памирцев. Они по праву открыли путь для более фундаментальных исследований по истории таджикского народа в целом, и памирцев в особенности.

Список литературы

1. Очерк экспедиции г.-ш. капитана Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г. [сайт]. Восточная Литература – библиотека текстов средневековья [Электронный ресурс] // URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Putjata_D_V/text2.htm (дата обращения 06.05.2022).

© Борискин В.Э., 2022

Габриэлян Софья Ивановна
к.и.н., доцент Национального университет Узбекистана,
gabsofya@yandex.ru

Gabrielyan Sofya Ivanovna
PhD, associate professor of National University
of Uzbekistan
gabsofya@yandex.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» ЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ КОНЦЕССИИ В ПЕРСИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

THE GEOPOLITICAL ASPECT OF THE “BIG GAME” FOR RAILWAY CONCESSIONS IN PERSIA AND CENTRAL ASIA

Аннотация: XXI век – век столкновения цивилизаций, век нового оборота геополитических и геоэкономических интересов. «Большая игра» крупных европейских государств, начатая в XIX веке, находит свое новое воплощение в наши дни. Средний Восток, Персия, государства Центральной Азии становились объектами активной колониальной борьбы. В статье раскрывается экономическое и политическое соперничество Англии и России в Персии за важные железнодорожные концессии, которые стали бы источником огромных прибылей и влияния на шахское правительство. Показана огромная дипломатическая борьба, приведшая к тому, что железнодорожное строительство в Персии было вообще заморожено на долгие годы.

Ключевые слова: железнодорожные конвенции; Персия; Англия; Россия; Центральная Азия; англо-русское соперничество; «Большая игра»; иранский шах; дипломатическая борьба; трансиранианская железная дорога.

Abstract: XXI century is the century of the clash of civilizations, the century of a new turn of geopolitical and geo-economic interests. The

“big game” of major European states, begun in the XIX century, finds its new incarnation today. The Middle East, Persia, and the states of Central Asia became objects of active colonial struggle. The article reveals the economic and political rivalry between England and Russia in Persia for important railway concessions, which would become a source of huge profits and influence on the Shah’s government. It shows a huge diplomatic struggle that led to the fact that railway construction in Persia was generally frozen for many years.

Keywords: railway conventions; Persia; England; Russia; Central Asia; Anglo-Russian rivalry; “ Big game”; Iranian Shah; diplomatic struggle; trans - iranian railway.

XIX век – век активной борьбы крупных европейских государств за концессии и монополии на Востоке. В этой борьбе скрущивались интересы Англии и России. И русская дипломатия предпринимала шаги с целью перекрыть англичанам доступ в Иран и Среднюю Азию. Так, одним из этапов борьбы между Англией и Россией была борьба за концессии на строительство шоссейных и железных дорог в Иране, которое тесным образом связывалось с проблемами внутренней и внешней политики государства, имело большое экономическое и стратегическое значение.

Россия и Великобритания стараются посредством влияния на шаха и его министров получить в свои руки концессионные договора.

Вопрос о строительстве железных дорог в Иране был поднят на более высокий уровень с появлением британского финансиста Юлиуса Рейтера, основателя телеграфного агенства. Рейтер вступил в переговоры с Мохсен-ханом Моин оль-Мольком относительно железнодорожной концессии, обещав ему свое покровительство. Шах Ирана Наср-эд-Дин во время своего путешествия в Англию принял Рейтера и обещал всячески содействовать осуществлению проекта [5, с. 5].

После длительных переговоров концессия была подписана 25 июля 1879 г. сроком на 70 лет [6, с. 119]. По условиям которой Рейтеру предоставлялось право строить железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря на земле, полученной бесплатно, с помощью материалов, свободных от обложения. Кроме этого, Рейтеру было разрешено строить

ответвления для соединения дороги с различными городами и провинциями страны или железными дорогами других государств. Ему также разрешалось строительство шоссейных дорог по всему Ирану. Рейтер получил право на разработку месторождений угля, железа, нефти, свинца, меди и др. природных богатств страны (исключая только золото, серебро и драгоценные камни), право на эксплуатацию правительственных лесов. Концессионеру предоставлялось «исключительное право» на осуществление на всей территории страны оросительных работ, включая «изменение течения рек», устройство платин, колодцев, каналов и водоемов. Рейтер мог свободно распоряжаться всеми землями, которые станут пригодными для земледелия, благодаря подведенной к ним воде. Он же должен установить «продажную цену воды» – правда, с согласия правительства. «Вопросы ирригации являются, как известно, жизненно важными на Востоке. Власть, передаваемая таким образом в руки английских капиталистов, неизбежно будет огромной», – так, комментировали эту статью концессионного договора в российском МИДе [8, с. 79].

Другие статьи соглашения разрешали концессионеру создание банка, строительство газовых и иных заводов, мельниц, благоустройство столицы Ирана. Рейтер получил в полное распоряжение почту, телеграф, шоссе. Ему передавалось управление таможнями на 25 лет (начиная с 1874 г.). Шахское правительство обязывалось гарантировать ежегодно 5% дохода на сделанные займы и 2% на их погашение. Все эти права и привилегии предоставлялись Ю.Рейтеру при условии отчисления в пользу правительства только 15% прибыли в течение первых 5 лет. В дальнейшем иранское правительство должно было получать 20% доходов от железных дорог; 15% – от других предприятий и 60% с таможен. Оно обязалось всемерно помогать Рейтеру в осуществлении полученной концессии [3, с. 26].

О такой концессии можно было только мечтать. Однако, осуществление концессии требовало огромных средств, и Рейтер не мог предоставить их лично. Акции, которые были им выпущены в Англии, успеха не имели. Оставалось единственное средство – поддержка концессии со стороны лондонского кабинета, и она не заставила себя долго ждать. Для Великобритании появилась прекрасная возможность «мирными средствами» осуществить захват страны.

Позиция политичеких кругов Великобритании была выражена лордом Карнарвон. Он указывал на ухудшение год от года материального положения Персии, на упадок ее экономики и утверждал, что единственная возможность все исправить будет только тогда, когда Англия получит в свое распоряжение иранские земли. Однако английское правительство не торопилось с ответом. Оно прекрасно понимало, что деловые люди Англии не дадут денег без твердой гарантии их сохранности и уверенности в постоянных прибылях. И только последующие события заставили лондонский кабинет выработать более четкий взгляд на данную концессию.

А в политическом плане события разворачивались следующим образом. В мае 1873 г. русские войска занимают Хиву, что позволило России утвердиться на нижнем течении Амударьи и занять прочные позиции как по направлению к Герату, Кабулу, Кандагару, так и на Мешхед, Тегеран и к Персидскому заливу.

Все это принял во внимание либеральный кабинет, когда решил отказаться от поддержки проекта Ю. Рейтера. Перед Гладстоном встала дилемма: либо поддержать Рейтера и разорвать добрые отношения с Россией, либо отказать в поддержке концессии и сохранить хорошие отношения с царской Россией. И Гладстон выбрал второй вариант. Он слишком дорожил достигнутым с Россией соглашением 1872 – 1873 гг. по Средней Азии, [9, с. 79] чтобы рисковать им, так как любой конфликт в Персии мог отразиться на его осуществлении. Данное соглашение дало Англии свободу действий южнее Амударьи и утвердило, что Афганистан находится в сфере британского влияния. А этим У. Гладстон поступиться не мог, даже ради сказочных прибылей по концессии Рейтера.

Глава Форин Оффиса Великобритании лорд Гренвилл, выступая в Палате Общин отмечал, что «мы желаем барону Рейтеру и его друзьям успеха, но дальше этого не пойдём ни на шаг» [7, р. 18]. Правительство отказалось даже от «моральной поддержки».

Такова была реакция в Великобритании. Лорд Гренвилл справедливо опасался бурной реакции России на подписание рейтеровской концессии. Из России к Наср-эд-Дин-шаху были отправлены послания императора Александра II, МИДа и посланника в Тегеране с ультимативными требованиями отмены концессии.

Весной 1873 г. шах отправился в путешествие по Европе и в мае посетил Санкт-Петербург. Здесь русский канцлер А. М. Горчаков заявил, что российское правительство было поражено статьями концессионного договора (к тому времени уже ратифицированного шахом) [8, с. 80]. Горчаков сказал шаху, что этот акт скомпрометировал его авторитет и достоинство. И русскому правительству трудно понять, как шах согласился подписать такой договор. Шах недвусмысленно указали на осложнения, которые возникнут у него с Россией в случае сохранения концессии в силе.

Шах был потрясен. Канцлер сумел его сильно напугать. Царский министр смог добиться обещания Наср-эд-Дин-шаха расторгнуть договор с Ю.Рейтером. И шах сделал это. В концессии существовала оговорка, что если Рейтер не приступит к работе по строительству железной дороги в 15-месячный срок, то контракт может быть расторгнут. Ввиду того, что Рейтер не мог предоставить большие капиталы лично, а акции успеха не имели, концессионер смог провести лишь небольшие работы - возвести земельную насыпь, протяженностью в 2 км.

23 октября 1873 г. Премьер-министр Персии садр-азам Мирза Хуссейн-хан по просьбе главы государства известил Рейтера о расторжении концессии. И 28 октября новость о ликвидации весьма непопулярного договора была объявлена народу через газету «Иран» [8, с. 81]. Шах сообщил русскому послу, что он отказался перенести срок начала работ. «Рейтер не выполнил обещания, – заявил шах, – и я аннулирую контракт и прошу телеграфировать князю Горчакову, что я выполнил свое обещание и надеюсь, что он со своей стороны будет содействовать поддержанию дружбы и хороших отношений между Россией и Персией» [8, с. 81].

Однако Юлиус Рейтер опротестовал расторжение и потребовал уплаты компенсации, опираясь на поддержку английской миссии в Тегеране. Также он обращается за помощью к Германии, чтобы реализовать договор. Пытаясь заинтересовать немцев, Рейтер во время встречи с Отто фон Бисмарком предложил совместно экономически эксплуатировать Иран. Но и тут его ждала неудача. Германский канцлер отказался, так как не хотел портить отношения с Россией, занявшей непримиримую позицию по поводу рейтеровской концессии [8, с. 36].

Провалу концессии в большей мере содействовали и затруднения, которые Рейтер встретил в финансировании столь удачно задуманного предприятия. Все его попытки получить необходимые деньги были крайне безуспешными. Промышленный подъем и грюндеровская горячка, охватившая почти всю Европу в начале 70-х годов XIX в., пошла на убыль. В Германии и Австро-Венгрии в 1873 г. разразился экономический кризис, в Англии чувствовалось его приближение.

Теперь царское правительство и решило взять инициативу в свои руки. Вначале оно поддержало железнодорожный проект генерал-майора Фолькенгагена, русского военного инженера, строившего дороги в Грузии. В докладе канцлеру, министру иностранных дел России А. М. Горчакову от 14 мая 1873 г. Фолькенгаген предлагал «безотлагательно ходатайствовать у персидского правительства концессию для русской компании на сооружение железной дороги от одного из пунктов нашей границы до Табриза» [4, с. 129].

Данный проект был поддержан МИДом России. Горчаков в связи с ним выдвигал ряд договоров, информируя Александра II. Во-первых, эта дорога соединит Табриз – главный торговый центр Персии – со всем Азербайджаном, с русскими железными дорогами и тем самым подчинит его России. Во-вторых, данная дорога станет основной для Персии, все линии по ее территории должны будут примкнуть к уже построенной Табриз-Тифлисской дороге, протяженностью в 200 верст. Ее строительство будет гарантией для строительства Англией аналогичных дорог через Турцию. И, в-третьих, весь европейско-азиатский транзит должен будет направляться этим путем и тем самым усилит значение деятельности Поти-Тифлисской железной дороги [1, л. 86].

20 декабря 1873 г. было созвано особое совещание с участием канцлера, военного министра, министров путей сообщения и финансов. Было принято решение одобрить проект Фолькенгагена и принять срочные меры к его осуществлению. Горчаков 25 декабря 1873 г. в телеграмме русскому послу в Тегеране Бегеру поручает «обработать» шаха, то есть «доверительно» передать Наср-эд-Дин-шаху о расположении России строить железную дорогу от Тифлиса к Араксу и, при желании шаха, готовности российского правительства помочь ему в строительстве железной дороги до Табриза [1, л. 108].

6 апреля 1874 г. Александром II был подписан окончательный вариант русской концессии. По этому соглашению иранский шах обязывался предоставить земельный участок под строительство дороги от Табриза до Аракса. Строительной компании предоставлялось право провести телеграф вдоль всей дороги. Уставной капитал компании составлял около 3 млн. 440 тыс. червонцев и собирался распространением акций. Шах, со своей стороны, гарантировал 6,5% чистого дохода, что составляло 223 тыс. червонцев. Эти средства должны были взиматься с иранской таможни в Табризе, которая превращалась в международную. Далее они переводились в Джульфу или в другой пункт, где соединялись русская и персидская части дороги. Право пользоваться железной дорогой предоставлялось компании сроком на 44 года со дня открытия движения. Ни для кого не было уже секретом, что эта концессия была чисто правительственным мероприятием. По заранее оговоренным условиям, по получении концессии Фолькенгаген тотчас же передавал все права и обязательства русскому правительству, которое брало на себя все расходы по составлению смет, разработке проектов и т.п. Правительство приобрело все бумаги, составляющие акционерный капитал.

Однако на этом англо-русская борьба за Персию не закончилась. Хотя иранское правительство и аннулировало договор с Ю. Рейтером, сам автор не хотел мириться с поражением. Он разрешил правительству Ирана забрать залог в 40 тыс. ф.ст., но условий концессии, подписанных шахом, возвращать не собирался. Личный представитель Рейтера Коллинс остался в Тегеране и продолжал добиваться принятия Наср-эд-Дин-шахом концессии.

Встает вопрос: какую же тактику в такой ситуации использует шах? Он пытается играть на англо-русских противоречиях. Выторговывая более выгодные условия. Английский посол намекает Наср-эд-Дин-шаху, что было бы лучшим для шаха оказать содействие Рейтеру, а не русским. Началась игра. Шах поручает иранскому послу в Петербурге устно заявить, что он сможет начать переговоры о табризской железной дороге только после того, как окончательно расстанется с Рейтером.

В конце октября 1874 г. шах все же выразил свое согласие на концессию генерала Фолькенгагена. И так, в 1887 г. вопреки интересам экономического развития государства, шахское

правительство под давлением российской дипломатии дало обязательство не разрешать строить железных дорог и водных путей без предварительного совещания с российским правительством. Но Наср-эд-Дин-шах нарушил данное им обещание и в 1888 г. разрешил судоходство по р. Карун всем иностранным судам. По этой причине правительство России потребовало подписать новое русско-иранское соглашение, которое и было подписано в 1890 г. Оно подразумевало нестроительство железных дорог в Иране в течение 10 лет, а в 1900 г. оно было продлено еще на 10 лет [4, с. 132].

Для его заключения были использованы различные механизмы нажима на иранское правительство. Англия тоже поддержала данное соглашение. И это не случайно, ибо англичане были заинтересованы в строительстве железных дорог в Иране с целью его экономического и политического закабаления, но для них было важнее, чтобы не существовало никакого железнодорожного пути в Индию, который мог бы быть захвачен во время войны с Россией или другой державой. Когда впервые был поднят вопрос о строительстве так называемой «трансиранской железной дороги» (по концессии Рейтера), Палата Общин Великобритании высказалась отрицательно по этому проекту. Хотя было мнение о возможности строительства лишь небольших дорог местного значения. По этой причине лондонский кабинет и не возражал против русско-иранского соглашения. Это был своего рода сговор двух великих держав, последствия которого сказывались на экономическом, политическом и культурном развитии Ирана еще в течении многих десятилетий. Строительство железных дорог фактически было заморожено почти на 30 лет.

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить следующее: в данный момент борьба между Англией и Россией временно прекратилась. У Англии не хватило решимости привести в действие проект Юлиуса Рейтера, у России – отсутствовали деньги на претворение фолькенгагенского. В последующие годы эта борьба разгорелась с еще большей силой.

Данная концессия имела некоторые изъяны, которые впоследствии сыграли бы на руку России. Такой точки зрения придерживались такие британские «азиатские политики» как полковник Бейкер. Выступая с докладом по поводу судьбы железных дорог в Иране и о концессии Рейтера, в том числе,

он утверждал, что главным недостатком этого проекта является его близость к Каспийскому морю. Проектируемая дорога должна была проходить по следующим маршрутам: Решт-Тегеран-Исфаган-Бушир, предусматривались ответвления от Решта до Табриза. Открытие нефти в районе Баку предоставляли возможность для развития флота. Однако из двух наиболее удобных для судоходства заливов – Ашураде и Решт, Россия уже заняла Ашураде, а в другом тоже находились русские купцы. Следует отметить, что Каспийское море фактически было превращено Россией во внутреннее море, и это обстоятельство не могло не обусловить господствующее положение России в северном Иране. Отсюда следует, что рейтеровский проект давал прекрасную возможность утвердить влияние России, а не Англии в Табризе, куда предполагалось вести ответвления от Решта.

Но было еще одно обстоятельство, которое придавало особую значимость проекту – английский телеграф должен был проходить вдоль линий железной дороги. Строительство телеграфных станций в Иране предусматривалось как важные опорные пункты англичан в развитии английской торговли, усиление военного присутствия и, естественно, расширения политического влияния Великобритании в соответствующих округах, где они располагались. Вот что отмечает в своем дневнике русский путешественник Н.А. Зарудный, который посетил в 1901-1902 гг. телеграфную станцию в Чахбаре, на берегу Персидского залива. «Эта станция, – писал путешественник, – вместе с относящимися к ней постройками составляет отдельную колонию, лежавшую в полуцарстве от порта и соединенную с ней посредством хорошей... дороги, проведенной через пески. Она имеет собственный колодезь, из которого ведет водопровод. Станционное место обнесено проволочной оградой» [2, с. 35].

Все население, жившее в той местности, находилось фактически на службе у англичан. При телеграфной станции существовала своя метеорологическая станция, в обязанность которой входила и такая функция, как медицинская. «Порча телеграфа редка, – продолжает Зарудный, – так как ханы, землями которых он проведен, получают жалование и подарки за его сбережение» [2, с. 35]. Следовательно, и даже предводители племен, которые населяют эту территорию, стали плат-

ными служащими англичан. Поскольку подобных станций в Иране было довольно много, то не оставляет сомнений, какова была сила английского телеграфа. А в сочетании с ним железные дороги стали бы мощным средством воздействия на экономику, политику, культуру Ирана.

Необходимо отметить то обстоятельство, что какие бы концессии ни получали Великобритания или Россия в Иране, все они носили ярко выраженный политический характер – превратить страну в слабое, зависимое от воли европейских держав государство. Как Англия, так и Россия придерживались в этом регионе одинаковых целей геополитического господства в Азии, однако, методы их реализации были различны – от «дружественного совета» до прямого ультиматума.

Список литературы

1. Архив Внешней политики России, Ф. ГА 1-1, 1873, Д. 113.
2. Зарудный Н.А. Предварительный краткий отчет о поездке в Персию в 1901-1902 гг. – СПб., 1902. – 44 с.
3. Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX - начале XX в. – М.: Наука, 1981. – 192 с.
4. Очерки новой истории Ирана (XIX - начало XX в.). – М., 1978. – 203 с.
5. Павлович М.П. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. – М.: Коммунист, 1919. – 179 с.
6. Павлович М.П. Империализм и мировая политика последних десятилетий. Т.2. - М., Л.: Госиздат, 1925. – 256 с.
7. The Times. 1873. July 18.
8. Хвостов В.М. История дипломатии. Дипломатия в новое время (1872-1919). Т.2. - М.: Госполитиздат, 1963. – 399 с.
9. Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70 гг.) – Ташкент: Фан, 1969. – 454 с.

© Габриэльян С.И., 2022

Имашева Марина Маратовна
доктор исторических наук,
доцент кафедры Истории Татарстана
Казанский Федеральный университет, г. Казань, РФ
imaschewa@yandex.ru

Imasheva Marina M.
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of History of Tatarstan,
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russian Federation
imaschewa@yandex.ru

О КАРАВАННОЙ ТОРГОВЛЕ РОССИИ С ХИВОЙ ЧЕРЕЗ АСТРАХАНЬ В XIX ВЕКЕ

ON THE CARAVAN TRADE OF RUSSIA WITH KHIVA THROUGH ASTRAKHAN IN THE XIX CENTURY

Аннотация: В статье рассматривается процесс угасания российско-среднеазиатской караванной торговли через Астрахань в XIX веке. Дана характеристика объемов и ассортимента этой торговли, участию в ней купечества из Средней Азии. Изменение границ Российской империи в конце XVIII века, появление новых удобных торговых путей и центров русско-азиатской торговли привели к угасанию астраханского направления. Прежде всего, произошло прекращение караванной торговли между Астраханью и Хивой.

Ключевые слова: Внешняя торговля; Астрахань; Среднеазиатские ханства; Хива; караван; восточное купечество; торговые пути.

Abstract: The article deals with the process of extinction of the Russian-Central Asian caravan trade through Astrakhan in the XIX century. The characteristic of volumes and the range of this trade, participation in it merchants from Central Asia is given.

The change of the borders of the Russian Empire at the end of the XVIII century, the emergence of new convenient trade routes and centers of Russian-Asian trade led to the extinction of the Astrakhan direction. First of all, there was a cessation of caravan trade between Astrakhan and Khiva.

Keywords: Foreign trade; Astrakhan; Central Asian khanate; Khiva; caravan; Eastern merchants; trade routes.

В 1558 г., после завоевания Астраханского ханства войсками Ивана Грозного, в Нижнем течении Волги, был основан новый русский город со старым названием – Астрахань. До 70-х гг. XVIII века (когда Российская Империя обрела выход в Черное море) Астрахань была главным центром русско-азиатской торговли с государствами и территориями Азии, прежде всего среднеазиатскими и прилегающими к Каспийскому морю.

В течение нескольких столетий Волжско-Каспийский путь был основным путем обмена российских товаров на «произведения азиатской промышленности». В среднеазиатском и иранском хлопковом сырье нуждались российские хлопчатобумажные мануфактуры. Шерсть и продукты животноводства нужны были суконному и кожевенному производству. А готовые изделия российского производства, были востребованы на рынках Азии.

Основными агентами (можно сказать, что монополистами) российско-азиатской торговли через Астрахань были азиатские куцы: из ханств Средней Азии и из приграничных провинций Персии. В городе были основаны торговые колонии восточных купцов – Бухарский и Гилянский Гостиные дворы, были выстроены мечети, образовались мусульманские приходы. Российское правительство оказывало покровительство азиатским купцам, закрывая порой глаза на нарушение и торгового, и сословного законодательства.

Серьезные геополитические изменения второй половины XVIII века привели к смене правительственного курса. Обретение новых торговых путей и центров торговли с Азией (на Черноморском побережье и по Оренбургской таможенной линии) приводит астраханскую внешнюю торговлю к стремительному упадку уже в первой четверти XIX века.

На развитии (вернее упадке) торговли через Астрахань сказывались и перипетии международных отношений, и внутреннее состояние государств Средней Азии [25, с. 213]. Расширению торговли с Российской Империей препятствовали бесконечные раздоры, междоусобицы и войны [34, с. 23]. Во второй четверти XIX в. на территории Туркмении, кроме частых хивино-иранских войн из-за овладения туркменскими землями, шла также бесконечная борьба между Хивой и Бухарой, особенно усилившаяся с 1840-х гг. [24, с. 83] Ухудшение политических взаимоотношений между ними сказывалось и на развитии торговых отношений между среднеазиатскими ханствами, с одной стороны, и Россией, – с другой.

Тем не менее, торговля со Средней Азией через Астрахань в самом начале XIX века еще учитывалась чиновниками как перспективная. Как указывалось в одном из документов канцелярии астраханского гражданского губернатора в 1803 г., «коммерция в Астрахани иначе не может быть в цветущем состоянии, когда в особенности хивинцы и бухарцы в значительном количестве не будут наполнять оную своими произведениями» [14, л. 25].

В это время Астрахань привлекала среднеазиатских купцов тем, что, во-первых, здесь было много купцов, владевших капиталом и занимавшихся оптовой торговлей [3, л. 15]. И этим, местным, купцам можно было выгодно продать привезенные товары в короткие сроки оптом за наличные деньги. Во-вторых, в случае даже каких-либо затруднений в реализации своих товаров они могли отсюда переправить их на Нижегородскую ярмарку, вверх по Волге, где, в свою очередь, могли совершать торговые сделки.

Несмотря на то, что Гостиный двор в Астрахани, в котором была сосредоточена торговля среднеазиатского купечества, назывался Бухарским, подавляющее преимущество в торговле выходцев из Средней Азии принадлежало хивинским купцам.

В 1804 г. хивинские купцы практически самостоятельно осуществили все внешнеторговые Астрахани со Средней Азией, на их долю пришлось 99,5% отпуска и 99,8% привоза товаров, бухарцы участия в торговле в этом году не приняли, что перекликается с 1756 г., когда на долю хивинских купцов пришлось 99,9% привоза и 100% вывоза. Однако, уже в следующем, 1805, году хивинцы привезли лишь 62,5% и отвезли

88,5% товаров. Треть привоза (33%) пришлась на долю бухарцев. Такая же статистика характерна и для 1781 г. (61,3% в привозе у хивинцев, 33,1% у бухарцев; отвоз соответственно 63,4% и 35,9%) [32, с. 50]. В целом, в течение I половины XIX в. на долю хивинцев приходилось 80-90%.

Между тем, путь в Среднюю Азию был непростым и очень долгим. Он мог занимать до 5-6 месяцев в одну сторону. Туркменское побережье служило перевалочным пунктом для самых разнообразных товаров. Торговый путь через Оренбург и казахские степи был неудобен для русских, хивинских и бухарских купцов. Потому они предпочитали морской путь по Каспию из Астрахани на Мангышлак и далее караваном в Хиву. Перевозка товаров по Каспию была более выгодной, дешевой и наименее опасной [1, с. 242]. Караванный путь в Хиву через Мангышлак и Устьюрт считалась одним из удобнейших для движения от восточного берега моря, длина всего пути равнялась 1014 верстам» [8, с. 15; 7, с. 301-302].

Ежегодно с Мангышлака в Хиву, с привезенными из Астрахани товарами, отправлялся один караван примерно в 500 верблюдов, а оттуда приходили 1 или 2 каравана примерно в 700 верблюдов каждый [1, с. 242]. В 1834 г. за доставку товаров от Мангышлака в Хиву и обратно платили по 40 рублей за верблюда [26]. От Хивы часть караванов следовала до Бухары [5, с. 76].

Развитие товарооборота с Бухарой, Хивой, Кокандом было выгодно Российскому государству. Но на этом пути были свои специфические сложности. Одна из них, и не маловажная (по крайней мере в течение II половины XVIII - I половины XIX вв.), заключалась в том, что торговые караваны, которые отправлялись в Среднюю Азию или следовали оттуда, нередко подвергались разграблению. Порой на них нападали феодальные «дружины» каких-нибудь казахских вожаков, и тогда этот набег назывался «баранта» или «барымта» (собственно «отгон скота»). Если набег совершали туркменские степные «удальцы», он именовался «аламаном». Караваны страдали также и от притеснений хивинских отрядов или сборщиков податей, часто неограниченных какими-либо законами [28, с. 238-240].

Что привозили среднеазиатские купцы в Астрахань? Конечно же, прежде всего – хлопок. Пусть низкого качества, в количествах небольших, но он так был нужен молодой рос-

сийской промышленности, что расходился практически мгновенно или сразу же отправлялся прямо на Нижегородскую ярмарку. Привозили чернильные орешки – марену, недорогие ткани и халаты, сапоги и шапки, которые охотно раскупали местные мусульмане. Привозили и ковры, которые тоже были недорогими и пользовались спросом у небогатых астраханцев.

Из Астрахани в ханства Средней Азии вывозили продукцию российской промышленности: ткани и металлические изделия, готовую одежду и предметы быта, даже российская серебряная и золотая монета пользовалась большим спросом.

Главной отличительной чертой торговли среднеазиатского купечества на астраханском направлении был преимущественно положительный баланс для России, тогда как остальные группы торговцев предпочитали больше вывозить, чем ввозить, что показывает крайнюю выгодность для России роста товарооборота со Средней Азией через Астрахань.

Современники отмечали активность хивинского купечества в торговле с Астраханью. Капитан Н.Н. Муравьев в 1820 г. отметил оживленную торговлю хивинских купцов (сартов) в Астрахани [6, с. 60]. Идентичное наблюдение в начале 1830-х гг. сделали и чиновники Азиатского департамента МИДа: «Торговля (в Хиве – М.И.) позволена всем состояниям, но ею занимаются большей частью сарты – первобытные жители Хивинского ханства. ...Хивинские купцы ездят в Астрахань через Мангышлак и Каспийское море. ...Из Астрахани отправляются с лучшими товарами на Нижегородскую ярмарку и даже в Москву» [2, л. 133об.]. Охотно выступали они в роли посредников в торговле Средней Азии с Ираном и другими соседними странами [16, л. 26-27].

Среди среднеазиатских купцов были и такие, которые постоянно проживали в Астрахани, им принадлежала весьма значительная роль в процветании торговли в Астрахани [6, с. 60]. С другой стороны, следует отметить, что, в отличие от купцов персидских, предпочитавших постоянно проживать в Астрахани, хивинцы и бухарцы в массе своей приезжали в Астрахань «только на время торгу» [30, с. 131], после чего возвращались «в отечество свое с хорошим состоянием» [2, л. 121].

В 1825 г. в Астрахани, согласно произведенной переписи, числилось бухарцев – 397 дворов (по-видимому под бухарца-

ми имелись ввиду и купцы из других областей Средней Азии – М.И.), гилянцев – 137 дворов, агрыжанцев – 108 дворов, всего – 3542 человека [16, л. 25] из общего числа населения города 13074 человек [15, л. 5], т.е. 1/4 часть всего населения.

О том, что число постоянно проживающих в Астрахани купцов-хивинцев было невелико, а основную массу составляли купцы, постоянно проживавшие в Хиве, свидетельствует тот факт, что в Астрахани, во время кризиса 1836 г. (русское правительство потребовало от Хивы выдачи всех русских рабов, задержав до выполнения требования в России всех хивинцев – М.И.), было задержано 39 хивинских купцов, находившихся в этот момент в городе и еще 101 купец с 42 работниками, прибывших от Мангышлакской пристани [19, л. 6].

Купцы Хивы, торговавшие с российским государством, очень часто являлись представителями очень важных вельмож ханства, за их плечами стояли крупные хивинские сановники. Участие сановников, торговцев в осуществлении торговли с Россией позволяет сделать вывод о выгодности этой торговли, в получении товаров из России.

Для сохранения сложившихся отношений хивинские купцы вместе с бухарскими и кокандскими выступали почти единым фронтом на рынках России и Средней Азии. Среднеазиатское купечество имело тесную связь между собой и стремилось диктовать цены и условия торговли на российских рынках [27, с. 86].

Они всячески стремились вытеснить российских купцов в тех местах, где соприкасались их интересы. Красноярский купец (Астраханской губернии) П.С. Савельев сообщал, что обогащение русским купцам не удавалось, «ибо свобода конкуренции обогащала одних только хивинцев и бухарцев». Они, «установивши предварительно, по соглашению между собой, известные на товары цены, имели через то возможность сбывать свои товары по высокой цене, и таким образом, вся выгода оставалась всегда на стороне последних» [31, с. 16].

Главная же причина монопольного положения хивинских и бухарских купцов в торговых связях Астрахани со Средней Азией сложилась в результате покровительства среднеазиатским торговцам со стороны царского правительства и политики ханских властей по отношению к российскому купечеству [33, с. 99].

Для обеспечения торговли азиатским купцам на территории России был создан ряд так называемых меновых дворов, на которых осуществляли непосредственный обмен привозимых товаров на изделия и сельскохозяйственные продукты российского производства. Создать такой меновой двор в Астрахани в июне 1826 г. побудила генерала Ермолова активная коммерческая деятельность здесь среднеазиатских купцов. Он отдал распоряжение астраханскому гражданскому губернатору Осипову об открытии такого заведения с лавками для складывания и продажи товаров, прибывающих из Хивы и Бухары.

В этом распоряжении был даже специальный пункт о том, чтобы астраханский гражданский губернатор постоянно наблюдал за тем, чтобы от «неумеренного возвышения цены» найма лавок, их хозяева – бухарцы и хивинцы, не терпели стеснения [20, л. 14]. В дополнение к меновому двору, были предоставлены лавки и выходы гостиного двора для меновой торговли [6, с. 61].

Хивинские и бухарские торговые караваны в Астрахань приезжали регулярно [6, с. 61]. В 1803 г. несколько купеческих караванов прибыло в Астрахань. Из 150 купцов, приехавших из Средней Азии, 134 являлись хивинскими купцами. Они привезли в Астрахань следующие товары: 75 пудов ниток, 574 тюка бязи, 262 тюка цветных тканей, 306 ковриков, 360 шкур каракуля и др. [23, с. 116-117]

Подобная же картина предстает по сведениям от 17 июня 1807 г., в которых дан подробный перечень товаров, привезенных в Астрахань хивинскими и туркменскими купцами [10, л. 32].

Особенно богатый перечень товаров на базары Астрахани завезли купцы Мамат Карим, Измир Широ, Аваз Бахчиев [23, с. 183-196]. Осенью 1810 г. купец Джинами Смаилов привез в Астрахань из Хивы 60 тюков хлопчатой бумаги [12, л. 2].

Астраханская карантинная контора в декабре 1822 г. рапортовала астраханскому гражданскому губернатору о прибытии 17 хивинских купцов [13, л. 2]. В июле 1823 г. из Хивы через Мангышлак прибыл 31 купец с товарами [13, л. 13-14]. В 1825 г. в Астрахань прибыли 47 хивинских и 4 бухарских купца [21, л. 44-58об.], в 1826 г. 227 хивинцев и 20 бухарцев [18, л. 45-62].

По данным Х.З. Зияева, в Астрахань было привезено хивинскими купцами в 1834 г. товаров на сумму 505128 руб., а вывезено ими в ханство в этом же году товаров на сумму 556929 руб. [34, л. 125]

Путь торговцев из Средней Азии был достаточно длинным и рискованным, а главным средством перевозки товаров были караваны. В первой половине века хивинские караваны доходили до Мангышлака, а там уже товары перегружались на купеческие суда, следовавшие в Астрахань. На прибывшем из Мангышлакской пристани в Седлистовскую карантинную контору 18 апреля 1803 г. судне находилось 49 хивинских купцов, 4 туркменских и 1 бухарский. На другом судне в тот же день прибыло 30 хивинцев, 13 бухарцев, 4 туркмена. На торговом судне, прибывшем из Мангышлака в июне того же года, было 66 хивинских и 33 бухарских купца [9, лл. 13, 65]. Среди среднеазиатских купцов, прибывших из Мангышлака в Бертюльский и другие карантинны в мае 1807 г., также преобладали хивинцы [10, л. 17].

Уже в начале века можно было обнаружить конкуренцию между бухарскими и хивинскими поставщиками. Хивинские купцы уверяли российских купцов в том, что хивинская бумага гораздо более волокнистее и шелковистее, нежели бухарская, и продается «всегда дороже сей последней» [1, с. 96].

Но эти уловки были не единственной причиной малочисленности бухарских купцов, осуществлявших торговлю с Россией через Астрахань. Бухарские купцы в свою очередь, из-за географического положения своего ханства, со своими товарами обычно ездили в Оренбург, а хивинцам было удобнее отправляться в Астрахань. Кроме того, необходимость отправки бухарскими купцами товаров в Астрахань, отпадала в силу того, что хивинцы, торговавшие здесь, скупали товары в Бухаре, выполняя роль доставщиков товаров из государств, восточнее их лежащих [6, с. 62].

После ликвидации конфликта второй половины 1830-х гг. российско-хивинская торговля успешно развивалась. Оживились торговые связи Средней Азии через Астрахань с Поволжьем, - особенно с 1842-1843 гг. [34, с. 130]. В 1843 г. часть товаров была привезена хивинским караваном, состоявшим из 137 верблюдов, «навьюченным разным товаром при 12 человек хозяев и 9 работниками хивинцами» [34, с. 131].

Среднеазиатские купцы периодически испытывали стеснение со стороны астраханских местных властей. В 1809 г. группа купцов, приехавших в Астрахань с товарами, обратилась к губернатору с просьбой установить определенную пошлину на привозимые ими товары, просили прекратить произвол чиновников в деле сбора пошлин [31, с. 179].

Бывали случаи, когда купцов «захватывали на базаре, задерживали под караулом», «причиняли им крайнюю обиду, оскорбление и посрамление, какового нечестия они вовсе не заслуживали» [31, с. 179-180].

В 1843 г. хивинские купцы направили жалобу в таможенную на притеснения со стороны Городской Думы, которая «понужала их на право торговли записываться в гильдии и занимать лавки в верхнем этаже гостиного двора» [22, л. 3-4об.].

Таможня отреагировала незамедлительно. Находясь на страже интересов азиатской астраханской торговли, она просила Городскую Думу не стеснять хивинцев, «тем более, что таковые действия могут иметь самое вредное влияние на торговлю этих азиатцев, и отклонять их отсюда, вопреки попечений и заботе Высшего начальства и к явному ущербу государственного интереса» [22, л. 7].

Во второй половине XIX века торговые отношения узбекских ханств через Астрахань становятся весьма скромными. Основной поток товаров из среднеазиатских государств направляется на Оренбургскую линию, которая была для хивинцев и бухарцев ближе расположена и безопаснее. Караваны из Средней Азии не приходили в течение 1854-1869 гг. Удобный мангышлакский залив в это время официально закрывается для торговых отношений. А Астрабадская станция, которая была предложена в качестве альтернативы, была для них крайне неудобна. И караванная торговля с Хивой затухает.

Следующее появление торговых людей и каравана в Астрахани из этих мест стало настоящей сенсацией. Всего 7 купцов-хивинцев, под предводительством Абдул Бая Юсупова и Рахмана Мамеда Дурдыева, отважились летом 1869 г. вспомнить старый торговый путь на Астрахань. Товаров они привезли немного – на 12000 рублей. Но резонанс от этого события был очень большим.

Начальник Астрабадской морской станции капитан-лейтенант Петриченко 3 сентября 1869 г. уведомил Астраханскую

таможню о том, что лоцмана судов, принадлежащих Бакинским купцам Джебраилу Хасанову, Рза Гулиеву, Аджи Ага Джебраилову, прибыв без всякого разрешения в Красноводский залив, погрузили на управляемые ими суда товары, привезенные с Хивинским караваном, и, не явившись на станцию за получением свидетельств на погруженные товары, отправились в Астрахань.

Петриченко просил таможню по приходе в Астрахань этих судов не задерживать товаров, так как «хозяева в первый еще раз отправляют товары в Россию» из Хивы этим путем. Взыскать штраф, по его мнению, надо было с лоцманов, которым-то уже наверняка были известны правила торговли при Астрабадской станции [17, л. 2].

Тем временем, прибывшие в Астрахань хивинцы, объяснили, что «прежде, как известно, торговля их была направлена, преимущественно, на Оренбург, но в последнее время, по случаю возмущения в Киргизских степях, путь этот сделался весьма опасным, что испытал на себе вышедший незадолго до их выхода из Хивы, особый караван, имевший направление на Оренбургскую линию, который совершенно разграблен киргизами. Но избранный путь к Красноводскому заливу оказался весьма удобным, как по краткости, так не менее того и по безопасности его». Туркмены, которые жили на западном берегу Каспийского моря были настолько дружественно настроены, что соглашались выступить в качестве перевозчиков товаров из Хивы, и они же приняли на себя доставку в Хиву русских товаров, которые закупались в Астрахани [17, л. 3].

Единственное препятствие в ходе этой торговли, по словам Петриченко – это необходимость являться каждый раз по приходе к заливу, к начальнику Астрабадской станции, которая была достаточно далеко расположена от места где товар нагружался на суда. И тут возникала еще одна трудность – в Красноводском заливе не всегда были суда, готовые принять на борт груз, их иногда приходилось ждать очень долго, а при существовавших тогда средствах связи сообщить о том, что корабли нужны, было практически невозможно, приходилось полагаться на волю случая. Так, например, караван, о котором писал начальник Астрабадской станции, ожидал суда для погрузки в течение 40 дней, а сам путь из Хивы до Красноводского залива – 30 дней.

Хивинские купцы, были, естественно, недовольны наличием таких обстоятельств и при опросе их в Астрахани заявили, что «...вынуждены будут приостановить направление их торговли на Астрахань, в ожидании более благоприятных обстоятельств в среде кочующих киргиз, для устремления по-прежнему к Оренбургской линии или побудить их избрать другой более удобный путь, помимо Астрахани» [17, л. 3об.].

И вновь, как и в начале века, астраханские власти стремятся создать режим наибольшего благоприятствования для развития торговли с хивинскими купцами. Таможня, рассматривая просьбу хивинцев, при вынесении окончательного решения, руководствовалась рядом соображений, в том числе: что это первый за 15 прошедших лет караван; что на Оренбургской линии хивинцы «пользовались всевозможными облегчениями, по случаю снятия на линии постов и всех таможенных учреждений и даже сложение карантинного сбора»; что прибыли они в Астрахань на этот раз случайно, но этот случайный путь, по объяснениям самих купцов, может быть единственным для торговых сношений в этом регионе.

«Как первые вестники воскрешающего явления» хивинские купцы были представлены Астраханскому губернатору и начальнику Астраханской таможни. Они были «введены» в губернаторский дом и здесь губернатор «предложил им несколько вопросов, касавшегося пройденного ими пути и будущих намерений их по продолжению торговых сношений» [4]. Переводчиком, кстати, был хивинец, осевший в Астрахани лет 25 назад, которому «прибывшие хивинцы обрадовались, как единственному земляку в неизвестной им стране».

В результате Астраханская таможня, а вслед за ней и губернатор Н.Н. Биппен отправляют в министерство финансов свое мнение: «Просьбу хивинцев полагали бы возможным удовлетворить. Хивинские товары на русских купеческих кораблях могли бы отправляться прямо к Бирючьей косе, где бы и предъявляли на привезенный груз декларацию, подобно товарам из Персии» [17, л. 4-5, 9].

Прибывшие из Хивы в Астрахань в конце лета 1869 г. купцы даже не подозревали, какой они вызвали интерес и в каких высоких кругах. Общество для содействия русской промышленности и торговле, в лице его председателя, видного экономиста того времени, Н. Погребинского, 7 октября 1869 г. напра-

вило губернатору Н.Н. Биппену письмо, в котором сообщило, что члены этого общества вошли с ходатайством к министру Финансов «о проложении нового торгового пути в Среднюю Азию от Красноводского залива Каспийского моря по реке Амударье». Путь этот общество находило «для русской торговли совершенно необходимым, так как с проложением его крайне обременительная сухопутная перевозка товаров, производящаяся теперь по тракту от г. Самары через Оренбург, Троицк, Ташкент, Бухару и Хиву, на протяжении почти 3500 верст, сокращается до 600 верст, составляющих расстояние сухим путем от Красноводского залива до Хивы». Общество просило астраханского губернатора «обратить благосклонное внимание на столь важное для нашей торговли предположение и оказать к выполнению его содействие» [17, л. 10].

Н. Погребинский в официальном издании «Общества для содействия...» - «Торговом сборнике», в ноябре 1869 г. публикует статью «О возобновлении торговых отношений Астрахани с Хивою», тут же перепечатанную газетой «Астраханские губернские ведомости» [29, л. 86-98]. В ней автор достаточно обстоятельно, исследовав архивные дела и расспросив старожилы, объясняет причины упадка караванной торговли. Мы позволим себе привести ее практически полностью.

«Причины падения караванной торговли здешнего города с этими странами:

– Большое число заявлений о разграблении торговых караванов и судов у восточного берега Каспийского моря;

– Значительные издержки, сопряженные с конвоированием караванов, по пути от Хивы до Мангышлака, заставляли азиатских торговцев повышать ценность товаров и тем облегчать конкуренцию персиян;

– Обилие тяжёбных исков по долговым обязательствам, масса просьб и нередко жалоб на действия тогдашних административных и судебных мест, по взысканиям, поражает исследователя прошлого астраханской торговли. К сожалению, приходится сознаться, что должники, вызывавшие жалобы на медленность по уплатам, на увертки и несостоятельность, - были русские торговцы, а кредиторы их, - астраханские гости из Средней Азии.

Без сомнения, если бы торговля их не носила характер преимущественно меновой, то число жалоб и татебных ис-

ков еще было бы больше: незнакомые со всеми тонкостями кредита, азиатские торговцы еще чаще бы платились своим достоянием при долгосрочных сделках. Но с другой стороны, меновый торг не обходился им также дешево.

Старожилы, астраханские торговцы, заверяют, что редкий из тогдашних русских меновщиков снабжал добросовестно азиатцев своими товарами, в замен иностранных. Не следует удивляться поэтому, что, несмотря на значительные размеры этой торговли, она должна была неминуемо пасть, и что рядом с этим явлением шло обогащение нескольких личностей, эксплуатировавших несчастных торговцев. Верный взгляд на интересы и достоинство международных торговых отношений был развит, как оказывается в очень небольшой степени в наших предках и отсутствие его способствовало гибели столь выгодного для обеих сторон дела.

Со второй четверти настоящего века, после больших банкротств самых значительных Хивинских и Бухарских домов в Астрахани, сношения их делались реже и реже, становились случайнее и, наконец, совсем прекратились.

В то же время, вместо запустелого тракта к Мангышлаку, был проторен новый путь, из центра среднеазиатской промышленной жизни – Хивы, – к другому русскому городу – Оренбургу» [29, с. 86-98].

Прибывшие в 1869 г. хивинцы убеждали губернатора Билпена, что «если им удастся скоро сбыть эту партию товаров в Астрахани, то они надеются, накупивши здесь разных мануфактурных и заводских произведений, возвратившись до наступления зимы домой, сразу же приступить к составлению нового каравана». Обещали, что следующий караван приведет «значительнее настоящего, по величине и ценности грузов» [17, л. 18]. Обещание свое торговцы не сдержали, вывезя на родину в июле 1870 г. русских товаров, которые закупили в Москве, потому и задержались на полгода, почти на 30000 рублей. Больше караванов к Астрахани из Хивы не приходило. Впрочем, в силу геополитических и исторических причин, необходимость в них отпала: Средняя Азия стала частью Российской Империи.

В 1880-1890е гг. торговые караваны вообще до Астрахани не доходили. Торговые люди из Хивы находят новый пункт сбыта своих товаров – ярмарку на Ахунском хуторе во Вну-

тренней Киргизской Орде. На осеннюю и весеннюю ярмарку обычно приходил один караван на 30-40 верблюдах. Торговцев при этих караванах обычно было не больше 12-15 [11, л. 1-1об.]. Привозили, в основном, ковры, халаты, сапоги. Обратоно закупали и гнали скот. Средняя Азия вошла в состав Российской Империи и значительные торговые обороты, связанные с торговлей хлопком, стали совершаться русскими и узбекскими купцами в самих городах Средней Азии. Астрахань утратила статус приграничного торгового города.

Вместо вывода, о ситуации торговли Астрахани со Средней Азии вообще, и о караванной, в частности, в рассматриваемый период, скажем словами уже упоминавшегося нами Н. Погребинского: «В конце прошлого и начале нынешнего столетия Астрахань представляла важнейший русский рынок, по торговле со среднеазиатскими странами; в настоящее же время от этой торговли остались одни только предания, – витающие в больших заброшенных зданиях, в центре города, служившие когда-то караван-сараями для азиатских торговцев, а теперь приютившие наследников их по азиатской торговле – персиян. Незаметно, как тень исчезла эта торговля с промышленного горизонта Астрахани» [29, с. 86].

Список литературы

1. Аннанепесов М. Хозяйство туркмен в XVIII-XIX вв. Ашхабад: Издательство Педагогического института, 1972.
2. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Библиотека Азиатского департамента. Оп.505. Д.147.
3. АВПРИ. Ф. Миссия в Персии. Оп.528а. Д.287.
4. Астраханские губернские ведомости. – 11 ноября 1869 г. - №221.
5. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Издательство А.И. Мамонтова, 1874.
6. Валиева Д.В. Среднеазиатско-иранские отношения в первой половине XIX в. // Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1963.
7. Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Издательство Я.А. Исакова, 1868.
8. Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1885 гг. Т.1. СПб.: Тип. В.П. Балашева, 1883.
9. Государственный архив Астраханской области (далее ГААО). Ф.1. Оп.1. Д.9.

10. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.62.
11. ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.109.
12. ГААО. Ф.1. Оп.3. Д.838.
13. ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.107.
14. ГААО. Ф.1. Оп.5. Д.25.
15. ГААО. Д.1. Оп.5. Д.88.
16. ГААО. Ф.1. Оп.5. Д.353.
17. ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.336.
18. ГААО. Ф.679. Оп.1. Д.48.
19. ГААО. Ф.679. Оп.1. Д.190.
20. ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.2180.
21. ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.3136.
22. ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.3232.
23. Зияев Х.В. Средняя Азия и Поволжье (XVI -II половина XIX вв.). Ташкент: Наука, 1965.
24. История Туркменской ССР. Ашхабад: Издательство АН ТуркмССР, 1957, т.1, кн.2.
25. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (II половина XVIII - 80-е гг. XIX века). М.: Наука, 1984.
26. Коммерческая газета. – 16 марта 1835. - №51.
27. Кушева Е.Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х гг. XIX в. // Исторический сборник, т.III. Л.: АН СССР, 1934.
28. Левшин А. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Типография Императорской АН, 1832.
29. Погребинский Н. О возобновлении торговых отношений Астрахани с Хивой // Торговый сборник. – 1869. – Т.ХI.
30. Путешествие профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и Кавказскому краю. // Библиотека для чтения. – 1838. – Т.26. - №2.
31. Россия и Туркмения в XIX в. Сб. документов. Ашхабад: Издательство АН ТуркмССР, 1946.
32. Рябцев А.Л. Экономическое развитие Астраханского края в XVIII в. Астрахань: МОСУ, 2000.
33. Семенов Л.С. Россия и Англия. Экономические отношения в сер. XIX в. Л.: Издательство ЛГУ, 1975.
34. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии. М.: Наука, 1960.

© Имашева М.М., 2022

Равшанов Шерзод Раҳматович
Навоий давлат педагогика институти
“Ўзбекистон тарихи” ихтисослиги докторанти

РОССИЯ ИМПЕРИЯСИ ДАВРИДА ФАРҒОНА ВИЛОЯТИГА КЎЧИРИЛГАН ДУНГАНЛАР ТАҚДИРИ

Аннотация: Мақолада дунганларнинг этник келиб чиқиши ва этногенези масалалари, Хитойнинг дунганларга нисбатан сиёсати, Россия империяси даврида Марказий Осиёга жумладан, Фарғона вилоятига кўчирилган дунганлар, уларнинг уездлар бўйича тақсимланиши ва уларнинг ижтимоий аҳволи ёритилган.

Калит сўзлар: уезд; волость; “Тунгони”; хуэй; этногенез; провинция; Прежевальский; Тўқмоқ; станица; дунганлар; ривемлар; Верний

Қадимдан Марказий Осиё ҳудудида кўплаб турли миллат вакиллари баҳамжиҳат тинч ва тотув истиқомат қилишган. Хусусан, Россия империяси томонидан босиб олинган Ўрта Осиёга жумладан, Фарғона вилоятида ҳам кўплаб миллат вакиллари истиқомат қилганлигини манбалардан маълум. Шу ўринда Россия империяси даврида Фарғона вилоятига Хитой давлатининг тазйиқи остида кўчиб келган дунганлар масаласига ҳам алоҳида тўхталиб ўтиш мақсадга мувофиқдир.

“Дунган” атамаси Хитойда, яъни Синьцзянь вилоятида Хитойнинг шимолий-шарқий ҳудудларидан XVIII асрда кириб келган ва ўтроқлашиб қолган савдогарлар, хунармандлар ва бошқаларга айтилган. Хитой манбаларида “Дунган” атамасининг этимологияси тунгань ёки двун янжинь, яъни Хитойда яшовчилар деб талқин қилинган. Улар асосан Хитойнинг Ганьсу, Шеньси, Ланьжоу ва қисман бошқа вилоятларида истиқомат қилишган [3].

XIX асрнинг сўнгги чорагига келиб, Қўқон хонлигидаги ижтимоий-сиёсий вазият ва Россия империяси томонидан хонликни тугатилиши натижасида Ғулжа, Қошғар аҳолисига азалдан тайзиқ ўтказиб келаётган Хитой давлатининг сиёсий таъсири янада ошиб боради. 1861-1878 йилларда Хитойнинг шимолий ғарбида Цинь сулоласи зулмига қарши (Тайпин) кўзғолони бўлиб ўтади. Ушбу кўзғолонда асосан дунганлар ва уларнинг куйи табақаси асосий куч бўлиб хизмат қилади. Ушбу кўзғолон иштирокчилари енгилади ва дунганларнинг катта қисми 1877-78 ҳамда 1881-84 йилларда Хитой ҳукуматининг тазйиқи остида Туркистон ўлкаси ҳудудларига оммавий равишда кўчиб ўтиб жойлашишга мажбур бўлишади.

Дунганларни қозоқ даштлари ва Ўрта Осиё ҳудудларига кўчиб келиб жойлашуви икки босқичда амалга ошади.

Биринчи босқичда, Хитойнинг Ганьсу ва Шеньси провинцияларида яшаган дунганлар 3 гуруҳга бўлиниб, биринчи гуруҳи, яъни, Ганьсу ҳудудида яшовчи дунганлар 1877 йил ноябрь ойида Прежевальск шаҳри (ҳозирги Қирғизистон Республикаси Қоракўл шаҳри) яқинига келиб ўрнашган; иккинчи гуруҳи, 1877 йилнинг декабрида қисман Тўқмоқ шаҳрига, қисман ҳозирги жанубий Қозоғистоннинг Жамбул вилоятининг Инпан (Масанчи) қишлоғида жойлашган; учинчи гуруҳи, Ганьсу ҳудудида яшовчи дунганларнинг катта қисми 1877 йил декабрь ойида Ўш шаҳри яқинига келиб жойлашган эди.

Иккинчи босқичда, дунганлар (Или ўлкасида яшовчи дунганлар) Хитойнинг Синьцзянь ҳудудидан кўчиб ҳозирги Бишкек шаҳри ҳудудларига жойлашади.

Кейинги даврларда ҳам дунганларнинг кичик кичик гуруҳларининг минтақа доирасида ҳам миграцияси анча фаол бўлган эди [3].

Хусусан, 1883 йилда ўшлик дунганларнинг бир қисми ҳозирги Қозоғистоннинг Тароз шаҳри яқинига, дунганларнинг яна бир катта қисми Фарғона вилоятининг бошқа уездларига ўрнашган эди.

1879 йилги бошқарув ҳисоботларига кўра, Хитой давлатининг сиёсий-иқтисодий сиқуви остида дастлаб Қошғар ҳудудидан кўчиб келган дунган оилалари Фарғона вилояти уездлари бўйича куйидагича тақсимланган эди [4, с. 12-13]. Ўш уездига 426 нафар дунган оилалари кўчиб келиб, шулар-

дан 233 нафар эркак ва 193 нафар аёллар, Марғилон уездида жами 94 нафар, 55 нафар эркак, 39 нафар аёллар, Кўкон уездида жами 9 нафар дунганлар бўлиб, 5 нафар эркак ва 4 нафар аёлларни ташкил этган.

1879 йил якунига кўра, Фарғона вилояти бўйича жами дунганлар сони 297 нафар эркаклар, 232 нафар аёллар, жами вилоят бўйича эса дунганлар 529 нафарни ташкил этган эди. Маъмурий бошқарув ҳисоботларига эътибор берганда, Фарғона вилоятида дунган оилаларининг кўчиб келиши кўрсаткичи доимий ўсиб борганлиги ҳамда уездлар кесимида дунган оилаларининг кўчиб келиш улуши таҳлил қилинганда Уш уездида бу кўрсаткич бирмунча юқорилигини гувоҳи бўламиз.

Россия билан Хитой ўртасида 1881 йил 12 февралда тузилган Петербург шартномасига асосан, 1881-1883 йилларда Шарқий Туркистондан Еттисув ва Фарғона вилоятларига 60 мингдан зиёд уйғур ва дунган оилалари кўчиб келган [1, с. 278]. Натижада Туркистон ўлкасининг энг аҳолиси кўп бўлган Фарғона вилоятига кўп сонли уйғур ва дунган оилаларининг кўчиб келиши бу ердаги ижтимоий-демографик аҳволни янада оғирлаштирди.

Гарчи Хитой ҳукумати қочоқлар учун контрибуция ёки товон тарзида Россияга 9 миллион рубль тўлаган бўлсада, империя ҳукумати ва мустамлакачи маъмуриятнинг уларга муносабати россиянинг ички худудларидан кўчириб келтирилган аҳолига бўлган муносабатга қараганда бутунлай бошқача эди.

1881 йил кузида Туркистон генерал-губернатори К.П. Кауфман бетоблиги сабабли ушбу вазифани бажарган генерал Г.А. Колпаковский уйғур ва дунган қочоқларининг аҳволини куйидагича тасвирлаган эди: Халқ бола-чақаси билан бечораҳол ҳаёт кечирмоқда. Уларнинг бир қисми биттадан от ёки буқаси билан, айримлари фақат битта эшак миниб, аксарияти эса, ҳеч вақосиз йўқ ҳолда келишган. Бироқ подшо ҳукумати уйғурлар ва дунганларга арзимас ёрдам кўрсатибгина қолмай, балки уларни тарихий ватанларига қайтишга даъват ҳам қиларди. Подшо ҳукумати уларга ёрдам кўрсатишни пайсалга солишган ҳамда уларни жойлаштириш ва таъминоти масалаларини маҳаллий аҳоли зиммасига юклашган. Оқибатда маҳаллий аҳолининг ижтимоий-иқтисодий аҳволи янада оғирлашиб борган эди.

XX аср бошларида Россия империясининг рус-япон урушидаги мағлубияти ҳамда жаҳон сиёсий саҳнасидаги мавқеи-

нинг тушиб кетиши Хитой давлатига янада қўл келди. Россия империяси билан келишувга асосан Қошғар, Ғулжа ҳудудларини таъсир доирасига олган Хитой ҳукумати ушбу ҳудуд аҳолисини “хитойлаштириш” сиёсатини зўр бериб давом эттирди ва маҳаллий халқларга бўлган тазйиқни янада кучайтирди. Буэса ўз навбатида (қошғарликлар, уйғурлар, дунганлар ва бошқалар) бу халқларни оммавий кўчишига олиб келди. Натижада хитойнинг дунган ва бошқа озчилик миллатларга нисбатан юритган этник сиёсати натижасида Туркистон ўлкасига, жумладан, Фарғона вилоятига кўплаб аҳоли кўчиб келиб жойлаша бошлаган эди. Масалан, 1883 йилнинг ўзида Қошғар ҳудудидан Ўш уездига 148 оила [5, с. 27-28] янги Марғилон шаҳрига 94 нафар дунган оилалари кўчиб келган [6, с. 5].

Фарғона вилоятига хусусан, Жалолобод, Ўш, Ўзган, Андижон, Шаҳрихон, Кўкон, Марғилон каби шаҳар ва унинг қишлоқларига 1904 йилда 14 минг 556 нафар қочоқлар (қошғарликлар, уйғурлар, дунганлар), 1905 йилда 13 минг 337 нафар, 1907 йилда 25 минг 56 нафар, 1909 йилда-12 минг 725 нафар, 1911-йилда 26 минг 463 нафар, 1912 йилда эса 27 минг 174 нафар, жами 119 минг 311 киши (қошғарликлар, уйғурлар, дунганлар) қочиб келган эди [7, с. 8]. Кўчиб келганларга, уларнинг жойлашиши ва хўжалик юритишларида маҳаллий аҳолининг ёрдами жуда қўл келади. Бу эса тарихан ва этник жиҳатдан бир бирига яқин халқларни жуда тез сингишиб кетишларига ҳамда уларни туб халқларнинг таркибий қисми сифатида ҳис этишларига имкон яратди.

Дунганларларнинг келиб чиқиши масаласи фанда бугунги кунгача узил-кесил ҳал қилинган эмас ва мунозаралидир. Дунганларнинг тарихий ватани қаер, улар Хитой ҳудудига кўчиб келганми ёки бу ҳудуднинг ўтроқ аҳолиси бўлиб ислом динини қабул қилганми деган каби саволлар баҳсли бўлиб қолмоқда. Баъзи тадқиқотчилар дунганлар араблар билан аралашган хитойликлар деса, баъзилари Хитойга келиб ўрнашиб қолган туркий қабилалар деб ҳисоблашадилар. Манба ва адабиётларда дунганларнинг этник келиб чиқиши тарихи, этногенезида туркий халқларнинг ўрни катта эканлигига гувоҳ бўламиз. Қадимдан Хитой ва Марказий Осиё ўртасидаги савдо-сотик ва маданий алоқаларда ушбу халқларни ўрни ниҳоятда бекиёс бўлган эди. Шарқий Туркистон орқали хитой тараққиётига катта таъсир кўрсатган бу халқларнинг илми ва

санъати, хусусан буддизм ва ислом кириб боришида ўзига хос кўприк вазифасини бажаради.

Ўзаро маданий алоқалар ва исломнинг хитой ҳудудига кириб бориши натижасида бу ерда янги дунган миллати шаклланди. Ушбу миллатнинг шаклланишида ҳозирги Ўзбекистон ҳудудидан Хитойга кўчиб ўтган муҳожирларнинг таъсири ҳам катта бўлган [8, с. 5]. Бу масалани объектив ўрганган хитойшунос олим, профессор А. Хўжаев Хитойнинг асосан дунган (хуэй)лар яшайдиган ҳудудларида қадимги хитой манбаларида ғарбий ривемлар (ғарбий отликлар) деб аталувчи илк турклар яъни, бугунги туркий халқларнинг аجدодлари яшаганлигини таъкидлайди [8, с. 6]. Қадимги туркийлар жумладан, туркий хунлар, дунганлар, уйғурлар ва бошқа кам сонли туркий халқлар хитой халқи билан ёнма-ён яшаганликларидан уларнинг этногенезида бирмунча ўхшашликлар кузатилади. Шунга қарамадан дунганларнинг асосий қисми минг йиллар давомида Хитой этноси билан қўшила олмаганлиги оқибатида ислом динини қабул қилиб, бутун бир миллатнинг шаклланишида муҳим омил бўлган эди. Дунганларни антропологик, лингвистик қиёфасига эътибор берсак, туркий халқларга бирмунча яқинлигини ва уларнинг этногенезида туркийлар муҳим роль ўйнаганлигини кўриш мумкин.

Дунганлар хўжалик юритиши жиҳатидан ҳам жуда илғор бўлиб, асосан, деҳқончилик, чорвачилик ва хунармандчилик соҳаларида етакчи бўлишган. Масалан, улар деҳқончиликда “дунгани” навли йирик қизил редиска, “дендувигна” ловиясининг ҳосилдор навини, “дутсай” саримсоқпиёзнинг яхши навларинини, “сунзи” сичуан карами, “битса” йирик баргли карам ва аччиқ дунган қалампири навларини юртимизга олиб келиб маданийлаштирган. Дунганлар моҳир ошпаз сифатида пазандалиги билан машҳур бўлишган. Дунган ошпазлари асосан турли юқори тоифа оилаларига хизмат кўрсатувчи бўлишган. Бундан ташқари дунганлар савдогарлик, косиблик, аравакашлик билан шуғулланишган.

Ҳозирги кунда биргина Хитойнинг ўзида 10 млн.дан ортиқ дунганлар истиқомат қилади. Бундан ташқари Россия, Қирғизистон, Жанубий Қозоғистон ва Ўзбекистонда кўплаб дунганлар истиқомат қилиб келмоқда. Дунганлар асосан ислом динининг ҳанафийлик мазҳабига эътиқод қилганлар ва суннийлар жамоасига кирганлар.

Ўзбекистонда ушбу миллат вакиллари асосан Тошкент шаҳри ва вилоятида, шунингдек, Фарғона вилоятининг йирик шаҳарларида истиқомат қиладилар ҳамда ушбу диаспора вакиллари болалари учун алоҳида дунган тилида дарслар олиб борилувчи мактаблар фаолият юритмоқда. Бу туркий халқларнинг этник бирлиги ва тотувлиги рамзи сифатида 1990 йилдаёқ Тошкент шаҳрида дунган маданий маркази ташкил топган эди. 2008 йил 13 мартда Тошкент шаҳрида дунганларнинг Марказий Осиёга кўчиб келганлигининг 130 йиллигига бағишлаб ўтказилган халқаро конференцияда дунганлар тарихи билимдони, профессор А.Хўжаев ўз маърузасида дунганлар бу ерга кўчиб келганлари йўқ, балки қайтиб келдилар деб таъкидлаганлари бежиз эмас албатта.

Хулоса ўрнида шуни айтиш мумкинки, ўзбеклар ва дунганлар қадимдан ҳудудий ҳамда этник жиҳатдан чамбарчас боғлиқ халқлардир. Келажакда ҳам бу иккала халқ туркийларнинг бир буғини сифатида бир бирини ўзаро қўллаб қувватлаб, ўзаро дўстлик анъаналарларига содик ва ҳамжиҳатликда яшаб қоладилар. Шу ўринда кўп миллатли Ўзбекистон давлатини асосий миллатлараро муносабатлардаги позициясини Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш.Мирзиёевнинг куйидаги сўзларидан ҳам кўришимиз мумкин, -“Жамиятимизда ҳукм сураётган ўзаро дўстлик ва ҳамжиҳатликни янада ривожлантириш, қайси миллат, дин ва эътиқодга мансублигидан қатъий назар барча фуқаролар учун тенг ҳуқуқларни таъминлаш доимо эътиборимиз марказида бўлади” [2, с. 9].

Фойдаланилган адабиётлар

1. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана 1867-1914 гг. Алма-ата: Наука,1965.-С.278.
2. Мирзиёев Ш. Эркин ва фаровон, демократик Ўзбекистон давлатини биргаликда барпо этамиз. –Тошкент.: “Ўзбекистон”, 2016 йил –Б.9
3. Ortıqov Y. Dunganlar. Qomus.info onlayn ensiklopediyasi.28.04.2022 yil.
4. ЎзМА.И-276-жамғарма, 1-рўйхат, 581-иш, 12-13-варақлар.
5. ЎзМА.И-19-жамғарма, 1-рўйхат, 567-иш, 27-28-варақлар.
6. ЎзМА.И-19-жамғарма, 1-рўйхат, 12870-иш, 5-варақ.
7. ЎзРМА.И-1-жамғарма, 2-рўйхат, 1905-иш, 8-варақ.
8. Ходжаев А.Китайский фактор в Центральной Азии (история и современность).-Тошкент,Фан.-2007.-стр-5

Рахимов Бектош Элмуродович
СамДУ “Ўзбекистон тарихи” кафедраси
катта ўқитувчи Самарқанд, Ўзбекистон
rahimovbek@mail.ru

ТУРКИСТОНДАГИ АНЪАНАВИЙ ХУНАРМАНДЧИЛИК РИВОЖЛАНИШИНИНГ НЕМИС ТАДҚИҚОТЧИЛАРИ ТОМОНИДАН ЎРГАНИЛИШИ

Аннотация: Статья посвящена истории развития традиционного ремесленничества, торговли и промышленности в Туркестане в конце XIX-начале XX веков. Автором сделана попытка раскрыть данную тему на основе немецкоязычных исследований.

В конце XIX – начале XX вв. ремесленничество и торговля в Туркестане продолжали развиваться традиционным образом в сформировавшихся веками направлениях. В регионе был широко распространён надомный труд. Ремесленники наладили продажу своей продукции. С притоком иностранного капитала в Туркестан организовывается промышленное производство. Ремесленное мастерство играло важную роль в Туркестане. Изделия ремесленников использовались всеми слоями населения. Этот вид деятельности был особенно важным у кочевников. Существовали следующие отрасли ремесел: ткачество, прядение, шитье, дубление и кожевенное дело, керамика, медное дело, кузнечное дело, живопись, ковроткачество и другие.

Ключевые слова: Туркестан; ремесло; торговля; завод; железная дорога; ковроткачество; товар; промышленность; рынок.

Abstract: The article is devoted to the history of the development of traditional handicrafts, trade and industry in Turkestan in the late XIX-early XX centuries. The author attempts to reveal this topic on the basis of German-language research.

In the late XIX- early XX centuries, handicraft and trade in Turkestan continued to develop in the traditional way in the directions formed over the centuries. Home-based work was widespread in the region. Artisans

have established the sale of their products. With the influx of foreign capital into Turkestan, industrial production is organized. Handicraft skills played an important role in Turkestan. Handicraft products were used by all segments of the population. This type of activity was especially important among the nomads. There were the following branches of crafts: weaving, spinning, sewing, tanning, ceramics, copper, blacksmithing, painting, carpet weaving and others.

Keywords: Turkestan; craft; trade; factory; railway; carpet weaving; goods; industry; market.

Шўролар даври тарихшунослигида ҳам, мустақиллик йилларида яратилган тадқиқотларда ҳам XIX аср охири-XX аср бошида Туркистонда кечган турли иқтисодий жараёнларда хунармандчилик, савдо-сотикнинг роли, ривожланиш ҳолати маълум даражада ўрганилган, лекин ушбу тадқиқотларда хорижий манбалар етарлича жалб қилинмаган. Ушбу масалалар шу даврда Европадаги бошқа мамлакатлардан ташриф буюрган сайёҳлар, олимлар ва элчилар томонидан ҳам катта қизиқиш билан ўрганилган. Бунинг натижасида бу даврда хорижда Марказий Осиёга бағишланган юзлаб адабиётлар яратилди. Айтиш мумкинки, тарихимизнинг бирор бир босқичида ватанимиз ҳақида хорижда бу қадар кўп тадқиқот яратилмаган. Энг муҳими, уларда хорижий муаллифларнинг қарашлари ва илмий изланишларининг натижалари ўз аксини топган. Шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, минтақага Европа, хусусан, Буюк Британия, Франция, Германия, Россия ва бошқа мамлакатлардан ташриф буюриб, изланишлар олиб борган мутахассислар фаолияти натижасида илм-фанга янги йўналишлар, янги тадқиқот усуллари ҳамда воситалари ҳам кириб келди. Уларнинг таъсирида минтақада илмий изланишлар доираси ва фан тармоқлари янада кенгайиб, бойиб борди. Европалик олимлар ўз изланишлари давомида маҳаллий, яъни анъанавий илмий билимлар ва тажрибаларга катта қизиқиш билан қарадилар [3, с. 12-13]. Ушбу мавзуни немис тадқиқотларига таяниб ўрганишимиз бу борадаги мавжуд бўшлиқларни тўлдириш эҳтиёжи билан ҳам изоҳланади.

XIX аср охири-XX аср бошлари Туркистон учун кучли сиёсий бўҳронлар, ижтимоий-сиёсий, иқтисодий жабҳаларда турли трансформацион жараёнларга бой бир давр бўлган.

Шунга қарамасдан ўлкадаги хунармандчилик, савдо-сотик анъанавий тарзда асрлар давомида шаклланган йўналишларда ривожланишда давом этган. Ушбу даврда ҳам худудда касаначилик кенг тарқалиб, хунармандлар бир пайтнинг ўзида ўзлари ишлаб чиқарган маҳсулотлар савдосини ҳам йўлга қўйганлар. Туркистонга Россия капиталининг кириб келиши билан бирга саноат ишлаб чиқариш ҳам ташкил этила бошлаган. Хунармандчилик Туркистонда катта аҳамият касб этган. Хунармандлар тайёрлаган буюмлардан бутун аҳоли фойдаланган. Айниқса, бу соҳа кўчманчиларда алоҳида аҳамиятга эга эди. Чунки улар эҳтиёжларига зарур барча буюмларни ҳатто энг оддийларини ҳам ўзлари ясаб олишган. Кўчманчиларда хунармандчилик билан фақат аёллар шуғулланишган. Улар жун (гилам, палос, сумка, кигиз), тери ва чармдан кийим-кечак тайёрлашган [5, с. 122]. Немис геологи ва географи Фритц Махачекнинг (*Fritz Machatschek, 1876-1957*) ёзишича эркаклар орасида этикдўз, чармгар, темирчи, телпакдўз, дуррадгор, кулоллар, мискарлар учраган, лекин уларнинг савдо айланмаси жуда кам бўлган. Хунармандчиликнинг қуйидаги соҳалари мавжуд бўлган: тўқувчилик, ип йигириш, тикувчилик, кўнчилик ва чармгарлик, кулолчилик, мисгарлик, темирчилик, буёқчилик, гиламчилик ва бошқалар. Россиядан чит келтирилишига қарамай Туркистон тўқимачилиги ўзининг аввалги аҳамиятини йўқотмаган. Маҳаллий тўқувчилар қалин кўпол матолар тайёрлаган: астарлик мато, алача, бўз. Бўз Қошғардан келтирилиб маҳаллий уста – «астарчилар» уларни турли нақшлар билан безаганлар. Тошкентнинг ўзида 1000 та оила тикувчилик билан шуғулланган. Уларни «мошиначи» деб аташган, чунки тикув машинкаларида тикиш қилишган. Мошиначилар жуда катта миқдорда чопон тикиб бошқа худудларга ҳам етказишган. Қўй ва туя жунидан турли халта ва қалин кийимлар учун ишлатиладиган матолар тўқилган. Юқори сифатли қўй жунидан гиламлар тўқилган. “Қизил-аян” деб номланган туркман гиламлари ва Бухоро гиламлари жуда машҳур эди. Каспийортида асосий гилам бозор Марвда[4, с. 162], Бухорода эса Каркида бўлган. Гиламларнинг қандай чиқиши фақат уни тўқиган аёлларнинг маҳоратига эмас, балки қўй жунининг сифатига ҳам боғлиқ бўлган. Ушбу жун маҳсулотларининг юқори сифатлиги туфайли ҳатто Америка гилам саноати учун харид қилинган.

Гидамчилик Каспийортида хунармандчиликнинг энг ривожланган соҳаси ҳисобланган. Нақш ва матосининг хусусиятига кўра вилоятда тўкиладиган гидамларни олти хил турга бўлинган [5, с. 124]: 1) Марв ва Пендин 2) ахал (текин) 3) салор 4) гўклан 5) ёвмут 6) оғурджали гидамлари. Ҳар бир гидам тури жойига қараб яна турларга бўлинган. Масалан, ёвмут гидамлари “човдур”, “абдал”, “хўжа”, “игдир” каби турларга бўлинган. Гўклан гидамлари тўқилган, бошқалари қирқилган ва тўқилган эди. Текин гидамлари чеккаси, ёвмут гидамларининг юзаси тўлиқ нақшли бўлган.

Немис тадқиқотчиси Г. Благовишенскийнинг (*Blagowiestschensky G.*) таъкидлашича ранглар гидамдўзликда катта роль ўйнаган. Астойдил тайёрланган табиий бўёқларгина ҳақиқий сифатни таъминлаган. Европа ва Американининг Туркистон гидамларига талаби катта бўлганлигидан бу ерда ҳам Кавказ ва Эронга ўхшаб арзон анилин бўёқлардан фойдаланишга ўтишган [1, с. 162]. Бозорларда табиий бўёқлар ортиғи билан мавжуд бўлсада, гидамларга талаб катта бўлганидан жуда тез ва осон даромад олиш пайида ализарин бўёқлардан фойдаланадиганлар кўпаяди. Бу эса гидамларнинг сифатига салбий таъсир қилган [5, с. 124].

Гидамчиликдан хунармандлар йилига ўртача 100 000 рубл даромад олишган [2, с. 89]. Каспийортида гидамчиликни ривожлантириш учун Марвда гидам музейи очилган бўлиб у ерда бўёқлар, намуналар, гидам тўқиш сирлари ўргатилган [1, с. 163]. Аёллар тайёрлаган кигизлар фақат ўз ўтовлари учун эмас, балки уни ўтроқ аҳоли ҳамда руслар ҳам сотиб олган, шунинг учун кигизлар Туркистон бозорларида доим мавжуд бўлган [1, с. 159]. Тадқиқотчи кигиз тайёрлаш жараёнини тасвирлаб чети қора ўзи оқ рангли кигизларнинг жуда машҳурлигини ёзган [1, с. 159]. Қошғар кигизи деб аталувчи ушбу кигизлар қаторида Марв воҳаси кигизлари ҳам жуда кенг тарқалган. Россияда Туркистон кигизига талаб ошганлигидан шундай тадбиркорлар пайдо бўладики, улар фақат кигиз тайёрлаш билан шуғулланадиган эркак ишчиларни тўплаган. Демак, кигиз тайёрлаш қорхоналари ташкил этилган. Немис тадқиқотчилари маҳаллий хунармандларнинг янги замон талабларига тез мослаша олиши ва шу билан бирга ҳам русларнинг, ҳам маҳаллий аҳолининг дидига мос маҳсулот ишлаб чиқарганлигини алоҳида эътироф этганлар [1, с. 160]. Чемодан

ясовчи усталар бунга яққол мисол бўла оладилар. Маҳаллий хунармандлар ясаган чемоданлар русларнинг ялтироқ металл билан қопланган чемоданларини билан сиқиб чиқарилган. Лекин сал ўтмай маҳаллий усталар русларникига ўхшаш чемоданлар чиқара бошлашган. Бунинг натижасида Россиядан чемоданларни киритиш тўхтатилган. Хунармандлар рус сажатчиларининг мис, кумуш ва ёғочдан ясалган қадимий буюмларни бажонидил сотиб олишларини ўз назарларидан четда қолдиришмаган ва шундай қадимий буюмлар нусхаларини яшашни жуда яхши йўлга қўйишган.

Ипак матолар Россияда унчалик тарқалмаган, чунки улар жуда қиммат турган [1, с. 163]. F. Machatschekнинг таъкидлашича, Туркистондаги ипакчилик соҳаси Европа таъсирига камроқ дуч келган. Россияда бу соҳа билан шуғулланадиганлар жуда кам бўлганлиги учун туркистонликлар билан рақобатлашаоладиган корхоналар йўқ эди [4, с. 163]. Масалан, тут дарахтларини каналлар бўйида экиш чекланганлиги, ундан ташқари ипак қуртининг пибрине касаллиги тарқалиши ипакчилик соҳасини кенг ривожлантиришга тўсқинлик қилган [4, с. 156]. Италия, Хитой ва Япониядан ипак қуртининг янги тухумлари келтирилиб селекция ривожлантирилиши оқибатида ипакчиликда маълум силжиш кузатилган [4, с. 156]. Ашхобод яқинидаги Кеши (Кёши)да Куропаткин ташкил этган мактабда пилла қуртининг янги навлари етиштирилган ва аҳолига тарқатилган [5, с. 125].

Терига ишлов бериш нафақат шаҳарларда, балки қишлоқларда ҳам кенг тарқалган хунармандчилик тури ҳисобланган. Асосан қўй терисига ишлов берилган, чунки юртда қўй кўп боқилган. Териларга астойдил ишлов берилиши натижасида улар Россиянинг Европа қисми ва Сибирда ўз бозорларига эга бўлган. Нижний Новгороддаги ярмаркада Туркистон териларининг бозори чаққон бўлган. Туркистон ҳарбий маъмуриятига жуда кўп маҳаллий тери керак эди, чунки у солдатлар учун ёзги иссиқ кунларда салқин сақлайдиган кийимлар учун ишлатилган. Қорамол терисига ишлов беришда хунармандлар жуда маҳоратли эди [1, с. 164]. Ундан аъло сифатли оёқ кийимлар тайёрланган. Замонавийроқ шаҳарликлар рус оёқ кийимлари, резина оёқ кийимларни харид қилишган. Ушбу оёқ кийимлар нисбатан сифатсиз хом-ашёдан тайёрланган, лекин маҳаллий хунармандларнинг молларига нисбатан

чиройлироқ безатилган ва арзонроқ бўлган. Бир неча бой хунармандларга тегишли кўнчилик корхоналари бир-бири билан рақобат қилган. Шунга қарамай, уйларида ишловчи уста-хунармандларнинг қорамол ва замш теридан тайёрланган буюмлари Туркистон бозорларида харидоргир эди.

Ёғоч буюмлардан эгар, арава, стул, кроватлар, идиш-товуқлар уста-хунармандлар томонидан ясалган. Қайиқлар фақат бозорларда эмас, балки очиқ осмон остида дарё бўйида тайёрланган. Каспийортининг Чиқишлар, Хасанқўли, Челекен оролида Россиядан келтирилган ёғочлардан қайиқлар яшашган. Чиқишлар ва Хасанқўлида ясалган катта қайиқлар нархи 200-600 рубл, кичик қайиқларнинг нархи 10-30 рублгача бўлган. Челекендаги катта қайиқлар жуда пишиқ ясалган бўлиб улар анча қиммат 600-1000 рубл турган [5, с. 127]. Волгабўйи ўрмонларидан келтирилган ёғочдан маҳаллий усталар арава, ғилдираклар ва арава анжомлари яшашган. Уларнинг материали узоқдан келтирилгани учун ҳам нархи жуда баланд бўлган. Ундан ташқари Хасанқўлида Эрондан ҳам ёғоч келтирилган ва улардан ўтов ҳамда ўтов учун пол яшашган [5, с. 127]. Русларнинг катта миқдордаги арзон ёғоч идишлари маҳаллий хунармандларнинг бозорини касодга учратган. Каспийорти вилоятида ёғоч кам бўлган. Шунинг учун вилоятга кўпинча Хива усталари ясаган ёғоч буюмлар келтирилган [5, с. 127]. Кулолчилик устахоналари ҳам йирик шаҳарларда мавжуд бўлиб уларнинг маҳсулотлари кўплаб кичик шаҳарларга юборилган. Фарғона, Тошкент ва Самарқанд кулоллари янги асбобларда ишлагани, янги иш столлари билан таъминланганлиги боис ясаган буюмларнинг сифати жуда юқори бўлган. Шарқий Бухорода усталар янги инструментлар билан таъминланмаганлиги сабаб уларнинг кулолчилик буюмлари сифат жиҳатидан юқоридаги худудларникидан ортда қолган. Айниқса ёрқин қотишма билан кулолчилик буюмларини қоплаш жуда кенг ривожланган. Темирга ишлов берувчиларни эслаш жоиз (пичоқчилар, тақачилар, игначилар, кетмончилар). Руслар келгунига қадар фақат Туркистон хунармандлари ясаган буюмлар бозорларда сотилган бўлса, кейинчалик рус усталарининг сифатли ва арзон моллари уларни сиқиб чиқарган [4, с. 162]. Бироқ ушбу ҳолатнинг таъсири мисгарлик соҳасида камроқ кузатилган. Мисгарлар ясаган нақшли идишлар европаликлар томонидан харид қилинган. Ушбу даврда маҳаллий

хунармандлар пичоқчилик, дурадгорлик соҳаларида қадимий нақшлар ўрнига Европа орнаментларини қўллай бошлаганлар [4, с. 162-163].

Заргарлар кумуш ва тиллодан асосан такинчоқлар - узук, билагузук, турли қимматбаҳо тошлар билан безалган камарлар тайёрлашган [1, с. 165]. 1899 йилда Каспийорти вилоятининг Теджен уездида 17, Красноводскда 20 нафар кумушга ишлов берувчи заргарлар бўлган [5, с. 122].

Туркистон хунармандларининг аниқ сонини келтириш қийин. Тахминан қуйидаги рақамларни айтиш мумкин: Фарғона-45000, Сирдарё-20000, Самарқанд, Еттисув ва Каспийорти вилоятларининг ҳар бирида 10-12 минг касаначи бўлган [1, с. 165]. Ашхобод уезд бошқармасининг 1899 йилги маълумотига қараганда, бу ерда 848 маҳаллий хунарманд бўлган. Усталарининг даромади хунармандчилик турига боғлиқ бўлган, лекин хунарманднинг ўртача йиллик даромади 120-200 рублни ташкил қилган [5, с. 122]. Красноводскдаги хунармандлар ичида этикдўзлар ва тош ташувчилар энг кўп даромад қилишган [5, с. 122-123]. Қарийб барча хунармандлар жуда оддий воситалар ёрдамида ишлашган, фақат айримларигина сув кучидан фойдаланишган, лекин уларда бори ҳам оддий чархпарраклар эди. Кичик тегирмонларни ишлатиб мойжувозларни юритиш учун ҳайвон кучидан (хўкиз ва айниқса туялар) фойдаланишган. Бу кичик корхоналар фабрика саноатига ўтиш босқичини ташкил этган. Уларга шам ва совун ишлаб чиқарувчилар кирган. Ушбу маҳсулотларнинг сифати улар ишлаб чиқарилган асбоб-ускуналарнинг ҳолатига мос эди. Мазкур корхоналардан Фарғонада-18 000 (30 000 киши), Сирдарёда-5500 (25 000 киши), Самарқандда-8370 (11 000 киши) дон маҳсулот ишлаб чиқарилган.

Туркистонда хунармандчиликнинг: тўкувчилик, ип йигириш, тивувчилик, кўнчилик ва чармгарлик, кулолчилик, мисгарлик, темирчилик, буёқчилик, гиламчилик каби соҳалари мавжуд бўлган. Россиядан чит келтирилишига қарамай Туркистон тўқимачилиги ўзининг аввалги аҳамиятини йўқотмаган. Немис тадқиқотчиларининг таъкидлашича, Туркистондаги ипакчилик соҳаси Европа таъсирига камроқ дуч келган. Россияда бу соҳа билан шуғулланадиганлар жуда кам бўлганлиги учун туркистонликлар билан рақобатлашаоладиган корхоналар бўлмаган. Терига ишлов бериш нафақат шаҳарларда,

балки қишлоқларда ҳам кенг тарқалган хунармандчилик тури ҳисобланган. Асосан қўй терисига ишлов берилган, чунки юртда қўй кўп боқилган. Териларга астойдил ишлов беришган натижада улар Россиянинг Европа қисми ва Сибирда ўз бозорларига эга бўлган. Нижний Новгороддаги ярмаркада Туркистон териларининг бозори чаққон бўлган. Мисгарлар ясаган нақшли идишлар европаликлар томонидан бажонидил харид қилинган. Ушбу даврда маҳаллий хунармандлар пичоқчилик, дурадгорлик соҳаларида қадимий нақшлар ўрнига Европа орнаментларини қўллаш бошлаганлар.

Adabiyotlar

1. Blagowietschensky G. Die wirtschaftliche Entwicklung Turkestans. -Berlin.1913-S 163
2. Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент.1901.-С.89
3. Зияева Д.Х. Ўзбекистонда интеллектуал мерос тарихига оид манбалар (XIX – XX аср бошлари).-Тошкент. 2018.-Б.12-13
4. Machatschek F. Landeskunde, v. Russ -Turkestan, 1921.- S.162
5. Обзор Закаспийской области за 1899 год.-Асхабад. 1900. -С.122

© Рахимов Б.Э., 2022

**Предмет, символ и «период»
в историко-культурном контексте развития
Центральной Азии**

*Аязбеков Скандарбек Абуевич
Почетный доктор философии
Почетный профессор Американского
дзен-колледжа при ЮНЕСКО,
Кандидат искусствоведения
Вице-президент Академии Художеств
Республики Казахстан.
Нур-Султан
skan.ayazbekov@icloud.com*

*Ayazbekov Skandarbek Abuevich
Honorary Doctor of Philosophy
Honorary Professor of the American Zen
College at UNESCO,
Ph.D. in History of Arts
Vice President of the Academy of Arts
of the Republic of Kazakhstan.
Nur-Sultan
skan.ayazbekov@icloud.com*

**БОТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТОГЕНЕЗА
В СВЕТЕ КОЧЕВЬЯ И ОСЕДЛОСТИ**

**BOTAI CULTURE: FEATURES OF POLITOGENESIS
IN THE LIGHT OF NOMAD AND SETTLEMENT**

Аннотация: Статья посвящена Ботайской археологической культуре, открытой В.Ф. Зайбертом в 1980 году на территории современного северного Казахстана. На основе археологических дан-

ных, представленных в многочисленных исследованиях, рассматривается проблема политогенеза в Ботае, анализируются факторы, способствующие становлению политико-социальных отношений – синтезу кочевой и полуоседлой культуры, domestikации лошади.

Показано, что характер жилищ, их обустройство, место и размеры свидетельствуют об имеющейся социальной стратификации, в которой главную роль выполняли вожди и шаманы, что подтверждает потестарный характер данного социума.

Ключевые слова: Ботайская археологическая культура; В.Ф. Зайберт; политогенез; потестарность; вождество; кочевье и оседлость; domestikация лошади.

Abstract: The article is devoted to the Botai archaeological culture, discovered by V.F. Seibert in 1980 on the territory of modern northern Kazakhstan. On the basis of archaeological data presented in numerous studies, the problem of politogenesis in Botai is considered, factors contributing to the formation of political and social relations are analyzed – the synthesis of nomadic and semi-sedentary culture, the domestication of the horse.

It is shown that the nature of the dwellings, their arrangement, place and size testify to the existing social stratification, in which the chiefs and shamans played the main role, which confirms the potestary nature of this society.

Keywords: Botai archaeological culture; V.F. Seibert; politogenesis; potestarity; chiefdom; nomadic and settled way of life; horse domestication.

Ботайская культура, зарождение и расцвет которой приходится на IV тыс. до н.э., имеет чрезвычайно большое значение для разработки новых взглядов и концепций в ряде смежных гуманитарных дисциплин – истории и историографии, археологии и генетике, цивилистике, культурологии и политологии. Ибо Ботай, открытый выдающимся археологом В.Ф. Зайбертом в Айыртауском районе северного Казахстана представляет собой яркий и многозначный феномен, способный дать ответ на ряд вопросов, на которые наука еще не дала своего ответа.

К ним можно отнести и нашу гипотезу о значительной роли Ботая в возникновении ранних зачатков политических отношений в данном регионе Центральной Азии, а вместе с

ними – становлении и эволюции института государственности. На формирование данного процесса оказали существенное влияние несколько факторов. Остановимся на них более подробно.

Одним из наиболее значимых является органичный взаимодополняющий синтез двух основных цивилизационных метасистем – Номадической и Оседлой цивилизаций, произошедший в этом ареале Центральной Азии.

Другим фактором, повлиявшим на становление процессов политогенеза является domestикация лошади.

Комплексные исследования казахских ученых по результатам найденных археологических артефактов показывают не только высокий уровень развития ботайцев, но убедительно подводят к открытию: народ, исторически кочевавший на степной территории Евразии в IV тыс. до н.э. одомашнил лошадей и успешно её разводил. Этот факт и последствия domestикации лошади, ее приручение для хозяйственных надобностей определили принципиально новую систему коммуникации всего человечества – после нескольких миллионов лет эволюции человечество перешло от пешей коммуникации к конной. Если рассматривать данный тезис на примере северного Казахстана, то изменение коммуникаций обусловило появление и взаимодействие в этом регионе свыше 25 соседних самостоятельных поселений, находящихся друг от друга на расстоянии однодневного конного пути [2], что и способствовало в конечном счете возникновению Ботайской политической, экономической, религиозной и культурной общности.

С исторической же точки зрения феномен приручения и последующего многофункционального использования лошади как средства передвижения, тягловой силы и основы военной организации – конницы и всадников, вооруженных луками и стрелами – кардинально изменил весь ход дальнейшего развития истории на многие тысячелетия вперед. Данный факт дополняется и другими аналогичными открытиями domestикации лошади в других регионах и культурах, например, в Причерноморье, Ближнем Востоке и Юго-Западной Азии. Тем не менее, именно ботайский пример является одним из самых впечатляющих и доказанных.

К наиболее важным ключевым аспектам роли и значения Ботая относится возможность теоретически и практически

подтвердить факт перехода от кочевого к полуоседлому образу жителей данного общества. Найденные археологические артефакты [2-8] свидетельствуют, что жители данного общества, оставаясь кочевниками по духу и формам хозяйствования, в весенние, летние и осенние периоды, в зимнее время покидали степные просторы и жили в поселениях городского типа. Так, впервые в степях Евразии люди стали строить капитальные деревянные сооружения с использованием оригинальных архитектурных приёмов, ставших революционными в домостроительной технологии не только для эпохи энеолита, но и для более позднего времени.

Использование в качестве строительных материалов, имеющих в изобилии в данной местности – дерева, бересты, земляных пластов, глины, костей лошадей и др. [9], свидетельствует не только о навыках строительства, но и знании ботайцами особенностей окружающей экоприродной среды. Тем самым еще в ту далекую эпоху ботайцы выстраивали единый природно-экономический комплекс, основанный на целостном культурогенезе, включающим в себя как экологические знания и единство с природой, так и постепенное формирование и развитие на понимании и связи с природой ряда самобытных религиозных, духовных и политических составляющих данной степной культуры. Вкупе это привело к высокому для своего времени уровню социально-экономических, идеологических и культурных характеристик, достигнутых во многом благодаря синтезу и взаимодействию кочевых и полуоседлых/оседлых классификационных компонентов.

Помимо уникальных достижений и открытий в древних формах и стилях архитектуры, раскопки и исследования артефактов показали, что в Ботайском городище местные ремесленники умели изготавливать различные предметы быта и воинского снаряжения из медных сплавов. Причем, и это исторический парадокс – искусство мастеров и кузнецов Ботая датируется за две тысячи лет до начала эпохи бронзы.

Одним из показателей высочайшего уровня развития и достижений любой цивилизации является познание Вселенной, выработка на этой основе самобытных духовных и религиозных учений, а конкретным материальным свидетельством является создание календарей, отражающих особенности культурогенеза, кочевых или оседлых форм хозяйствования,

духовной и сакральной связи Человека с Природой. Календари древних народов, сообществ и цивилизаций, зафиксированные в разнообразных артефактах, петроглифах и, более поздних письменных текстах, а также в сохранившихся в устной культуре ряда кочевых народов, представляют собой не только глубокое знание астрономии, но само движение звезд и ночных светил и планет обусловило появление различных календарей в силу различия форм хозяйствования. Наиболее известный из них – Египетский, был создан кочевыми племенами. Что касается календаря, найденного в Ботаяе, то он также создавался кочевниками, и его появление было вызвано объективными хозяйственными потребностями скотоводства как результата доместики лошади.

Краткий экскурс выше изложенных культурных достижений Ботая важен и значим для процессов политогенеза. Прежде всего отметим, что работы В.Ф.Зайберта и наш междисциплинарный анализ показал, что данная археологическая культура обнаруживает истоки таких историко-культурных и социально-политических тенденций, как зарождение и формирование государственности на основе общности территории, формирования института вождества, единой системы идеологических и духовных представлений, формирования военной организации и военных технологий, что привело к социальной стратификации, основанной на особой политической и сакральной роли вождей и шаманов.

Более того, объединение отдельных индивидуумов в локальные группы по семейно-родственным признакам и последующее объединение на основе племенной организации и вождества, имело место быть во всех местах проживания первобытного и древнего человека [1, 10, 11]. Суть значения Ботайского общества в том, что, наряду с другими подобными примерами, именно в здесь, в евразийских степях Центральной Азии, мы видим по найденным археологическим артефактам конкретную форму потестарной политической системы, основанную на социальном функционировании общества под единым руководством в лице вождя племени, духовного руководства в лице шамана и военного управления в лице лидеров военной страты. Эта триединая модель социально-политической организации социума стала основной практически у всех племенных сообществ. Данная форма социальных отношений

просуществовала многие века и тысячелетия вплоть до формирования первых государств.

Исследования В.Ф. Зайберта и ряд работ других ученых подтверждают данные тезисы о существовании политической структуры Ботайского общества, к основным признакам которой можно отнести институт вождества, наличие духовного и политического центра, социальную стратификацию и профессионализацию той или иной общественной деятельности, а также формирование военной организации и военного производства. Важно также, что социальная структура четко подразделялась на политическую власть (глава племени) и духовную (шаман), каждая из которых располагалась в центре городища, обозначая свое влияние. Причем, эти два центра соединялись сквозным проходом от жилища вождя к жилищу шамана как к сакральному центру.

Подводя краткие итоги, можно констатировать, что с учетом периодизации становления и развития Ботайской археологической культуры, относящейся к самым ранним этапам политогенеза, можно считать, что представленная здесь политическая организация и система власти представляет собой «промежуточную форму политической структуры, в которой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но ещё нет формального и тем более легализированного аппарата принуждения и насилия» [1, с. 182]. Следовательно, вождество в Ботае представляет собой промежуточное положение между родоплеменной общиной и нарождающимися чертами государственности. Именно данная государствообразующая структура на основе синтеза оседлого и кочевого образа жизни ботайцев позже начинает распространяться на обширной территории Евразийских степей. Так, кочевой образ жизни вкупе с domestikацией лошади и появлением первых полуоседлых и оседлых поселений привели к зарождению протогосударственных форм. В этом смысле пример Ботая исключительно значим как пример и успешный опыт в социально-политическом развитии на основе института вождества, включающим в себя три основные функции управления социумом: политическую, духовную и военную.

Тем самым можно отметить, что исследования археологов, историков, философов и искусствоведов, начатые первооткрывателем Ботая В.Ф. Зайбертом, свидетельствуют о колоссальных потенциальных данных Ботая для изучения древнейших форм, способов и типов организации кочевых и оседлых обществ Центральной Азии. А это значит, что в изучении вопросов политогенеза Центральной Азии место и роль Ботая еще предстоит исследовать.

Список литературы

1. Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980 № 1: 172—186. – С. 182.
2. Зайберт В.Ф. Ботайская культура. - Алматы: КазАкпарат, 2009. - 566 с.
3. Зайберт В.Ф. Отчеты по полевым исследованиям. 1984-2014 гг.
4. Зайберт В.Ф. «Ботайская культура». Степная цивилизация восточной Евразии (Древние эпохи). - Астана. 2003.
5. Зайберт В.Ф. Ботай. Дала өркениетінің бастауында: Кітап-альбом. – Алматы: «Балауса» баспасы, 2011. – 480 б .сур. – қазақша, орысша, ағылшынша.
6. Зайберт В. Ботай. – Алматы: Балауса баспасы, 2020. – 480 с.
7. Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Тайны древней степи. (Исследования поселения Ботай в 2004-2006 гг.). Коллективная монография. – Кокшетау: Издательский центр Кокшетауского университета, 2007. – 163 с.
8. Зайберт В.Ф., Оутрам Алан, Байгунаков Д.С., Бексейтов Г.Т., Наурызбаева Э.К., Каражигитова А.Е., Ренато Сала, Жан Марк Деом. Сакральные контексты Ботайской культуры: / - Астана: 2018. – 173 с.
9. Зайберт В.Ф., Кисленко А.М., Иванов И.В. О реконструкции ботайских жилищ // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул, 1983, с. 141-143.
10. Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. — М.: Восточная литература, 1995: 11-61.
11. Oberg K. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America // American Anthropologist, 1955.

© Аязбеков С.А., 2022

Аязбекова Сабина Шариповна
Доктор философских наук, профессор
МГУ имени М.В.Ломоносова, Казахстанский филиал
Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Ботай» МКС РК
Нур-Султан
E-mail: ayazbekova@mail.ru

Ayazbekova Sabina Sharipovna
Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Kazakhstan branch
Botai State Historical and Cultural
Museum-reserve
Nur-Sultan
E-mail: ayazbekova@mail.ru

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ОСЬ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОМАДИЧЕСКОЙ
И ОСЕДЛОЙ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ БОТАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ)**

**CENTRAL ASIA AS AN AXIS OF INTERACTION OF
NOMADIC AND SETTLED WORLD CIVILIZATIONS
(ON THE EXAMPLE OF BOTAI ARCHAEOLOGICAL
CULTURE)**

Аннотация: Ботайская археологическая культура, открытая В.Ф. Зайбертом на территории Северного Казахстана в Урало-Иртышском междуречье, относится к периоду энеолита (IV-II тыс. до н.э.); по местоположению и значимости является центральной не только в Центральной Азии, но и на всем Евразийском континенте. Ботайская культура является одним из самых ранних обнаруженных и изученных центров domestikации лошади; обладает высокой сте-

пенью воздействия на мировые и локальные цивилизации.

В статье впервые Ботайская культура рассматривается в контексте Номадической и Оседлой мировых цивилизаций. Определено, что ее основные характеристики и особенности возникли в процессе взаимодействия этих мировых цивилизаций.

Работа выполнена по гранту BR10162994 «Археологические научно-экспериментальные исследования на поселении Ботай и моделирование систем обеспечения, образа жизни и мировоззренческо-сакральных контекстов носителей ботайской культуры». Источник финансирования – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Ключевые слова: В.Ф. Зайберт; Центральная Азия; Великая степь; Ботайская археологическая культура; Номадическая и Оседлая мировые цивилизации.

Abstract: Botai archaeological culture, discovered by Victor Zeibert on the territory of Northern Kazakhstan in the Ural-Irtysh interfluvium, belongs to the Eneolithic period (IV-II millennium BC). Botai culture's significance is important not only to Central Asian studies, but for the studies of Eurasian continent. The Botai culture is one of the earliest discovered and studied centers of horse domestication; it has impacted both global and local civilizations.

In this article the Botai culture is considered in the context of the Nomadic and Settled world civilizations. The author concludes that its main characteristics arose in the process of interaction between these world civilizations.

Keywords: Victor Zeibert; Central Asia; Great Steppe; Botai archaeological culture; Nomadic and Settled world civilizations.

Центральная Азия – регион, охвативший территории Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Монголии, Афганистана, степные районы северо-западного Китая, южной России, севера Пакистана и северо-востока Ирана.

На большей части Центральной Азии простирается Евразийский степной пояс, находящийся в его центральной части и простирающийся практически от берегов Тихого океана до Восточной Европы и от реки Хуанхэ до берегов Ледовитого океана. Насельники и ряд исследователей (Л.Н. Гумилев, М. Аджи) называют этот регион «Великая степь». Проживаю-

щие здесь с глубокой древности племена вели кочевой образ жизни. Не случайно поэтому, Центральная Азия ассоциирована с кочевниками.

Однако образ Центральной Азии будет неполным, если не принять во внимание то, что Великая степь, как географический объект, представляет собой некоторую условность, поскольку наряду с собственно степной зоной она включает в себя много аazonальных ландшафтов – горных хребтов, поросших лесами, речные долины, оазисы в пустынях [10, с. 26-27]. Именно в них, в этих разнообразных аazonальных ландшафтах возникали древнейшие поселения и города.

Стало быть, Центральная Азия – это место, где взаимодействовали мир кочевья и оседлости, где сосуществовали части Номадической и Оседлой мировых цивилизаций.

Номадическая и Оседлая цивилизации представляют собой неразрывную пару синхронных мировых цивилизаций, распространенных на всех континентах, где проживает человек. В отличие от другой пары мировых цивилизаций – Востока и Запада, обусловленных разными культурно-историческими и географическими ареалами, Номадическая и Оседлая цивилизации могут сосуществовать в достаточно близких границах; их деление связано, прежде всего, с такой средой обитания, которая определяет возможности определенного образа жизни человека – кочевого или оседлого. Поэтому, с глубокой древности Номадическая цивилизация была распространена на степных, полустепных и пустынных территориях, тогда как Оседлая цивилизация формировалась на территориях, где возможны были высокопродуктивное рыболовство, загонная охота и земледелие. В результате такого деления географического ландшафта возникли два основных способа жизнедеятельности, что и привело к закреплению существенных характеристик двух видов синхронных цивилизаций – Номадической и Оседлой.

С верхнепалеолитического периода закладывались особенности Номадической и Оседлой мировых цивилизаций, в рамках которых, начиная с мезолита, возникали локальные цивилизации. При этом, если Оседлая мировая цивилизация, в основе которой находилось земледелие, породила территориально небольшие локальные цивилизации, то Номадическая мировая цивилизация, связанная со скотоводством, создавала достаточно обширные локальные цивилизации.

Границы между Номадической и Оседлой цивилизациями могут быть весьма условны даже в одном историческом периоде, не говоря уже о том, что они менялись на протяжении всей истории их сосуществования и развития.

Именно поэтому ареал распространения каждой из двух мировых цивилизаций – Номадической и Оседлой – не носит изолированный друг от друга характер, а во многих случаях может быть взаимопроникающим и подвижным, в зависимости от природных и социально-политических изменений. Несмотря на отдельные переходы в исторической эволюции от одной цивилизации к другой, обе цивилизации сосуществуют в одновременности, а потому по своему типу они относятся к синхронным мировым цивилизациям. Причем одновременно с формированием идентичности двух мировых цивилизаций на протяжении всего периода их существования прослеживается хозяйственная связь и глубокое духовное взаимодействие скотоводов и земледельцев. Высокий уровень взаимодействия во многом обусловлен и тем, что территориально они могли быть разграничены типами земель, пригодными для земледелия и скотоводства, находясь при этом в достаточно близком соседстве [3-6].

Это достаточно полно обнаруживается в Ботайской энеолитической археологической культуре (IV-II тыс. до н.э.), расположенной в северном Казахстане, в Урало-Иртышском междуречье. Здесь степь распространяется только в его южной части, тогда как северная часть представляет собой лесостепь, занятую черноземами. Причем, рядом с поселением Ботай и в его округе находится 10-12 га степного участка, который клином вторгается в реликтовый сосновый бор. Аналогичная ландшафтная ситуация характерна и для других поселений, входящих в Ботайскую археологическую культуру, – Рощинское и Красный Яр, рядом с которыми на степной части устраивались загоны [13, с. 9-18, 285]. Такое достаточно близкое соседство двух типов земель во многом и послужило основной причиной ведения и кочевого, и оседлого типов хозяйствования. Важно также и наличие разнообразных водных ресурсов, включающих десятки озер, рек, речных пойм и родников. Это дало основание первооткрывателю этой культуры В.Ф.Зайберту прийти к заключениям о том, что «эти участки представляли собой обширную экологическую нишу для заня-

тий отгонным, пастбищным скотоводством и земледелием», а стабильность экологической ниши Иртышской долины вкупе с поздненеолитическими и энеолитическими находками «позволяют прогнозировать не только временные, но и круглогодичные поселения» [13, с. 39, 45].

Синтез кочевого и оседлого типов хозяйствования, где начало продуктивной экономики было обусловлено скотоводством, наблюдается на Урало-Иртышском междуречье уже в атбасарском обществе (VII-III тыс. до н.э.), для которого характерны поселения до 2-3 тыс. кв. м, рыболовство, охота, собирательство, мастерские, добыча кремня и других пород, производство инструментов, керамики, технологии каменной и костяной индустрии, меновая торговля, приручение домашних животных [12]. Но наиболее ярко взаимодействие нomaдизма и оседлости проявляется в Ботайской культуре, где существовала многоукладная система экономики с доминированием коневодства, сочетанием присваивающих и экстенсивных форм развития хозяйства с оседлым и подвижным образом жизни, взаимосвязью различных хозяйственных и производных укладов, специализацией и разделением труда [13].

Важным представляется и то, что оседлость становится одним из первоначальных условий domestikации лошади. Как полагает В.Ф.Зайберт, процесс этот во многом стал возможен, благодаря использованию навыков высокопродуктивного рыболовства, которое возникло в этой части степной зоны, в изобилии имеющей реки, водоемы и поймы рек. Именно навыки рыболовства, такие как возведение «запоров», «забоев», «тшупов», ловушек – «морд» и вентиляей, а также круглогодично функционирующих малых замкнутых водоемов речной долины, создание «неприкосновенного» запаса, «склада», – все эти технологии и принципы ведения хозяйства были использованы в domestikации лошади. Сказались также и навыки загонной охоты, которая так же, как и рыболовство, возникла в условиях оседлости. Речь идет о сооружении рядом с поселками искусственных загонов и использовании рельефа местности для задержания животных, а потому «идея содержания отдельных особей диких животных в загонах могла реализовываться только в среде оседлых рыболовов и охотников. Это был первый шаг, который подготовил выдающееся событие – одомашнивание лошади» [13, с. 262].

Процесс перехода к оседлости наблюдался еще в период мезолита, когда люди рядом с разнообразными источниками воды строили свои жилища, а в осенне-весенний периоды осваивали новые территории [14, с. 127-128]. Представляется в этой связи, что именно этот фактор – взаимодействия кочевого и оседлого образа жизни, и послужил «Ответом» на вызов Природы, объединившей ареалы степи и леса. Именно это, на мой взгляд, и послужило той отправной точкой, которая и привела к зарождению в мезолите Тенгрианской локальной цивилизации – первой локальной цивилизации Великой степи, созданной на основе доминанты Номадической цивилизации и при ее взаимодействии с Оседлой цивилизацией [7-9].

На то, что взаимодействие Номадической и Оседлой цивилизаций обнаруживается уже на самых ранних этапах их развития, указывают также геномные исследования. Так, в результате этих изысканий было определено, что древние геномы Ботая представляют собой особый слой примеси, в который входят мезолитические геномы охотников-собирателей Европы, верхнепалеолитические геномы южных сибиряков и жителей Восточной Азии. Геномные исследования показали, что Ботай находится на перекресте – как времени, так и пространства, объединяющем более ранних охотников-собирателей и более поздних популяций бронзового века [11].

Геномные исследования Ботайских черепов также явно обнаруживают, что население Ботая не было генетически однородным, а имело несколько самых разных напластований. Что касается территории Евразийских степей (или как называют этот регион генетики – «Внутренней Евразии») с центральным местоположением в нем Ботая, то она представляет собой целостность географического порядка, выступая как экорегион с естественными барьерами в виде Кавказских и Памирских гор [2]. Адаптация к этой среде обитания и приводит к общности образа жизни – к кочевому скотоводству, что и обуславливает высокую степень генетического обмена, приводящего к многообразию в единстве составляющих геномную структуру насельников степи.

Современные геномные исследования также подтверждают, что в Евразии масштабные миграции людей в период около 5000-6000 лет назад (т.е. в период существования и расцвета Ботайской культуры) были обусловлены развитием коневод-

ства [1]. Доминирование кочевого образа жизни, зафиксированное в генетике Ботайского человека, также подтверждается центральным местом Коня в жизни Ботайца.

Доместикация привела к значительным изменениям не только видового фокуса ботайского коневодства, но и развитию цивилизационной парадигмы, проявляющейся в изменении генетического состава человека, в его хозяйственной деятельности, дальнейшей адаптации к природным условиям, формировании воспроизводящей экономики, увеличением размеров поселений и их взаимодействием, что, в конечном счете, отражает цивилизационный уровень развития, проявившийся в первоначальных основах государственности, социальной стратификации общества, религиозных представлениях, мировоззрении, культуре и искусстве Ботайцев.

Более того, анализ развития производительных сил общества показывает, что интенсивное развитие земледелия, приведшее оседлое общество к цивилизационному уровню развития, стало возможным лишь в условиях взаимодействия со скотоводством. В особой мере это проявилось в переходных зонах. Так, на территории Южной Сибири, находящейся на границе леса и степи, только благодаря соседству и поддержке кочевников существовали оседлые поселения и развивалось земледелие [15].

Пример Ботайской культуры свидетельствует о таких ее характеристиках, как формирование скотоводческого многоотраслевого и оседлого хозяйственнокультурного типа; тесная связь и взаимообусловленность природноэкологических и социально-культурных аспектов, большая роль инновационных воздействий на гармонизацию систем жизнеобеспечения; апробация, изменение и утверждение определенных экономических и социальных структур для всего УралоИртышского междуречья [13].

В древности взаимодействие кочевых и оседлых народов приводило к возникновению единого хозяйственно-экономического организма смешанного скотоводческо-земледельческого типа. Важно и то, что протогородские культуры УралоИртышского междуречья: Рошинское, Кеноткель, УстьНарым и другие вступали между собой в отношения взаимодействия, и в энеолитический и раннебронзовый периоды такие связи происходили в широтном направлении Евразии, не выходя за

границы леса и лесостепи [16], что, безусловно, способствовало формированию признаков государственности.

Более того, эти культуры стали результатом диффузии и позитивных накоплений от предшествующей культуры; а произошедшая в конце III тыс. до н.э. в силу экологического кризиса миграция части населения этого региона в районы Южного Урала, ВосточноКазахстанского Приишимья, Алтая и, возможно, на восток Азии способствовала формированию оседлокочевой территориальной, этнической и культурной целостности обширного региона Центральной Азии.

Список литературы

1. Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicus A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V. I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichevitz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E., (2015) Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 522, P.167–172. doi:10.1038/nature14507 Medline
2. Allentoft M.E., Sikora M., Sjogren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard PB, Schroeder H., Ahlstrom T., Vinner L. et al. 2015. Геномика популяций Евразии бронзового века // *Природа*, 522. С.167-172.
3. Аязбеков С.А., Аязбекова С.Ш., 2021. Цивилизации Великой степи: философско-культурологический анализ (к проблеме начала). 2-е изд. Нур-Султан: АСТ Полиграф. – с цвет. илл. 352 с. (Серия «Цивилизации и искусство Великой степи»).
4. Аязбеков С.А., Аязбекова С.Ш., 2021. Культура и искусство Великой степи: цивилизационный контекст. 2-е изд. Нур-Султан: АСТ Полиграф., – с цвет. илл. 392 с. (Серия «Цивилизации и искусство Великой степи»).
5. Аязбекова С.Ш., 2019. Цивилизации Великой Степи. Нур-Султан: Alexa. 223 с.
6. Аязбекова С.Ш., 2019. Искусство Великой Степи. Нур-Султан: Alexa. 205 с.

7. Аязбекова С.Ш., 2021. Тенгрианская цивилизация: генезис, ареал распространения, феноменология, этапы развития // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность»: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (22 - 23 сентября 2021 г., Архыз, Республика Карачаево-Черкесия, Россия). - 1-е изд., стер. – Международный Фонд исследования Тенгри. – С. 34-43. - https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47169011_11878335.pdf
8. Аязбекова С.Ш., 2018. Древние поселения и города как ранние очаги зарождения Небесной тенгрианской цивилизации // «Ұлы Дала» Ш-ші халықаралық гуманитарлық ғылымдар форумының материалдары (екінші бөлім), Астана: «Ғылым» баспасы. – Б. 412-323.
9. Аязбекова С.Ш. Сакральная история и география: тенгрианская цивилизация в зеркале археологии // Альманах «Мәдениет. Культура. Culture». 2017. № 1. - С. 14-35.
10. Гумилев Л.Н., 2007. Древняя Русь и Великая Степь. - М.: АСТ Москва, Хранитель. - С. 26-27.
11. Jeong Ch., Balanovsky O., Lukianova E., Kahbatkyzy N., Flegontov P., Zaporozhchenko V., Immell A., Wang C.-Ch., Ixan O., Khussainova E., Bekmanov B., Zaibert V., Lavryashina M., Pocheshkhova E., Yusupov Y., Agdzhoyan A., Koshel S., Bukin A., Nymadawa P., Churnosov M., Skhalyakho R., Daragan D., Bogunov Y., Bogunova A., Shtrunov A., Dubova N., Zhabagin M., Yepiskoposyan L., Churakov V., Pislegin N., Damba L., Saroyants L., Dibirova K., Artamentova L., Utevska O., Idrisov E., Kamenshchikova E., Evseeva I., Metspalu M., Robbeets M., Djansugurova L., Balanovska E., Schiffels S., Haak W., Reich D. & Krause J., 2018. Characterizing the genetic history of admixture across inner Eurasia // The American Journal of Human Genetics. 23.05. - doi: <https://doi.org/10.1101/327122>
12. Зайберт В.Ф., 1992. Атбасарская культура. – Екатеринбург, УрО РАН, - 222 с.
13. Зайберт, В.Ф. Ботайская культура. Алматы: КазАқпарат, 2009. - 576 с.
14. Зайберт В.Ф., Потемкина, Хотинский Н.А., 1981. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // Советская археология. № 1, с. 107-129.
15. Маншеев Д.М., 2010. Роль переходной зоны (Южной Сибири) в истории кочевых империй / Д.М. Маншеев // Вестник Бурятского государственного университета. Востоковедение. История. Вып. 8. – Улан-Удэ. — С. 216-221.
16. Петров А.И. 1986. Эпоха позднего энеолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: автореф. дис. ... канд. ист. наук.- Кемерово, - 18 с.

Богомоллов Геннадий Игоревич
*Кандидат исторических наук,
Старший научный сотрудник,
Старший научный сотрудник Национального центра
археологии Академии Наук Республики Узбекистан,
г. Ташкент*
gennadiybog54@mail.ru

Bogomolov Gennady Igorevich
*Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Senior Researcher of National Center of Archeology Academy
of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent*
gennadiybog54@mail.ru

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДРАКОНА ИЗ КАВАРДАНА

ON THE INTERPRETATION OF THE IMAGE OF A DRAGON FROM KAVARDAN

Аннотация: Археологическое изучение средневековых городских центров Ташкентского оазиса показывает, что в IX-XII вв., несмотря на безусловный приоритет ислама, в народной культуре населения оазиса сохранялось множество представлений и образов, восходящих к доисламским верованиям. Примеры этой тенденции прослеживаются по материалам городища Кавардан, который являлся крупным ремесленным и культурным центром в северо-восточной части Ташкентского оазиса. В статье рассматривается редкая находка для Ташкентского оазиса – изображения дракона на ручке керамического кувшина и его семантика.

Ключевые слова: Ташкентский оазис; городище; Кавардан; кувшин; дракон; образ; культ; символ

Abstract: Archaeological study of the medieval urban centers of the Tashkent oasis shows that in the 9th-12th centuries, despite the unconditional priority of Islam, the folk culture of the oasis population

retained many ideas and images dating back to pre-Islamic beliefs. Examples of this trend can be traced from the materials of the settlement of Kavardan, which was a major craft and cultural center in the northeastern part of the Tashkent oasis. The article considers a rare find for the Tashkent oasis of the image of a dragon on the handle of a ceramic jug and its semantics.

Keywords: Tashkent oasis; settlement; Kavardan; jug; dragon; image; cult; symbol

Богатая художественная культура ислама составляет важную часть историко-культурного наследия Узбекистана. Археологическое изучение средневековых городских центров Ташкентского оазиса показывает, что в IX-XII вв. в материальной (бытовой) культуре населения сложился безусловный приоритет ислама. Маркерами этого процесса в городской застройке стали существование мечетей и других зданий характерных для исламской архитектуры, наличие надписей религиозного характера в архитектурном декоре, на монетах и на предметах быта, соблюдение религиозных норм в погребальной практике. Однако с охватом, казалось бы, всех сфер жизни средневекового населения исламским мировоззрением и предписаниями находится немало свидетельств, что в народной культуре сельского и городского населения все еще сохранялось множество представлений и образов доисламских верований. Ярким примером этого являются керамика и предметы торевтики этой эпохи, где наряду с арабскими надписями, геометрическими и растительными узорами нередко присутствуют изображения животных, людей, а также причудливые фантастические мифологические существа, чьи образы восходят к доисламской эпохе.

Все это в полной мере можно отнести к находкам с городища Кавардан, которое было одним из самых крупных археологических памятников (городских центров) северо-восточной части Ташкентского оазиса. Его общая площадь составляет 75 гектар. К IX-XII вв. это уже крупный ремесленный и культурный центр обширной территории к северо-востоку от Ташкента между Чирчиком и долиной Ахангарана. Еще сравнительно недавно эта местность называлась «Джеттыкент» – «Семь городов» – «Семиградье». Географически этот район представля-

ет собой обширную площадь адыров – невысоких маловодных предгорий Чаткальского хребта между бассейном рек Чирчика и Ахангарана. Тем не менее район издавна служил местом притяжения и кочевников-скотоводов и земледельцев. В эпоху бронзы и раннего железа на его территории возникает поселение ранних земледельцев бургулюкской культуры. Затем эту территорию осваивают земледельцы и скотоводы каунчинской культуры, возникает курганный некрополь и поселение, которое уже к началу раннего средневековья разрастается в город. В эпоху раннего средневековья правители города даже выпускали собственную медную монету. Кавардан упоминается в списке городов в сочинениях арабских и персидских географов под именем Кабарна [1, с. 68]. Высший расцвет города относится к X–XII вв. Здесь осуществлялся торговый обмен с кочевниками горных районов, пролегал древний торговый путь, функционировали многочисленные ремесленные мастерские. Кабарна-Кавардан самый крупный из городов «Семиградья». Через него лежал древний путь по левобережью Чирчика к Газалкенту, Ходжикенту и другим городам Южного Чаткала, связанных с добычей и переработкой минералов.

Все это не могло не сказаться на своеобразии материальной культуры Кавардана. Особенно интересна находка неполного кувшина с изображением дракона на ручке (Рис. 1). В настоящее время эта находка хранится в археологическом фонде Государственного Музея истории Узбекистана АН РУз.

Материал исследования. Изделие представляет собой верхнюю часть и боковину одноручного тонкостенного кувшина, обнаруженного в процессе раскопок на цитадели городища. Сохранившаяся высота сосуда – 24 см, нижняя часть не сохранилась. Цилиндрическая горловина высотой 7,5 см, диаметр по венчику – 7 см. Налеп с полуфигурой дракона длиной – 5,7 см. Сосуд был изготовлен на гончарном круге. Черепок в изломе – желтовато-коричневатого цвета, плотный, хорошего промесса с включением в глиняное тесто в качестве отощителя небольших добавок мелко растертого гипса. Обжиг в норме, ангобного покрытия нет, но поверхность его заглажена. У кувшина биконическое тулово, заметно расширенное в верхней трети и сужающееся к низу. Горловина – цилиндрической формы, немного расширяющаяся в верхней части. Венчик – подтреугольной формы с выступом во внешнюю сторону. Его

верхняя наклонная площадка нарезана при круговом вращении круга на три валика – по середине широкий и два узких по краям. Валики дополнительно украшены полосой из косых насечек, нанесенных острием ножа. С внутренней стороны горловины под венчиком проведен широкий желобок. Основание горловины тоже выделено валиками, причем нижний более широкий и украшен короткими насечками.

С одной стороны на плечики почти под прямым углом посажен цилиндрический слив. Верхняя часть его сохранилась не полностью, но видно, что он был Т-образной формы. Один конец его примыкал к горловине, другой – был трансформирован в утраченный носик. В месте крепления к горловине по бокам посажены пуговичные налепы. С лицевой стороны рожок украшен прочерченной вертикальной полосой в виде веточки. Внизу в основании рожка помещен листовидный налеп также украшенный косыми линиями.

С противоположной стороны на плечики сосуда посажена массивная ленточная ручка, возвышающаяся над устьем. Она овальная в сечении, по середине спинки проходит невысокий валик. Кроме того, края ручки по спинке украшены косыми насечками, а валик по середине – короткими горизонтальными. Но наиболее интересна деталь декора, помещенная на участке, примыкающим к устью, это налеп оформленный в виде фантастического существа – дракона. Двумя лапами он как бы схватился за край устья. На лапах надеты браслеты в виде валиков, а сами они украшены короткими насечками. Его голова тоже лежит на венчике. Голова удлиненной, подпрямоугольной формы с оскаленной пастью. К сожалению, часть её отбита. Глаза круглые, выпуклые, посажены по бокам носа. Брови длинными прямыми прядями (с тонко прочерченными линиями волос) уходят за затылок почти до начала спины, где помещен круглый пуговичный налеп. Ниже (в верхней части спины) к нему примыкает валютообразный элемент, образованный валиком, концы которого завернуты внутрь и закручены в разные стороны. С внешней стороны поверхность валика также украшена насечками. Дальше вниз по ручке идут три ряда насечек, вероятно, намекавшие на чешуйчатое тело дракона. В основании ручки помещен еще один плоский пуговичный налеп, только более крупных размеров. Вдоль его края проходит полоса с короткими насечками.

Анализ и обсуждение. Согласно проводившим раскопки на Кавардане археологам К. А. Алимову и У. А. Алимову, сосуд с драконом происходит из слоя XI века. Видимо, сосуд подражал изделию из бронзы, но его форма, состав теста и отдельные детали элементов декора находят аналогии среди местной гончарной продукции, а также среди комплексов других городских центров, что позволяет видеть в нем не привозное изделие, а продукцию местных мастеров. Более того, на наш взгляд можно даже несколько уточнить его датировку. Например, желобок под венчиком с внутренней стороны цилиндрической горловины в сочетании со скошенной внешней гранью венчика появляется во второй половине VIII века, но становится массовым явлением лишь в конце X - начале XI вв. [8, с. 264, рис. 93].

К сожалению, прямых аналогий находке из Кавардана обнаружить не удалось, скорее всего, прототипом послужил импортный образец – китайский сосуд из бронзы. Именно к китайским образцам больше всего близок облик дракона – вытянутая морда, длинные пряди бровей, валютообразный элемент, посаженный на спину. Однако состав глиняного теста, форма сосуда, обработка его поверхности и приемы декорирования характерны для местного производства. Причем каварданский мастер, имитируя импортный образец, безусловно опирался на местные представления и восприятия образа. Но пока этот кувшин с Кавардана стоит особняком. Впрочем, находки с изображением дракона в художественной культуре Средней Азии эпохи Средневековья вообще редки.

Для территории Ташкента средневекового периода известна еще одна находка изображения дракона – это круглый медальон-подвеска из бронзы. Диаметр изделия 4,3 см, толщины – 4-5 мм. Сверху припаяно ушко прямоугольной формы. На обе стороны нанесены низко рельефные изображения. На лицевой стороне в кольцевом ободке изображен всадник, который скачет влево и стреляет из натянутого лука. Между ног лошади помещено схематическое изображение собаки. На оборотной стороне сделано изображение извивающегося дракона, которое по краю охвачено волнистым ободком. Его перекрученное туловище обрамлено волнистым гребнем и завершается раздвоенным хвостом, а крупная голова оказалась в центре кольца. Голова с разинутой зубастой пастью увенчана рогом в виде

грибовидного отростка. Лапы когтистые, как у хищника [3, с. 43-44].

Почти точная копия ташкентскому медальону была найдена в 1978 г. в Южном Казахстане, при раскопках городища Отрар, которую казахские исследователи датировали XIII-XIV вв. [1, с. 1981] (Рис. 2, 1-2). По мнению Ю. Ф. Бурякова, различия между изделиями проявляются лишь в индивидуальной проработке деталей рисунка по матрице. Причем ташкентский медальон может быть даже немного более ранней репликой, хотя и хуже сохранившийся. Для нас наиболее важен другой его вывод, что эти «медальоны были выполнены не просто как памятники искусства и были рассчитаны не для изысканного представителя городской знати. Основное внимание в них уделено не столько художественному оформлению изображения (экспрессия рисунка в значительной части утрачена), сколько смысловому звучанию композиции объекта», где и всадник, поражающий цель, и дракон выполняли единую задачу – талисмана, охраняющего его владельца от врагов [3, с. 45].

Соответственно появление, на первый взгляд, такого необычного образа на кувшине на самом деле имеет свою длительную традицию почитания змей и драконов. К змеям практически у всех народов существовало двойственное отношение: с одной стороны представления о них как о нечто темном, олицетворении зла, с другой – вера в их таинственную силу, обладание некими сокровенными знаниями и магическими способностями, возможностью наделять плодородием и богатством.

В китайском искусстве изображения драконов были известны уже в иньское время, но окончательно стереотип их изображения сложился в ханьскую эпоху. С этого времени широко распространяются изображения драконов с рогами, удлиненным змеевидным телом и характерной как бы «распластанной» позой, с длинной пастью и хвостом, который нередко завершался раздвоением или ветвистыми ответвлениями. Причем уже в ханьское время различались три вида драконов.

В культуре Китая дракон – лун(ь) – входил в состав четырех «божественных» существ и являлся сосредоточием императорской власти, которые были благостны для власти и государства. Каждый из них покровительствовал сторонам

света, но, кроме того, желтый дракон Хуан-лун соотносился с центром и являлся сосредоточением императорской власти. В свою очередь, Хуан-лун коррелировался с божеством земли Хоу-гу и первым небесным императором Хуан-ди, поэтому изображения Хуан-луна (пятипалого дракона) были присущи только императорским одеяниям (7, с. 80).

Еще одним видом дракона, который встречается на зеркалах и сосудах, является дракон без лап, или дракон водного типа - лун-юй. В Китае, поскольку этот дракон был связан с водой, его изображения помещали у опор мостов или у дождевых сливов в кровле зданий.

В то же время образ дракона не был чужд и среднеазиатскому искусству. Образ дракона здесь был представлен в нескольких вариантах, например, в росписях и лепнине раннесредневекового Пенджикента и Варахши. Один из них змей-дракон (без лап). Так, в Пенджикенте, в одном из помещений храма II расчищена настенная роспись с изображением четырехрукой богини (Наны), восседающей на троне, которым служит свернувшийся дракон. У него длинная морда с закрытой пастью и торчащими из неё острыми зубами, густые черные брови и длинное змеиное туловище (Рис. 3, 1-2). Еще один образец подобного змеиного дракона происходит из дворца Варахши. От изображения дракона сохранилась только голова и шея, показанные в профиль. Морда изображена с раскрытой пастью и заостренными зубами; скульптура спинного гребня очень точная, с кольцевидными выступами; шея трубчатая, почти змеиная (Рис 2, 6.)

Другой тип дракона представлен в двух сценах росписей так называемого Синего зала. В первой показан всадник (Рустам), сражающийся со схватившим его драконом, у которого антропоморфная верхняя половина туловища, а остальная, основная часть, змеиная (Рис. 2, 4-5). Во второй сцене дракон повержен, и из его ран бьют ядовитые струи. Кстати, в Авесте, в Замйад-Яште говорится о чудовище-драконе Сруваре, глотавшего коней, полного желтого яда. Когда его убили, яд из ран бил высотой в сажень. Еще один тип дракона представлен среди образов глиняной скульптуры, обнаруженных при раскопках храма II в Пенджикенте. Было обнаружено три фрагментированных изображения. От первого сохранилась только морда животного, изображенная в профиль, с открытой пастью. От

второго сохранилась морда — также в профиль, с раскрытой пастью — и передняя часть тела с коротким крылом и кошачьей лапой [9, р. 178, ill. 91]. Третий — предмет в виде глиняного полуцилиндра, фасад которого смоделирован в виде ниши, где помещены два сражающихся дракона, их тела геральдически противостоят друг другу, а их тела переплетены [9, р. 179, ill. 92]. По мнению А. М. Беленицкого, это тиара от более крупной глиняной скульптуры. Фигуры драконов здесь представляют собой сочетание нескольких животных: голова то ли волка, то ли собаки с полуоткрытой пастью, короткая борода ниже подбородка, уши и рога, спинной гребень, передние кошачьи лапы и короткие крылья, а нижняя часть змеиная (Рис 2, 3).

Безусловно, дракон это не исламский символ, но в то же время в исламской иконографии нет недостатка в изображениях драконов или змей, как изображавшихся одиночно, так и в виде пар, причем в разных контекстах, связанных с его значением.

Заключение. Таким образом, появление изображения дракона на кувшине из Кавардана не случайно и отражает собственные представления об этом существе, где он мог выступать символом плодородия и восприниматься как существо, обладающее способностью вызывать дождь и ветер. Растительная символика драконов указывает на то, что они могли выступать как дарители жизни, хранители вод, а значит, обеспечивать плодородие. Устойчивая связь растительной орнаментики с образом дракона наблюдается в культуре многих народов [9, с. 67-69]. Поэтому не удивительно, что связь дракона с плодородием отразилась в традиции исламского искусства изображать его на фоне или среди растительных побегов или облаков. Яркие примеры отражения этих представлений приводит М.А. Мамедов [4] и немецкий исследователь Joachim Gierlichs [10]. Например, на тимпанах ворот в Багдаде драконы изображены на фоне переплетенных растительных побегов [4, с. 61, рис 5]. На портале мечети Сейит Джамал ад-Дина в Анау драконы тоже показаны среди извивающихся побегов растений (Рис. 3,3).

Второй половиной XII века датируется металлический котелок из Герата. Одним из центральных элементов его верхнего пояса является круглый медальон с лепестками по внутреннему краю, в центре на троне, скрестив ноги, сидит мужской

персонаж. К нему, разинув пасти, обращены два дракона (Рис. 3,6). А на бронзовой чернильнице XI-XII вв. из Мунчактепе (в Ферганском музее) в этой классической сцене драконы вообще трансформированы в S-образные растительные побеги [6, рис. 196-197]

Безусловно, в представлениях о драконе его образ тесно связан с водой. Он или сам живет в воде, или охраняет водный источник. Можно согласиться с мнением М.А. Мамедова, что образ авестийского Ажи-Дахака, к которому восходит и аждарха тюркских народов, в своей основе являлся персонализацией черных туч, закрывавших свет солнца, которые побеждает, разбивает бог-громовержец. Драконы связаны с культом дождя, и в этом одна из причин их появления на портале мечети Сейит Джамал ад-Дина в Анау. [4, с. 59].

Хтонические существа — драконы, змеи и демоны растительности, — как это было отмечено исследователями, играют особую роль в ритуале перехода к новому году. Драконы на портале мечети в Анау, как и львы на портале медресе Ширдор в Самарканде или фантастические птицы на портале Надира-Диван беги, связаны с Наврузом. Г.А. Пугаченкова приводит этнографическое наблюдение в Фергане, когда во время праздничных действий носили чучело аждархо (дракона), чтобы вызвать дождь для молодых посевов, и сопоставляет представления, лежащие в основе этого обычая с другим широко распространенным обычаем изготовления и запуска бумажного змея в весенние дни, который уже в начале XX века воспринимался как забава [5, с. 126]. В ряде традиций в подобных ритуалах происходит сжигание змеи (или ее символа), пепел которой используется в медицинских целях или для увеличения плодородной силы. Возможно, именно с этим связано распространение в XV веке «тимуридских» подсвечников в виде сплетенных драконов (Рис. 3, 4).

В то же время дракон выступает как символ войны, силы и власти. Соответственно часто его изображение, в том числе и на кувшине из Кавардана, могло служить оберегом.

Список литературы

1. Акишев А.К., Байпаков К.М. Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара // Советская Археология, Москва, 1981, №2 (С. 229-238)

2. Буряков Ю.Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, Изд-во ФАН, 1978. (103 с.)
3. Буряков Ю.Ф. Медальон воина XIII-XIV веков из Ташкента // Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1983, №2. С. 43-450
4. Мамедов М.Л. Генезис образа драконов в искусстве Центральной Азии // Культурные ценности 2002-2003. СПб, издательство «Европейский дом», 2004. С. 56-69.
5. Пугаченкова Г.А. Драконы мечети Анау // Советская Этнография, Москва, 1956, №2 (С. 125-129)
6. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, Гос. издат. УзССР, 1958. 291 с.
7. Словарь китайской мифологии. Составитель М.А. Кукарина. Москва, ЗАО издательство Центрполиграф, 2011 (218 с.)
8. Соколовская Л.Ф. Незлаурованная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб конца VII - нач. XIII вв.) // Археология Центральной Азии. Архивные материалы. Том 1, Самарканд, МИЦАИ, 2015. 288 с.
9. Чеснов В.Я. Дракон: метафора внешнего мира /Мифы и обряды Восточной и Юго-Восточной Азии. Москва, Глав. Ред. Вост. Лит. «Наука» 1986. С. 59-72
10. Belenizki, A.M. *Mittelasien Kunst der Sogden*. Leipzig, VEB E.A Seemann Buch und Kunstverlag. 1980. 240 p.
11. Gierlichs Joachim. *Drache, Phönix, Doppeladler. Fabelwesen in der islamischen Kunst*. Berlin, 1993. 68 p.

Список иллюстраций

Рис. 1. Городище Кавардан. Кувшин с изображением дракона.

Рис. 2. Дракон в художественной культуре Средней Азии. 1 – медальон из Отрара, лицевая сторона со всадником (по Акишеву, Байпакову 1981); 2 – медальон из Отрара, оборотная сторона с драконом (по Акишеву, Байпакову 1981); 3 – сплетенные борющиеся драконы, глиняная скульптура из Пенджикента (по Беленицкий 1973.) на серебряной чаше из Гос. Эрмитажа (по Ремпелью Л.И.); 4-5 – дракон схвативший воина (Рустама), сцена на росписях Пенджикента и ее прорисовка (по Маршаку 2009); 6 – дракон, фрагмент ганчeveго фриза из Варахши.

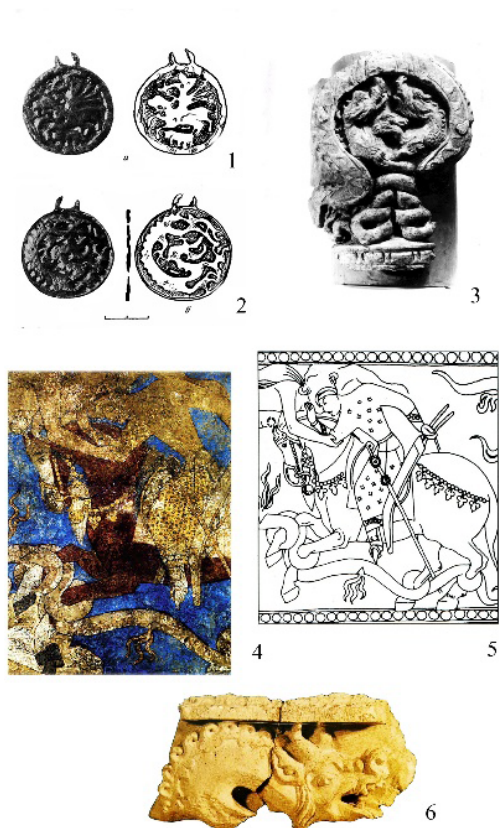
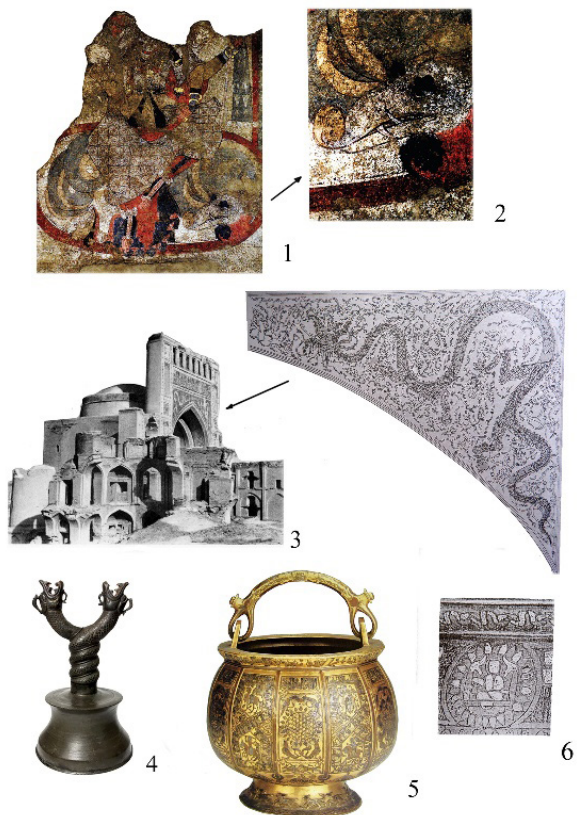

Рис. 3. Дракон в художественной культуре Средней Азии. 1 – Богиня, сидящая на драконе. Настенные росписи Пенджикента. (по Маршак 2009); 2 – деталь – голова дракона; 3 – мечеть Сейит Джамал ад-Дина в Анау с драконами на портале и прорисовка одного из них (по Мамедов 2004); 4 – подсвечник со сплетенными драконами (Иран); 5 – котелок XII из Государственного Эрмитажа с изображением драконов в виде ручек (Иран); 6 – медальон с изображением правителя на троне с драконами на металлическом котелке XII века из Герата (по Мамедов 2004)

Мусакаева Альфия Адилевна
Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
хранитель фонда нумизматики
Государственного музея истории Узбекистана
Академии Наук Республики Узбекистан, г. Ташкент.
musakaeva07021959@mail.ru

Musakaeva Alfya Adilevna
Candidate of Historical Sciences,
senior researcher, curator of the numismatics fund of the
State Museum of the History of Uzbekistan
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent.
musakaeva07021959@mail.ru

ЛЬВЫ НА МОНЕТАХ ЧАЧА И СЕМИРЕЧЬЯ

LIONS ON THE COINS OF CHACH AND SEMIRECHYE

Аннотация: Статья посвящена монетам с изображением льва, в частности группе «Лев на черте». Монеты с изображением льва на черте встречаются как на территории области Чач, так и в Семи-речье. Исследуются истоки этого образа, восходящие к античным чеканам Малой Азии. Анализ иконографии монет показал, как хронологически и территориально проходило изменение образа льва на черте. Выделен новый тип монет этой группы и предложена его датировка. Представлена классификация монет группы «Лев на черте». Рассматривается политическая ситуация в период чекана монет исследуемой группы.

Ключевые слова: Чач; Семиречье; чекан; монета; иконография; группа; тип; вариант; лев на черте; Тюргеши; Западный каганат

Abstract: The article is devoted to coins with the image of a lion, in particular the group “Lion on the line”. Coins with the image of a lion on the line are found both on the territory of the Chach region and in

Semirechye. The origins of this image, dating back to the ancient coinage of Asia Minor, are investigated. The analysis of the iconography of the coins showed how chronologically and geographically the change of the image of the lion on the line took place. A new type of coins of this group is identified and its dating is proposed. The classification of coins of the “Lion on the line” group is presented. The political situation in the period of coinage of the studied group is considered.

Keywords: Chach; Semirechye; minting; coin; iconography; group; type; variant; lion on the line; Turgeshi; Western Kaganate

Монеты с изображением льва, как правило, сопровождающиеся изображением вилообразной тамги, локализуют в Чаче. Помимо Чача, монеты с изображением льва известны для Семиречья, для территории Бухарского Согда (Рис. 1 №2) и Восточного Согда. В Западном Согде монеты с изображением льва влево, реже вправо, известны для периода поздней античности. Они помещаются на лицевую сторону монет с изображением креста (Варахша, Пайкенд). Изображение черты под ногами западносогдийских львов отсутствует. В Восточном Согде на городище Пенджикент найдены монеты по типу чачских и отрарских монет, но со своеобразной, согдийской легендой и чачским знаком. Их датируют периодом раннего средневековья. С отрарским чеканом связывают монеты с изображением льва на одной стороне и рунической монограммой в окружении двух рядов согдийских легенд на другой стороне. Отрарские монеты со львом датируют периодом раннего средневековья. Кроме того, на Отраре находят анэпиграфные раннесредневековые монеты с изображением сильно стилизованного льва на лицевой стороне и с тамгой Чача на оборотной.

Самую многочисленную группу составляют раннесредневековые монеты Чача с изображением льва и тамги – они, как по численности, так и по разнообразию типов наиболее информативная группа. О. И. Смирнова на монетах Чача с изображением льва и вилообразной тамги предлагала несколько вариантов чтения легенды: или $\gamma\omega\beta\omega tr'\beta'$ (traβ'?) / $tr'\beta\check{c}$ (trnβč?) или $\gamma\omega\beta\omega tr'/n\beta'$ или $\gamma\omega\beta\omega tr\rangle n\beta\check{c}$ (747—774). Имя на этой монете осторожно предлагала рассматривать как нисбу [14, с. 30-33]. Относительно чтения первого слова расхождений нет. Это традиционный для среднеазиатских, раннесред-

невековых владений титул « $\gamma\omega\beta\omega$ » – «государь, правитель». Чтение второго слова вызывает разногласия. Э. В. Ртвеладзе предлагает видеть здесь титул и имя правителя – Тарнавч: « $\gamma\omega\beta\omega \text{ trn}\beta\check{\text{c}}$ » (10, с. 33) или как: « $\text{trn}\beta\check{\text{c}}$ » – ««Тарнабч» [11, с. 55]. В продолжение предположений О.И. Смирновой были изучены монеты этой серии и представлено чтение легенды, близкое к вариантам её чтений: « $\gamma\omega\beta\omega \text{ tr } \beta \text{ n} \backslash \text{ tr } \beta \text{ n}$ » [4, с. 69]. Монеты с изображением семиреченских львов считают чеканом «глав тюркских родов» и экземпляр из Отрара датируют концом VII – началом VIII вв. [13, с. 65 – 81]. Однако, к сожалению, оснований для датировки монет со львом из Отрара никаких не приведено. В 1981 году О.И. Смирнова опубликовала новый тип монет из Пенджикента со львом, который идет не по черте, а по согдийской надписи « prn », обращенной внутрь (15, с. 380; №1546). Изображение льва расплывчатое, нечеткое. Обратная сторона по типу монет Трабна. В 2006 г. опубликована монета группы «Лев/руны» с городища Алтынтобе и датирована VII-VIII в. [1, с. 88].

Объектом наших исследований явились монеты, иконографический тип которых представлен изображением льва на одной стороне и тамгой с надписью на другой. Основная масса исследуемого материала – это монеты Чача из коллекции Государственного Музея истории Узбекистана АН РУз (далее ГМИУз), найденные преимущественно на городище Канка и монеты без сведений о месте находки из коллекций этого же музея. В результате исследования монет этого иконографического типа была выделена новая группа «Лев на черте», включающая в свой состав монеты с изображением льва на черте, но с разными оборотными сторонами, как для Чача, так и для Семиречья. Место локализации некоторых типов монет из этой группы пока точно не установлено.

Группа «Лев на черте»

№1. Монета. Лев на черте. Тип 1. Вариант 1

Л. Ст. Изображение реалистично переданного льва на черте с крупной головой с не густой, стилизованно изображенной гривой, переданной в форме крупных трех точек, четвертая точка передает изображение ушей. Хвост изогнут S-образно вверх. Над верхней челюстью нависает крупная лобная часть. Левая передняя нога приподнята, передающая движение хищника. Вокруг крупноточечный ободок. Об. Ст. изображение

знака в форме треугольника, из которого расходятся две линии, вокруг два ряда круговых легенд: во внешнем круге просматривается: «...[twɣwʃ?] ...», остальные знаки стерты или трудно распознаваемы. Изображение обрамлено крупноточечным ободком. Вес 2,365 г. Диаметр 21x20,7 мм. Соотношение осей – 7 часов. Медь. Монета найдена вблизи Келеса. Чангалзар. ГМИУз (Рис. 3, №1).

№2. Монета. Лев на черте. Тип 1. Вариант 2

Л.Ст.

Л.Ст. То же изображение льва на черте, но голова крупнее и более реалистично переданы ноги льва. Об. Ст. Тоже, но просматривается лишь знак и крупноточечный ободок. Знаки легенды не сохранились. Вес 1,57 г. Диаметр 21,6x17,5 мм. Соотношение осей – 12 часов. Медь. Место находки – городище Канка. П.м. ГМИУз. КП 4911. (Рис.3 №2).

№3. Монета. Лев на черте. Тип 2. Вариант 1.

Л.Ст. Изображение льва с очень крупной головой на черте, шагающего вправо. Грива не просматривается. S-образно изогнутый хвост поднят вверх. Вокруг толстолинейный ободок. Об.Ст. Тамга Чача острием влево, сверху и снизу от знака легенда: «ɣwʃw tr'βn». Вокруг толстолинейный ободок. Вес 2,23 г. Диаметр 20,7x18,4 мм. Соотношение осей – 12 часов. Медь, место находки не известно. ГМИУз. Н-462/78. (Рис.3 № 3).

№4. Монета. Лев на черте. Тип 2. Вариант 2.

Л.Ст. То же изображение льва с крупной головой и без гривы на черте вправо. Ввиду сохранности изображение плохо просматривается. Об. Ст. То же, как на предшествующем экземпляре, тамга Чача острием влево. Легенда: сверху: «ɣwʃw», снизу «tr'βn». Вес 1,73 г. Диаметр 21,2 мм. Медь. Место находки не известно. ГМИУз Н-456/28. (Рис.3 № 4).

№5. Монета. Лев на черте. Тип 4 – анэпиграфный. Вариант 1.

Л. Ст. Изображение стилизованного безгривого льва на черте, идущего вправо. Голова крупная, просматривается ухо и неестественно длинные челюсти.

Об. Ст. Изображение знака Тюргешей, появившегося в результате, соединения имитированного квадратного отверстия, превращенного в стилизованную стрелу (виден наконечник) и лук. Вес и диаметр не известны. Медь. Литая. Частная коллекция. (Рис.3. № 5).

На монетах первого типа в легенде удалось разобрать слово «...[twrywš?] ...». Что позволяет датировать монеты этого типа 699/704-765 гг. – временем существования Тюргешского каганата. Вторая монета этого типа была найдена на городище Канка. На том же городище были найдены монеты Тюргешей с квадратным отверстием, но в очень незначительном количестве [8, с. 348-350]. О. И. Смирнова высказала предположение о том, что образ льва на черте генетически связан с малоазийским чеканом. Ею зафиксированы две монеты этого типа: одна найдена близ Келеса Чангалзар и вторая в окрестностях городища Отрар. На основании этих находок монеты отнесены ею к отрарскому чекану. Хронологически монеты Чача со львом, стоящим на надписи вместо черты, она помещает сразу после монет с надписью «ϣωβω trηβη» [15, с. 56, № 1578, 1579]. Хотя образ льва на монете из Отрара и Канки (тип 1) более реалистичен, просматривается грива, четко проработаны детали головы льва, как и на античных монетах Малой Азии. Поэтому монеты первого типа, на наш взгляд, должны датироваться более ранним временем, чем монеты Трабна/Тарнавча – до второй половины VIII в.

В этой связи чрезвычайно информативным является, открытый Э. В. Ртвеладзе и Л. Л. Ртвеладзе Ханабадский клад, имеющий в своем составе монеты со львом. Нужно отметить, монет первого типа там нет, что подтверждает наше предположение о их более раннем чекане. Э. В. Ртвеладзе и Л. Л. Ртвеладзе по этому кладу, датируют монеты с львом и вилообразной тамгой второй половиной VIII в. [9, с. 24-25]. Наиболее ранней монетой в Ханабадском кладе является монета согдийского правителя Тургара (738 – 750 гг.). Т.е. начало накопления клада может относиться к 738 г. Самой поздней монетой является Аббасидский фельс 757/758-76[?] гг. Наиболее массовым материалом клада являются монеты с изображением льва и вилообразного знака, причем самых поздних выпусков этой серии, изготовленных литьем. Таким образом, эти монеты можно пока датировать временем 738 – 750 гг., учитывая даты: 749 г. – взятие Чача Китаем и 750 г. – Таласская битва, когда Согд и Чач были завоеванными арабами. Время обращения монет периода правления династии Тюргешей для Чача условно будет 699/704 – 737-749/750 гг. Дата начальной власти Тюргешей над Чачем – это 699 г., согласно данным китайских

источников, когда вождь Тюргешей Уч-Элиг вытеснил в Китае претендента на власть в Западнотюркском каганате Хосрова Бёри Шада и установил свою власть от Чача до Турфана и Бешбалыка [3, с. 296; 6, с. 99]. Сведений о том, кто же в 699 году и в последующие годы правил в Чаче, нет. По всей видимости, здесь остался править свой правитель – чачец. Далее следуют сведения о борьбе Тюргешей с Китаем и между тюрками. Так, в 711 г. после того, как Восточные тюрки, возглавляемые Инель каганом и апатарканом (главнокомандующим) Тоньюкуком разбили армию Сокала в Джунгарии, Тюргешский каганат временно перестал существовать. Остатки Тюргешей во главе с Сулуком Чабыш Чором перешли Сырдарью и ушли на юг [6, с. 99-100]. Возможно, что они прошли через Чач. Преследовавшие их Бильге каган и Кюльтегин были разбиты в Согде Кутейбой б. Муслимом, и в 714 г. они вернулись на Алтай. Воспользовавшийся этой ситуацией Сулук вернулся в Семиречье и провозглашает себя каганом Тюргешей, восстановив т.о. государство Тюргешей [6, с. 100]. В 717 г. Вновь о Тюргешах упоминают в связи с арабскими походами 714-732 годов. Дата утраты власти Тюргешами в 738 г. подтверждается тем фактом, что в 737-738 г. Сулук (717 – 737/738 гг.) был убит в Невакете своим полководцем с титулом Бага таркан. После убийства Сулука в 737 г. [2, с. 310] или в 738 г. [7, с. 72] начинается борьба за власть, приведшая к распаду Тюргешского каганата в 60-х гг. VII в. Время правления Тюргешей в 699/704 – 737-749/750 гг. Первый перерыв их правления в Чаче был в 711-715 гг. и второй в 737-738 гг. Т.о., вхождение Чача в каганат Тюргешей, согласно кладу и данным письменных источников, будет 699/704 – 710/711 гг. Практически после 715 г. Тюргешши оставались в Семиречье, а на Чач и Согд в 714-715 гг. нападают арабские войска во главе с Кутейбой ибн Муслимом. Далее возобновление их власти в 716/717 – до 736/737-738 г. Можно говорить о том, что согласно данным археологических источников, монеты Тюргешей в денежном обращении Чача не участвуют с 738 г. В кладе нет монет Тюргешей, но они присутствуют в других, вероятно, более ранних (до 738 г.) помещениях Ханабата. Так, дата 738 г., выявленная по Ханабатскому кладу, возможно, отражает время прекращения обращения тюргешских монет в Чаче вплоть до 749/750 гг. Не известно с какого года обращались здесь монеты Тюргешей?

Предположительно можно наметить период обращения монет Тюргешей с 699/704 г. по 737/738 г., с перерывом в 711-715 гг. В 739 г. наместник Хорасана Наср б. Сейяр нанес Тюргешам поражение и убил их вождя Кули-чора. В 740 г. китайцы захватывают Тараз, правившая там династия кара чоров была физически уничтожена. В 748 г. китайский экспедиционный корпус захватил и разрушил столицу западнотюркских каганов Суяб. В 749 году китайская армия взяла Чач, местный владетель был казнен [6, с. 107].

Интересно, что новый третий тип монет, со стилизованным, синтезированным изображением льва на черте с крупной головой без гривы второго типа (Рис. 1 №4), хронологические отражает, на наш взгляд, короткий промежуток времени их обращения. Это образ льва, крупного хищника по типу малоазиатских сюжетов, для которых характерно изображение животных на черте. Иконография этой монеты свидетельствует о синтезе образа льва на черте (Малая Азия, Отрар) с образом льва с легендой: «γωβω tr'βn» / «γωβω trnβn» – «Правитель Трабн / Трнбн», т.е. Чачаского и Отрарского чеканов. Почему же именно эти два типа монет послужили основой для синтеза? Ответ на наш взгляд в политической ситуации середины – второй половины VIII в.

Какова была степень влияния Тюргешей в Согде и Чаче? В Согде известно в эти годы правил Гурек. Кто был у власти в Чаче не известно. Но точно это были не Тюргеша. Единственный фельс 757/758-76[?] гг. из клада вместе с монетами с изображением льва и вилообразной тамги, составляющими основу клада, указывает на то, что до второй половины VIII века (до 757-758 гг.) обращались монеты чачского чекана вместе с аббасидскими монетами. Учитывая победу арабов в 750 г. в Таласской битве, доводить дату окончания чеканки и обращения монет со львом и вилообразным знаком можно до 750-758/76[?] гг. Однако начало чекана этой серии монет пока точно не определено, предварительно можно датировать 699/704 годом – временем прихода к власти Тюргешской династии. В кладе присутствовали также монеты Тургара 738 – 750 гг. На короткий период с 699-704 по 739 – 750-758/760 год могли возникнуть эти параллели в чекане Чача и Семиречья. Почему эта группа монет связана с периодом правления династии Тюргешей. Наблюдаются прямые параллели в иконогра-

фии монет Семиречья и Чача – это образ льва: лев на черте (в легенде присутствует слово «...[twɣwʃʃ?] ...»), лев с поднятой передней лапой, стилизованный образ льва. Кроме того, легенда на монетах Чача указывает на местность, область Кангу-Тарбанд, известную по письменным источникам, в которую на определенном этапе входили и Чач, и Семиречье [4, с. 66–71].

Монеты со львом, представленным реалистично, можно рассматривать как самый ранний чекан Чача – начало их чекана предположительно может датироваться временем падения Западнотюркского каганата (630-634 гг.) (Рис. 2. № 1 – 6). С какого времени начинают чеканить монеты Отрара со львом на черте? Пока нет данных, сведений письменных источников, с которыми можно было бы связать его. Возможно, так же это вторая четверть VII в. Распространение монет с легендой « $\gamma w \beta w \text{ tr}^{\prime} \beta n$ » / « $\gamma w \beta w \text{ trn} \beta n$ » укладывается в промежуток времени от 737/738 – до 750/758(?) гг. Начало чекана – это время, когда на каком-то этапе вновь произошла централизация чекана – основной монеты Чача. Об этом говорит массовость монет и их повсеместное распространение в Чаче. Точно определить начало чекана пока сложно, это могло происходить до захвата Тюргешами земель «от Чача до Турфана». Найденные на Ханабаде две монеты Тюргешей из помещений №5 и №6, вероятно, можно датировать 699 – 737/738 гг., концом VII – второй четвертью VIII вв., учитывая отсутствие монет Тюргешей в кладе. Получается, что на очень короткий период произошел синтез образов Чачских и семиреченских львов, но с сохранением собственных культовых знаков и легенд (Рис. 2 № 4). Возможно – это короткий отрезок времени, связанный с утратой власти Тюргешами в период 711-715 гг., чем объясняется их малочисленность, они встречаются очень редко.

Лев – один из старейших и самых популярных геральдических символов древности, на монетах Отрарского оазиса и Чача, иконографически близок изображениям львов монетах Коммагены I в. до н.э. – с 38 по 20 гг. до н. э. (Рис. 2. № 1). Образ льва на черте второго типа – это синтез образов льва Коммагенского и Отрарского (Тип 1). Иконографически лицевая сторона монет второго типа была сформирована на основе древнейшего малоазиатского и раннесредневекового отрарского льва на черте, а обратная повторяет реверс монет

Правителя Трабна. Их малочисленность указывает на короткий срок их чекана в период утраты власти Тюргешами в 711-715 гг. Образ льва, так долго существовавший в иконографии Чачских монет уже с эпохи раннего средневековья до 750 г., вновь появляется в XVII – XVIII вв. на монетах Ташкента, но уже в сильно стилизованном виде.

Список литературы

1. Байпаков К.М., Воякин Д.А., Смагулов Е.Э. Городища Куик-Мардан, Алтынтобе и Жалпактобе. Алматы: Археология ин-ты. 2006. – 88 с.
2. Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы: 2012. – 390 с.
3. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1, Москва – Ленинград: издательство Академии Наук СССР.1950. – 382 с.
4. Богомолов Г.И., Мусакаева А.А. К вопросу о названии Тарбанд и его локализации // Сборник трудов научной конференции «Ташкент вчера и сегодня». Ташкент: Фан. 2007. С. 66 – 71.
5. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Москва: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1967. – 504 с.
6. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.
7. Кошевар В.Г. О денежном обращении в Чуйской долине в VIII – X вв. // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Выпуск 2. Бишкек: Илим. 2007. С. 71 – 83.
8. Мусакаева А.А. Монеты Тюргешей с городища Канка // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. Материалы международной, научно-практической конференции, посвященной 40-летию работ Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции. Алматы: ТОО Litera, 2012. С.346-366.
9. Ртвеладзе Э.В., Ртвеладзе Л.Л. Раннесредневековые города и поселения в округе Ташкента. Городище Ханабат / Древности Ташкента. Ташкент: Фан, 1976. С. 6–49.
10. Ртвеладзе Э.В. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача // Общественные науки в Узбекистане, №8, Ташкент: Фан, 1982. С. 31-39.
11. Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н. э.). Ташкент: MEDIALAND, 2006. – 132 с.

12. Пятыгин А. Монеты Коммгены // <https://www.coins.msk.ru/index.php/stati-i-materialy/monety-gretsii/92-tsari-kommageny> (Пятыгин, 2021, № 06.).
13. Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. Изобразительный мотив льва в прикладном искусстве древнего Казахстана / Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1980. С.65 – 81.
14. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. (Материалы 1949-1956 гг.). М.: Издательство Восточной литературы, 1963. – 173 с. + XXI таблица.
15. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука ГРВЛ, 10981. – 550 с.

Список иллюстраций

Рис. 1. №1. Монета. Антиох I Теос, правил с 100/69 по 34 годы до н.э. №2. Монета Западного Согда с городища Варахша. №3. Отрарский чекан «Лев на черте». Чангалзар. ГМИУз. №4. «Лев на черте» ГМИУз. Н-462/78. №5. Лев на черте. Частная коллекция. №6. Монета с легендой ГМИУз. Н-462/77.

Рис. 2. №1 – 12. Монеты Чача с изображением львов без черты. Из коллекции Государственного музея истории Узбекистана АН РУз.

Рис. 3. №1. Отрарский чекан «Лев на черте». Чангалзар. ГМИУз. №2. Отрарский чекан «Лев на черте». ГМИУз. КП 4911. №3. «Лев на черте» ГМИУз. Н-462/78. №4. «Лев на черте» ГМИУз. Н-456/28. №5. Лев на черте. Частная коллекция.

© Мусакаева А.А., 2022

Культура, религия и искусство Центральной Азии

Баканова Марина Владимировна
Главный врач «Дуа Госпиталь»,
независимый исследователь
Исламабад, Пакистан
mari-ina@mail.ru

Bakanova Marina Vladimirovna
Chief of “Dua Hospital”,
independent researcher
Islamabad, Pakistan
mari-ina@mail.ru

КУБРАВИА И НАКШБАНДИЯ – ИНДОСТАНСКИЕ СУФИЙСКИЕ ОРДЕНА РОДОМ ИЗ УЗБЕКИСТАНА И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ДВИЖЕНИИ НЕОБАБУРИЗМ.

KUBRAWIYYAH AND NAQSHBANDIYYAH - HINDOSTAN SUFI ORDERS COMING FROM UZBEKISTAN AND THEIR ROLE IN THE MODERN NEOBABURISM MOVEMENT

Аннотация: Ислам проникал на территорию Индостана различными путями, в том числе – с участием суфийских тарикатов. Кубравия и Накшбандия – одни из их представителей. И если первые стали внутрисемейным направлением, то вторые, в период правления Династии Великих Моголов, стали проправительственной ветвью ислама, сохранив свое влияние среди политической и экономической элиты страны до настоящего времени. В определенной степени именно с устремлениями в рамках накшбандийской суфийской элиты связано активное сотрудничество Пакистана со

странами Центральной Азии, активно развивающееся с 90-х гг. прошлого века в рамках движения Необабуризм.

Ключевые слова: Необабуризм; Накшбандия; Кубравия; суфизм; Индостан; Узбекистан; политология; история; социальная антропология

Abstract: Islam penetrated the territory of Hindustan in various ways, including with the participation of Sufi tarikats. Kubrawiyyah and Naqshbandiyyah are one of their representatives. In addition, if the former became an intra-family direction, then the latter, during the reign of the Mughal Dynasty, became a pro-government branch of Islam, retaining its influence among the political and economic elite of the country to this day. To a certain extent, the active cooperation of Pakistan with the countries of Central Asia, which has been actively developing since the 90s of the last century within the framework of the Neo-Baburism movement, is connected with the aspirations within the Naqshbandiyyah's Sufi elite.

Keywords: Neo-Baburism; Naqshbandiyyah; Kubrawiyyah; Sufism; Hindustan; Uzbekistan; political science; history; social anthropology

«Возвышенная любовная поэзия суфийских святых, чисто практический дух их учений, пыл, сочетающийся с лежащим в основе всего ощущением цели, удовлетворения как физических, так и духовных потребностей, вера в свою деятельность и будущее человечества – вот лишь некоторые из выдающихся вкладов этой замечательной системы, принадлежность к которой создает несомненное и постоянное ощущение принадлежности к древним избранным» (подполковник А. Кларк. «Письма в Англию», Калькутта, 1911) [1].

Несмотря на то, что в большинстве современных источников происхождения ислама в Индостане указываются только северный (тюркский Махмуд Газневи и Делийский султанат) и южный (арабский Мухаммад ибн Касим и Омейядский, а затем и Синдский халифат) пути, очень большая роль в распространении ислама в Индостане принадлежит различным суфийским течениям [2].

Среди религиозных элит, существующих в течение периода времени Делийского султаната, существовало два основных

направления. Улемы – классические религиоведы, которые осваивали определенные исламские правовые ветви исследования. Они были ориентированными на шариат и, как правило, более ортодоксальными относительно мусульманской практики. Другая группа религиозных элит – суфийские мистики, или факиры. Это была более инклюзивная группа, которая была более терпима к немусульманским традициям [3]. Несмотря на то, что приверженность к шариатским практикам остается основой суфизма, ранние суфии в Индии были сосредоточены на проповеди путем просвещения и обучения новообращенных мусульман и помощи бедным. Во время Делийского султаната преобладал мистический подход к исламу, однако – он не являлся заменой классических медресе и традиционной исламской науки. Эти два явления развивались в Индостане параллельно друг другу. Можно сказать, что система улемов и классического ислама активно развивала образование, науку и законы, а также влияла на политическую, экономическую и культурную жизнь общества, то в противовес им суфизм усиливал духовную ориентацию и распространение ислама среди местного населения, совершенствовал «сознание божественного, усиливал благочестие, и прививал гуманистическое отношение».

Тесное взаимодействие населения с суфиями развилось и вследствие распространения так называемых Ханака, своего рода общественный дом суфийских общин. Ханака или *khanīqah* – это здание, спроектированное специально для собраний суфийского братства или тариката, место для духовного просвещения. Зачастую к нему примыкали дарбары суфийских святых, мечети и медресе. Однако ханака выполнял и социальные функции. Так, он давал приют путешественникам (не только странствующим дервишам, а вообще всем, нуждающимся в приюте), на его территории могли проживать учащиеся медресе (а это было оптимально для студентов из удаленной местности или семей бедняков), периодически здесь готовилась и раздавалась еда для бедняков, сюда же стекались многочисленные пожертвования, которые тратились как на поддержание суфийской общины, так и раздавались в качестве милостыни. Считается, что первый в мире Ханак возник на территории Индостана между 12 и 13 веком и затем уже распространился по всему исламскому миру: вплоть до Греции и

Северной Африки. В настоящее время часть ханака продолжает действовать, в некоторых странах в связи с запретом в них на действие суфийских орденов ханака трансформировались в музеи или мечети [4].

Основные суфийские тарикаты, получившие распространение в Индостане: Мадария, Разакийя, Шадхилийе, Шазилия, Чиштия, Сухравардия, Кадирия, Кубравия, Накшбандия [5].

Несмотря на то, что суфии различных стран прибывали в Индостан, одними из крупнейших со временем стали братства, основанные выходцами с современной территории Узбекистана: Кубравия и Накшбандия.

Кубравия (Kubrawiyyah) – суфийский тарикат, получивший распространение в Средней Азии. Назван по имени основателя Наджм ад-Дина Кубры (1145—1221). Он родился в Хиве (Хорезм) и изначально учился у местных муфтиев. Затем, когда они не смогли обучать его дальше, он изучает ислам в Египте, Тебризе и Хамадане. По возвращению на родину он основывает свое братство в Ургенче (современный Узбекистан). Из многочисленных учеников ал-Кубра вышли знаменитые теоретики мистицизма и авторы классических трудов по суфизму. Среди них: поэт-мистик Наджм ад-дин Дайа Рази, Са'д ад-дин Хаммуя, Сайф ад-дин Бахарзи и др. В 1221 году войска Чингизхана подошли к Ургенчу. Несмотря на то, что Чингизхан придерживался тенгрианства, он обычно проявлял милость к известным проповедникам других религий. Он сделал предложение Наджм-и-дину покинуть город и сохранить свою жизнь. Однако, несмотря на просьбу Чингисхана, Наджм ад-дин Кубра остался защищать Ургенч со своими учениками с оружием в руках, как истинный патриот. Его могила находится рядом с ханагах в поселке Куня-Ургенч. Несмотря на это, его орден сохранился, а многочисленные беженцы из Средней Азии принесли его учение на территорию Индостана. Однако, поскольку они не особенно занимались развитием и распространением учения Кубравия, оно в большей степени сохранилось в их родах, среди их потомков [6].

Накшбандия (Naqshbandiyyah).

Накшбандия – суфийское братство (тарикат), получившее это название в конце 14 века по имени Мухаммада Бахауддина Накшбанди аль-Бухари. Бахауддин Накшбанд возродил и дополнил рядом положений теории и практики, заимствован-

ные у тариката Ясавия, мистическое учение Абду-ль-Халика аль-Гидждувани, а также заложил основы организационной структуры братства. Бахауддин Накшбанди проповедовал идеи добровольной бедности и отказа от материального накопительства. Он придавал особое значение состоянию духовной близости ученика с учителем (рабита). Будучи строгим приверженцем ханафитского мазхаба, он требовал строгого соблюдения всех шариатских предписаний и неукоснительного следования сунне пророка Мухаммеда и его сподвижников [6].

Мировоззрение тариката представляет собой соединение и адаптацию «умеренного» городского мистицизма, отражённого в доктринах Абду-ль-Халика аль-Гидждувани, и кочевого «тюркского» - Ахмада аль-Ясави. В вопросе отношения к властям, накшбандийский тарикат остается единственным братством, которое считает обязательным вступать в контакт с властями для того, чтобы влиять на их политику в отношении народных масс.

Специфические особенности Накшбандия привели к тому, что начиная с 15 века накшбандийский тарикат постепенно превратился в самое распространенное духовное братство (после кадирийского тариката), функционировавшее в Средней Азии, Индии, Анатолии, Балканских странах, а также в Аравии, на Северном Кавказе и Поволжье.

Первая накшбандийская община была основана в Кашмире шейхом Баба Вали к середине 16 века. Однако, массовый накшбандийский тарикат в Индостан принесла с собой Династия Бабуридов. Собственно говоря, во времена Империи Великих Моголов накшбандийский тарикат фактически стал проправительственной ветвью ислама, многие высокие рода переходили под его покровительство с целью сделать политическую карьеру. Ветвь накшбандия-муджаддия более двух веков являлась одним из ведущих братств и глубоко проникла в духовную, социальную и политическую жизнь мусульманского общества Индии [7].

Можно отметить, что к 1186 году часть Индостана под названием Делийский султанат, влилась в огромную общность среднеазиатско-иранско-афганско-индийской культуры, в которой весьма значительная роль уделялась суфийскому интеллектуализму. Второй этап активного развития он получил во времена монгольского нашествия на Среднюю Азию,

когда многие представители интеллигенции и суфийского духовенства нашли вторую родину в Дели. Третий этап связан с непосредственным образованием Бабурийской династии и Империи Великих Моголов. Собственно говоря, во времена Империи Великих Моголов накшбандийский тарикат фактически стал проправительственной ветвью ислама, многие высокие рода переходили под его покровительство с целью сделать политическую карьеру. Ветвь накшбандия-муджаддия более двух веков являлась одним из ведущих братств и глубоко проникла в духовную, социальную и политическую жизнь мусульманского общества субконтинента.

Следует отметить, что современное движение Необабуризм, возникшее в 90-х гг. прошлого века в Пакистане, опирается в своей политической деятельности не только на общие корни Бабуридов и Тимуридов, но и на накшбандийскую ветвь суфизма. Не стоит путать данный вариант Необабуризма с талибской концепцией объединения всех территорий Центральной Азии, Пакистана и Северо-Западной Индии под властью радикального ислама [8].

Необабуризм – как новая эра отношений между Пакистаном (мусульманской частью Индии) и странами Центральной Азии.

Официальный Пакистан с середины 90-х годов проявляет к Средней Азии огромный интерес. Это интерес не только постоянный, но и определенным образом акцентированный [9].

В ноябре 1995 года в Лахоре прозвучало заявление министра иностранных дел Пакистана Сардара Асифа Ахмада Али о том, что развитие всесторонних отношений с государствами Средней Азии отныне является приоритетным направлением внешнеполитического курса Пакистана. Заявление стало итогом переговоров Пакистана и Узбекистана в 1994 году, в течение которого шла проработка концепции совместной ответственности Пакистана и Узбекистана за безопасность центральноазиатского региона.

В том же 1995 году тогдашний пакистанский премьер-министр Беназир Бхутто посетила Узбекистан и Киргизию. В Киргизии она побывала именно в Ферганской долине. Конкретно – в Оше, который почитается как город, теснейшим образом связанный с Бабуром, основателем династии Великих Моголов. Именно в Оше Беназир Бхутто заявила о том,

что она сама принадлежит к роду Бабура – что на самом деле очень сомнительно.

В 2004 году Ош и Лахор стали городами-побратимами. Пакистаном в это время руководила не Беназир Бхутто, а генерал Первез Мушарраф. В 2005 году Первез Мушарраф также побывал в Оше. Он заявил о создании в Оше фонда имени Бабура и совершил ритуальные действия: принял участие в совместной молитве и принес в жертву барана на вершине Сулеймановой горы, у молельни Бабура.

В апреле 2007 года в Исламабаде состоялась конференция, посвященная 2750-летию Самарканда. На конференции выступил федеральный министр Пакистана по делам религии Мухаммад Иджаз-уль-Хак, который сказал о пакистано-узбекских отношениях: «Наша близость основана на общности истории, вероисповедания и культуры». Иджаз-уль-Хак подчеркнул, что Узбекистан является родиной целого ряда великих личностей, в том числе Амира Тимура и Бахауддина Накшбанды. И на самом деле – это действительно так.

В феврале 2008 года в Исламабаде отметили 567-летие великого узбекского поэта, мыслителя и государственного деятеля Алишера Навои. К этой дате была приурочена научно-практическая конференция, организованная Академией литературы Пакистана и Культурным форумом «Центральная Азия – Пакистан» при участии посольства Узбекистана [10].

В мае 2008 года в Исламабаде состоялась следующая конференция, организованная «Обществом азиатских цивилизаций». Она была посвящена жизни Захириддина Мухаммада Бабура, великого узбекского поэта и государственного деятеля, а также национального поэта Пакистана Мухаммада Икбала.

Важно подчеркнуть, что вековая противоречивая спаянность Бабуридов с накшбандийа-ходжаган осталась неразрывной. А центром, наиболее остро ощущающим свою преемственность по отношению к династии Моголов, остался Лахор, резиденция Великих Моголов на севере современного Пакистана. А как было показано выше, именно Лахор играет важную роль в установлении культурно-исторических контактов Пакистана со странами Средней Азии, Узбекистаном в первую очередь. Все это говорит о том, что традиция Великих Моголов, связь между их династией и орденом имеют важное значение для нынешней пакистанской идентичности.

Другое дело – империалистические идеи Зия уль Хака, который изначально планировал объединить земли Пакистана, Афганистана и Средней Азии в единую империю ислама. Впрочем – эти идеи быстро провалились, разбитые интересами американцев. В настоящее время движение Талибан (запрещено в России) таких глобальных планов уже не имеет [11].

Однако, что стоит за всеми этими событиями? Претензии Пакистана на политическое господство и попытка создания некоего подобия конфедерации на базе общей исторической сущности? Или это отсыл к общим корням и попытка возродить былое могущество региона на новой основе? Дело в том, что как ни старайся, а несколько тысячелетий общности культуры просто так перечеркнуть не получится. В действительности области Центральной Азии и современного Пакистана исторически очень тесно связаны. Однако – пара веков разделения уже никогда не может быть преодолена и единое государство (пусть и в форме свободной конфедерации) вряд ли будет возрождено. При этом – все это абсолютно не мешает сторонам искать общее наследие или обсуждать великих деятелей прошлого, которые были важны для всех сторон этой игры.

Список литературы

1. Грейвс Р.Р., Идрис Ш. Суфии: Авторский сборник. М.: Локид, Миф, 1999. С. 239
2. Баканова М.В. Ислам в Южной Азии. Канада, Альтаспера Паблишинг, 2021. С. 385
3. Abraham Eraly. The age of Wrath. A History of the Delhi Sultanate. Viking, 2013. P. 581
4. Hattstein, M., Delius P. Islam: Art and Architecture. Könemann, 2000. P. 639
5. Saiyid Zaheer Husain Jafri, Helmut Reifeld. The Islamic Path: Sufism, Politics, and Society in India. New Delhi: Konrad Adenauer Foundation, 2006. P. 420
6. Schimmel, Annimarie. Sufism in Indo-Pakistan. Mystical Dimensions of Islam. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1975. P. 345
7. Alvi, Sajida Sultana. Perspectives on Mughal India: Rulers, Historians, Ulama, and Sufis. Karachi: Oxford University Press, 2012. P. 277
8. Баканова М. В. Вдоль караванной тропы. Канада. Альтаспера Паблишинг, 2019. С. 455

9. Якубов И.Х., Нуриддинов У.К. Пакистан – Центральная Азия: проблемы и перспективы сотрудничества. Центральная Азия: вызовы и возможности. Постсоветские исследования. 2021. Т.4, №8 637-644 с.
10. Мамытов Т.Б. Религиозный фундаментализм и его влияние на центральную Азию. Наука, техника, образование. ООО «Олимп», 2016. №8 (26) 64-69 с.
11. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. Москва: Наследие Евразии, 2008. 215-220 с.

© Баканова М.В., 2022

Бакиева Гульсифа Такиюлловна
кандидат исторических наук
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
старший научный сотрудник (г. Томск)
gulsifa-bakieva@yandex.ru

Bakieva Gulsifa Takijullova
candidate of historical sciences
National Research
Tomsk State University
senior researcher (Tomsk)
gulsifa-bakieva@yandex.ru

**ТУРКЕСТАНСКИЙ ШЕЙХ ХУДАЙБЕРДИ
И ЕГО ПОТОМКИ В СИБИРИ:
ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИИ**

**THE TURKESTAN SHEIK KHUDAYBERDI
AND HIS DESCENDANTS IN SIBERIA:
THE EXPERIENCE OF COMPILING A GENEALOGY**

Аннотация: В духовной культуре сибирских татар большое место занимает почитание астана – могил мусульманских шейхов, прибывших из Бухары в Сибирь в конце XIV в. для распространения ислама. Выявление астана на берегах Иртыша и Тобола происходило в период правления хана Кучума при участии миссионеров, представителей высшего духовенства Бухарского и Хивинского ханств в 1570-х гг. Одним из таких миссионеров был Худайберди шейх, прибывший из Туркестана и поселившийся в сибирском ауле Саил (офиц. Сингульские юрты Ялуторовского уезда). Здесь он «открыл» астана-некрополь одного из шейхов, погибших за веру в конце XIV в.

Обнаруженные рукописи, написанные на арабской графике, содержат сачара (родословную) Худайберди шейха. Выяснилось, что оригинал сачара хранился у известного поэта начала XX в., препо-

давателя Ембаевского медресе Мавлюкея Юмачикова, который является прямым потомком шейха. Автору доклада впервые удалось провести параллельное генеалогическое исследование по архивным материалам, подтвердив и во многом дополнив данные рукописей.

Ключевые слова: Сибирь; ислам; астана; Худайберди шейх; Туркестан; сачара; Мавлюкей Юмачиков; Сингульские и Ембаевские юрты.

Abstract: In the spiritual culture of the Siberian Tatars, a great place is occupied by the veneration of astana – the graves of Muslim sheikhs who arrived from Bukhara to Siberia at the end of the 14th century to spread Islam. The identification of Astana on the banks of the Irtysh and Tobol took place during the reign of Khan Kuchum with the participation of missionaries, representatives of the higher clergy of the Bukhara and Khiva khanates in the 1570s. One of these missionaries was Khudayberdi Sheikh, who arrived from Turkestan and settled in the Siberian village of Sail (Singul yurts). Here he «opened» the Astana-necropolis of one of the sheikhs who died for their faith at the end of the 14th century. The discovered manuscripts, written in Arabic script, contain the sachar (genealogy) of Hudaiberdi Sheikh. It turned out that the original sachara was kept by the famous poet of the early 20th century, the teacher of the Yembay madrasah, Mavlyukei Yumachikov, who was a direct descendant of the sheikh. The author of the report managed to conduct a parallel genealogical study based on archival materials, confirming and largely supplementing the manuscripts.

Keywords: Siberia; islam; astana; Khudaiberdi Sheikh; Turkestan; sachara; Mavlyukei Yumachikov; Singul and Embaev yurts

В духовной культуре сибирских татар большое место занимает почитание астана – могил известных людей, в первую очередь мусульманских шейхов, прибывших из Бухары в Сибирь в конце XIV в. для распространения ислама. Из сохранившихся рукописей известно, что в 1394-1395 гг. на берега Иртыша пришли 366 конных шейхов и 1700 воинов и «учинили там великое сражение за веру» с жившими по берегам Иртыша язычниками. Прибывшие миссионеры были последователями суфиев Ходжа Ахмада Яссави и Ходжи Багаутдина Накшбанди. В результате сражений местное население было обращено в ислам, а часть бежала на север и в Китай.

300 шейхов тогда погибли, 63 вернулись в Бухару, трое остались в Сибири для обучения основам ислама [8, с. 1].

Возведение астана на берегах Иртыша и Тобола как объектов культа происходило позже, на рубеже XV-XVI в., и продолжилось до середины XVIII в. В период правления хана Кучума «культ святых» был учрежден официально, а принимали участие в этом процессе миссионеры, представители высшего духовенства Бухарского и Хивинского ханств. По просьбе хана Кучума правитель Бухары Абдулла хан несколько раз отправлял духовные миссии в Западную Сибирь [1, с. 14].

Наиболее важными источниками, содержащими информацию об исламизации сибирских татар, сведения об астана, родословие хранителей (карауцы) могил святых, являются тексты рукописей на арабской графике и их переводов. Благодаря усилиям ученых, в научный оборот введены несколько таких рукописей: «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири» [8; 2], Карагайский свиток [13, с. 203-206], «Грамота хранителей Юрумской астаны» [10; 11], «Аш-шаджарат ал-авлия`мин билад Мавара`аннахр» («Родословная святых из страны Мавара`аннахр») [2, с. 197-202].

В общих чертах структура указанных источников состоит из вводной части с описанием похода 366 шейхов в Сибирь для распространения ислама, перечня святых мест с указанием наименования местности и имени шейха, родословие смотрителей астаны – сачара /сэцэрэ.

В 2017 г. группа ученых ввела в научный оборот еще одну рукопись, повествующую о распространении ислама в Сибири, которую они назвали «Сингульская рукопись». Ранее она была обнаружена жителем села Татарский Сингуль (Саил аул) А.А. Латыповым и передана исследователям для перевода и дальнейшего анализа. Данная рукопись написана на старотатарском языке арабской графикой на четырех отдельных листах обычной школьной тетради в «клетку» пером чернилами фиолетового цвета. Авторы публикации пришли к выводу, что рукопись является копией, выполненной в середине XX века, и имеет оригинал. В статье размещен текст самой рукописи, а также транслитерация текста с арабской графики на кириллицу (перевод на русский язык отсутствует) [8, с. 428-432].

«Сингульская рукопись», также как и другие указанные выше рукописи, содержит сведения о религиозной войне, перечень захоронений. Важным для нашего исследования является фрагмент текста, в котором содержится информация о Худайберди шейхе. Отмечено, что он «пришел из Туркестана, в Саил ауле нашел астана, ежегодно читал Коран, раздавал садака, молился духу Солтан Ахмата Йасави (с тех времен имеется рукопись)» [8, с. 428].

Здесь необходимо сделать замечание. Саил аул, о котором идет речь в рукописи, это название селения, которое используют сами жители, а официальное его наименование, используемое в русских документах – юрты Сингульские, в настоящее время село Татарский Сингуль Ялуторовского района Тюменской области.

Другой источник, в котором имеется информация о Худайберди шейхе, список первой редакции легенды об исламизации Сибири, обнаруженный А.К. Бустановым в г. Тобольске в частной библиотеке. Ученый установил, что оригинал принадлежал преподавателю Ембаевского медресе Мавлюкею Юмачикову (1834-1910), который был потомком шейха. В рукописи расписана его родословная: Мавлюкай б. Йумачик б. Тимер б. Кучек б. Кунак б. Айдукул б. Зайдукул б. Худай-Берди-шайх. Далее из текста следует, что Худайберди шейх «прибыл из Туркестана и «открыл» астана в деревне Сайил (в публикации, по ошибке, напечатано Сайид), читал там круглый год Коран, давал садака, молился за дух хазрата султана хваджа Ахмада Йасави» [3, с. 150-151]. Как видим, текст почти полностью совпадает с «Сингульской рукописью».

Выяснилось также, что информация о Худайберди шейхе с указанием его родословия, содержится в опубликованной в Казани книге под названием «Кысса-йи Хубби-хваджа» (1899) [3, с. 150].

Как видно из описанных выше источников, в ауле Саил (с. Татарский Сингуль) находится астана одного из шейхов, погибших в религиозной войне в конце XIV в. Стало известно имя человека, открывшего мавзолей – Худайберди-шейх из Туркестана. Однако, ответ на вопрос, кто похоронен в мавзолее, пока остается открытым.

Авторы, исследовавшие «Сингульскую летопись», пришли, на наш взгляд, к ошибочному мнению, что в мавзолее в

Сингуле похоронен шейх Султан-хаджи, сын Ахмада Яссави. В своем утверждении они опирались на строку в рукописи, где написано, что Худайберди шейх «молился за дух хазрата Солтана Ахмада Ясави». Мы считаем, что данная фраза лишь подчеркивает тот факт, что погибший за веру шейх был последователем Ахмада Яссави. Известно, что Ахмад Яссави (хазрат-и Султан – почетное прозвище шейха, а не имя сына Ахмада, как считают авторы публикации) (1103-1166) – основатель суфийского тариката, родился в городе Сайраме на территории современного Казахстана. В городе Туркестане находится мавзолей Ахмада Яссави. Вероятно, опираясь на мнение этих ученых, жители села Татарский Сингуль недавно установили стелу с надписью «на Сингульской земле покоится святой (аулия) Ахмат Ясэвий углы Солтан хужа».

Отметим, что до 1950-х гг. хранителем Сингульской астаны был Чарулла бабай (фамилия не установлена), а с 2005 г. обязанности хранителя, по собственной инициативе, исполнял житель этой же деревни Латыпов Анис Абдулхакович (1940-2021).

Теперь обратимся к личности Мавлюкея Юмачикова, потомка Худайберди шейха. Он был просвещенным человеком своего времени – владел арабским, фарси, старотатарским, казахским языками. Как отмечено выше, был преподавателем самого крупного в Западной Сибири джадидистского медресе в юртах Ембаевских, которое содержалось на средства купца-мецената Нигматуллы Сейдукова. Известно, что меценат заботился о сохранении высокого уровня учебного заведения, в первую очередь, приглашая в качестве преподавателей высокообразованных людей того времени. Одним из таких приглашенных преподавателей являлся и Мавлюкей Юмачиков.

Пожалуй, более известна деятельность Мавлюкея Юмачикова как поэта и переводчика литературных произведений. Ему принадлежат такие произведения как Эрбет бэете (Баит об Ирбитской ярмарке), Мэкэржэ бэете (Баит о Макарьевской ярмарке), Сэед Баттал (Саид Баттал), Салсал, Науширван, Кара кол, Шаих Баркый, Тамимдар, написанные в стиле кисса, т.е. в стихотворной форме; любовные Гөлжәмилэ, Дэрига кыз, Гариб илэ Шэхсэнэм [7, с. 32]. Им написаны и произведения религиозного содержания «Китаб сафуталь-манкулат» (Казань, 1879) и «Жаза китабы шорут-ал солат» (Казань, 1882)

на арабском языке [4, с. 193]. Мавлюкей Юмачиков перевёл на казахский язык известный с XIV в. дастан Хисяма Кятиба «Джум-джума султан».

Отметим, что современные литературоведы довольно подробно рассмотрели творческую деятельность Мавлюкея Юмачикова, провели анализ его произведений [7; 12; 14]. О родословной поэта, о принадлежности его к роду туркестанского шейха, ни один из авторов его творчества, вероятно, не догадывался. По крайней мере, мы не встречаем в публикациях ученых-литературоведов указаний на этот счет.

Отметим, что прямые потомки Мавлюкея Юмачикова, которые в настоящее время проживают в с. Ембаево Тюменского р-на, также не знали о своей принадлежности к знаменитому предку – Худайберди шейху. Доказать этот важный факт нам удалось, благодаря изучению и анализу разных источников, хранящихся в Государственном архиве г. Тобольска, в результате которых была составлена генеалогическая схема рода шейха Худайберди.

Наше исследование родословной Худайберди шейха мы начали с подтверждения того факта, что он и его потомки действительно обосновались в ауле Саил (Сингуль). В начале одного из своих произведений «Кыйссаи Сәед Баттал» Мавлюкей Юмачиков пишет, что он родом из Ялуторовского уезда, Сингульской волости. До приглашения его Нигматуллой хаджи для преподавания двенадцать лет он находился в г. Семипалатинске, обучая там казахов [7, с. 32].

При изучении переписных листов Первой Всероссийской Переписи 1897 г. по юртам Ембаевским Тюменского уезда, в одном из домохозяйств «на земле инородцев и бухарцев юрт Ембаевских» указана квартира Мавлюкея Юмачикова. Сам Юмачиков отмечен как глава семьи, 60 лет. Вместе с ним проживали его жена Бибикамал Хисамутдинова – 43 года, дочери Камбикамал, 14 лет, Сахиря, 10 лет, Бибиназира, 6 лет. В графе «где родился» и «где прописан» указано, что все члены семьи из «волости и общества Сингульских Ялуторовского уезда» (отмечено, что жена родилась в Казани) [5, д. 3576, л. 82-82об.]. Параллельно были изучены переписные листы Переписи 1897 г. по юртам Сингульским. Здесь также указана семья Мавлюкея Юмачикова с пометкой «вся семья отсутствует» [5, д. 4173, л. 11-11об.].

Таким образом, опираясь на автобиографические данные Юмачикова и архивные источники, удалось подтвердить тот факт, что предки Мавлюкея и он сам были родом из юрт Сингульских Сингульской волости Ялуторовского уезда. В дальнейшем поиски предков Юмачикова осуществлялись по документам этих юрт.

Следующий блок исследованных нами документов – материалы ревизских сказок. Известно, что сибирские татары учитывались в качестве податного населения в ревизиях с третьей по десятую. Отметим, что при составлении родословной мы вначале изучаем более поздние ревизии, постепенно продвигаясь к более ранним.

В 10 ревизии 1858 г. в юртах Сингульских указана семья Юмачика Тимирова (65 лет), вместе с которым жил его брат Али и сын Мауликеем 22 лет. [6, д. 939, л. 46]. Как видим из данного документа, отца Мауликеем звали Юмачик, а отцом отца был Тимир.

В 9-й ревизии 1850 г. мы вновь встречаем семью Юмачика Тимирова, 57 лет с сыном Мауликеем, 15 лет. С ними отмечены его брат Али, 50 лет, с женой и сыном Айтпайем, умершим в 1844 г. [6, д. 690, л. 39].

Из 5-й ревизии 1795 г. узнаем год рождения деда Юмачика Тимира – 1766 г., а также имя его жены, Килцак (1771 г.р.); здесь же указаны их дети - сын Юмачик, 3 лет, дочери Иянак, 4 лет и Бига, 1 год. Отмечены отец Темира – Речеп Кучюков (1722-1783), мать Ратига Урускулова (1734-1782) умерла в 1782 г. [6, д. 212, л. 34-35].

Речеп Кучюков, 60 лет вместе с женой Ратигой Урускуловой и сыном Темиром, 16 лет были учтены в 4-й ревизии 1782 г. [6, д. 26, л. 18].

Из 4-й и 5-й ревизий мы узнаем имя отца Темира – Речеп, даты его жизни, а также имя отца Речепа – Кучук. Если принять 25-30 лет как начальный возраст деторождения, то Кучук родился около 1690-х годов.

Обращаясь к рукописной сачара Мавлюкея Юмачикова, опубликованной А.К. Бустановым и сопоставляя ее с родословной схемой, составленной нами по архивным документам, мы обнаруживаем совпадение имен – Мавлюкей, Юмачик, Тимир, Кучук (имя Речеп, отца Темира, в рукописи выпущено). Таким образом, можно говорить о высокой степени достовер-

ности как опубликованной сачара Мавлюкея Юмачикова, так и использованных нами архивных источников.

Следующие поколения прадедов Мавлюкея Юмачикова, ведущих к Худайберди шейху, мы восстановили из данных сачара. Из нее следует, что отцом Кучука был Кунак, Кунака отец – Айдкул, Айдкула отец – Зайдкул и Зайдкула отец – Худайберди-шейх. Производя расчеты, можно установить, как приблизительную дату рождения указанных предков Юмачикова, так и период прибытия Худайберди шейха в аул Сингуль и открытия там мавзолея. Если принять 25-30 лет за одно поколение, то данные сачары ведут к XVI в. Примерно к 1560-1580-м годам. Именно в эти годы происходили события, связанные с приходом миссионеров из Средней Азии для распространения исламского учения и установления культа святых.

Таким образом, в результате историко-генеалогического исследования, путем совмещения подлинных документов – средневековых рукописей и архивных материалов, удалось реконструировать родословную Худайберди шейха – одного из миссионеров, прибывших в конце XVI в. в Сибирь. В ходе исследования подтвердился факт принадлежности известного поэта и религиозного деятеля конца XIX-начала XX в. Мавлюкея Юмачикова к роду шейха. Установлено, что Худайберди шейх, как и святой, похороненный в ауле Сингуль, был последователем тариката Ахмада Яссави.

Список литературы

1. Белич И.В. Астана сибирских татар // Исламская цивилизация в Сибири: история, традиции, современность: Материалы научной конференции / под ред. Тычинских З.А., Бакиевой Г.Т. – Тобольск, 2006. С. 14-23.
2. Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша //Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры социума. Том 11. – Омск: Издательский дом «Наука», 2009. С. 195-230.
3. Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. – М: Изд. дом Марджани, 2013. 264 с.
4. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. С. 193-194.
5. ГБУТО ГАТ. Ф. И-417. Оп. 2.
6. ГБУТО ГАТ. Ф. И-154. Оп. 8.

7. Гумеров И.Г. Мәүлекәй Йомачиков эсәрленең идея-сәнгати үзенчәлекләре // Сулеймановские чтения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.П. Яркова. – Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С. 32-33.
8. Зиннатуллина Г.И., Рахимов Р.Х., Яхин Ф.З. Новый источник по истории ислама в Сибири // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 427–433.
9. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского музея) // Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. XIV. С. 1-28.
10. Рахимов Р.Х. Грамота хранителя Юрумской астаны (новый источник по исламизации Сибири) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Вып. 18. – Тюмень, 2005. С. 190.
11. Рахимов Р.Х. Новые документальные источники по истории сибирских татар // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Второй межрегион.конф. – Новосибирск, 2005. С. 230-233.
12. Сайфуллина Ф.С. Татарская литература Тюменского региона: история и современность. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филол. наук. – Казань, 2007.
13. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: Изд. дом Марджани, 2009.
14. Фатхи А. Описание рукописей научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского. Вып. 6. Татарское народное творчество, с. 17-18. Рукопись №1405.

© Бакиева Г.Т., 2022

Зайнабиддинова Зебинисо Мадаминовна
Преподаватель кафедры всемирной истории Ферганско-
го государственного университета
zebo.zajnabidinova@mail.ru

АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ АКАДЕМИКА И.Ю.КРАЧКОВСКОГО

ARABIC POETRY OF THE MIDDLE AGES IN THE WORKS OF ACADEMICIAN I.YU.KRACHKOVSKY

Аннотация: В современном мире исследование эпохи Восточного ренессанса, имеет большое значение, так как сфера подобных исследований весьма разнообразна и получила освещение в ряде научных направлений. Глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов теории и практики арабо-мусульманской культуры содержится в трудах академика И.Ю. Крачковского. Научное наследие академика И.Ю. Крачковского велико по объему и разнообразно по тематике. Большая часть его трудов посвящена истории арабской литературы, художественной и научной; ему принадлежат также работы по арабскому языкознанию, эфиопистике, исламоведению, историографии и палеографии, истории востоковедения, издания и переводы многочисленных исторических и литературных памятников [1]. Среди трудов академика особое внимание уделяется переводам древних арабских рукописей, которые являются важными историческими источниками.

Ключевые слова: И.Ю. Крачковский, наследие, арабская поэзия, ислам

Abstract: In the modern world, the study of the Eastern Renaissance is of great importance, since the scope of such studies is very diverse and has received coverage in a number of scientific areas. A deep and comprehensive consideration of various aspects of the theory and practice of the Arab-Muslim culture is contained in the works of Academician I.Yu. Krachkovsky. Scientific legacy of Academician I.Yu. Krachkovsky is large in volume and varied in subject matter. Most of his works are

devoted to the history of Arabic literature, artistic and scientific; he also owns works on Arabic linguistics, Ethiopian studies, Islamic studies, historiography and paleography, the history of Oriental studies, publications and translations of numerous historical and literary monuments [1]. Among the works of the academician, special attention is paid to translations of ancient Arabic manuscripts, which are important historical sources.

Keywords: I.Yu. Krachkovsky, heritage, Arabic poetry, Islam

Под редакцией Крачковского увидело свет первое полное русское издание одной из популярнейших в мире книг – «Тысяча и одна ночь». Его исследования по истории арабской художественной литературы содержат большой фактический материал [2]. Обычное представление об «арабской» поэзии сложилось на основании стихов самого популярного в переводах произведения — «Тысяча и одной ночи». Следует упомянуть еще две публикации из архива И.Ю.: перевод «Книги о новом» Ибн аль-Мутацца, вошедший в т.1 «Избранных сочинений» [3].

Перевод обоих памятников опубликован в том виде, в каком он был оставлен И.Ю. Крачковским. Старая арабская литература представлена прежде всего переводами из древней арабской поэзии, о которых упоминалось выше. Рукопись содержит перевод муаллак, стихов Тааббата Шарран, Имруулькайса, Алькамы, Абида б. аль-Абраса, Каба б. Зухейра, Хассана б. Сабита, асСамауваля, Саламы б. Джандаля, аль-Хансы и др. Всего - 67 стихотворений 32 поэтов. В рукописи имеется перевод нескольких стихотворений омейядского поэта аль-Ахталя [5].

Следует отметить, что Крачковский И.Ю. написал ряд замечательных монографий и очерков о средневековых арабских поэтах и историках, таких как Абу-ль-Фарадж аль-Вава Дамасский, Абуль-Ала аль-Маарри, Абу Ханифа ад-Динавери, Ибн Тагриберди, Мутанабби, Ибналь-Мутазз, сопроводив их академически совершенными переводами. Нужно констатировать тот факт, что все переводы этих авторов прочно вошли в золотой фонд мировой арабистики. Крачковский написал два прекрасных очерка об арабской культуре: «Арабская культура в Испании» и «Арабские географы и путешественники». Научно-популярные по своему назначению, они по существу

являются капитальными исследованиями, также вносящими большой вклад в мировую арабистику [6]. Автор устанавливает хронологические рамки периода арабской культуры в Испании с VIII в. по 1492 г. В первой работе дается краткая характеристика состава населения по этническому и религиозному признакам, однако большое внимание Крачковский уделяет различным сторонам экономической и социальной жизни страны: земледелию, ремесленному производству, торговле. Он характеризует состояние землепользования, дает описание администрации, суда, войска и т. д. Ученый приходит к выводу, что Андалусия (завоеванная арабами часть Пиренейского полуострова) во время халифата была одной из самых населенных и богатых стран Европы. Во второй работе дается своеобразный анализ арабской поэзии, вошедшей в сокровищницу мировой литературы. И. Ю. Крачковский обосновывает тезис, согласно которому арабская поэзия в Испании явилась продуктом глубокого взаимодействия восточной и западной, то есть романской и арабской культур. Работы И.Ю. Крачковского снабжены обширным списком источников и литературы по данному предмету и развернутыми примечаниями по дельным вопросам [4].

Деятельность И.Ю. Крачковского по части перевода арабских литературных памятников на русский язык — еще одно свидетельство восприятия им арабской литературы как части литературы мировой. Благодаря научно-исследовательской работе И.Ю. Крачковского значительно расширилась и рукописная база русской арабистики: в 20-30-е годы заметно обогатились собрания Азиатского музея (позднее Института востоковедения АН СССР), в те же годы и позднее возникли новые центры сбора и хранения рукописей в Ташкенте, Казани, Баку, Тбилиси, Махачкале, Душанбе, Самарканде, Ереване. По своему назначению они по существу являются капитальными исследованиями, также вносящими большой вклад в мировую арабистику [7]. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследований академика И.Ю. Крачковского легли в основу формирования и становления русской школы арабистики.

Список литературы

1. Алексеев В.М. Академик И.Ю. Крачковский. Предисловие и посвящение. Наука о Востоке (Статьи и документы). М., Наука, 1982.
2. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и в России / В.В. Бартольд – М.:
3. Беляев В.М. Винников И.Н. Памяти акад. И.Ю. Крачковского. (16. III.1883 – 24.I.1951) // Палестинский сборник. Вып. I, (63)
4. Долинина А.А. Игнатий Юлианович Крачковский как исследователь арабской литературы Народы Азии и Африки. 1985. № 2.
5. Долинина А.А. Неопубликованные переводы из арабской литературы. письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.
6. Издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы. Москва 1977
7. Луцкий В.Б. Академик Крачковский. Восточный архив №1 (35), 2017
8. Малаховская В.В., Малаховский А.К., Савичева Е.М. У истоков российской арабистики: академик Игнатий Юлианович Крачковский Диалог со временем. 2019. Вып. 68.

© **Зайнабиддинова З.М., 2022**

Назаров Равшан Ринатович,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
Институт государства и права
Академии наук Республики Узбекистан;
доцент, Ташкентский филиал Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова,
Узбекистан, Ташкент
Shon2002@yandex.ru

Nazarov Ravshan Rinatovich,
PhD (Philosophy), Senior Researcher,
Institute of State and Law
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan;
Associate Professor, Tashkent Branch
of Plekhanov Russian University of Economics,
Uzbekistan, Tashkent
Shon2002@yandex.ru

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ**

**POLITICAL AND LEGAL FOUNDATIONS
OF INTERNATIONAL COOPERATION
OF THE CENTRAL ASIAN STATES:
THE STAGE OF FORMATION**

Аннотация: В данной статье анализируется этап становления международного сотрудничества государств Центральной Азии и главные политико-правовые документы, лежащие в основе этого сотрудничества: Декларации о суверенитете, Устав СНГ, Алма-Атинская декларация, двусторонние и многосторонние договора и соглашения. Народы Центральной Азии имеют многовековой опыт совместного добрососедского проживания в рамках единых и раз-

личных государств. Новый этап развития начался в начале 1990-х гг. после распада СССР и создания СНГ.

Ключевые слова: Центральная Азия; сотрудничество; связи; контакты; интеграция; глобализация; регионализация; внешняя политика; международное право

Abstract: This article analyzes the stage of formation of international cooperation between the Central Asian states and the main political and legal documents underlying this cooperation: Declarations of Sovereignty, the CIS Charter, the Alma-Ata Declaration, bilateral and multilateral treaties and agreements. The peoples of Central Asia have centuries-old experience of living together as good neighbors within the framework of united and different States. A new stage of development began in the early 1990s after the collapse of the USSR and the creation of the CIS.

Keywords: Central Asia; cooperation; relations; contacts; integration; globalization; regionalization; foreign policy; international law

Государства и народы Центральной Азии имеют длительный, многовековой опыт контактов и сотрудничества. На протяжении истории территория региона входила в состав многих государств: Бактрия, Согд, Маргиана, Чач (Шаш), Хорезм, Ахеменидская империя, империя Александра Македонского, Греко-Бактрийское царство, Кушанская держава, Тюркский каганат, Арабский халифат, государства Саманидов, Караханидов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов-Ануштегинидов, Монгольская империя Чингизидов, государства Темура и Темуридов, Шейбанидов, Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства, Российская империя, Советский Союз. Как отмечают эксперты: «Необходимость регионального сотрудничества сегодня можно воспринимать как некую аксиому, и действительно, страны региона тесно связаны географически, культурно и этнически. Общность менталитетов народов, населяющих регион, и угрозы стабильности и безопасности – также общие для всей Центральной Азии. Это дает возможность говорить о том, что региональное взаимодействие и интеграция на сегодня являются приоритетом, как политической, экономической, так и социальной сферы жизни» [27, с. 29].

Процессы глобализации современного мира влияют на международные контакты. В ходе международных коммуникаций под влиянием объективных и субъективных факторов формируются локальные и региональные контакты разной степени интенсивности. Как отмечают эксперты: «В XXI в. на фоне глобализации широкое распространение получил тренд регионализации. Для государств Центральной Азии, имеющих давние культурные, исторические, экономические связи, региональная интеграция имеет особое значение. Благодаря ей можно было бы укрепить не только экономические, гуманитарные, но и политические связи между государствами, а также создать устойчивый механизм принятия решений на наднациональном уровне» [9, с. 66].

Активные международные взаимодействия логично перетекают в сотрудничество, нацеленное на решение общих проблем. В современный период развито международное сотрудничество в разных формах и направлениях. Поэтому важно понимание дефиниции «международное сотрудничество» как в общетеоретическом, так и в политико-правовом смысле [21]. Это связано с тем, что понятие «международное сотрудничество» активно используется в научных работах, в публицистике, национальных и международных политико-правовых актах. Рассмотрение данных источников показывает, что чаще всего авторы мало внимания уделяют указанному термину. Научно-теоретическое понимание проблем международного сотрудничества характерно в основном для политологов и юристов-международников [38].

Эксперты полагают, что международное сотрудничество опирается как минимум на три основных элемента: общие цели и задачи государств-партнеров, ожидание ими определенных выгод от ситуации, взаимный характер указанных выгод [39, с. 441]. Политико-правовые аспекты международного сотрудничества в регионе Центральной Азии рассматривались в трудах таких исследователей как Е.С. Аничкин [3], Н.М. Бевеликова и А.В. Павлушкин [4], Т.В. Вербичкая [7; 8], А.М. Ибрагимов и Г.Н. Нуцалханов [19], Т.М. Турсунмуратов [35], Б.Н. Умаров [36].

Современный этап сотрудничества государств Центральной Азии начался в 1990-1991 гг., когда все государства региона провозгласили сначала суверенитет, а потом и свою незави-

симость. Первыми правовыми документами были Декларации о суверенитете, принятые всеми республиками ЦА в 1990 г.: 20 июня – Узбекистаном, 23 августа – Туркменистаном, 24 августа – Таджикистаном, 25 октября – Казахстаном, 15 декабря – Кыргызстаном.

В этих документах уже отражался обновленный статус республик как субъектов международного права. Так, в статье 14 Декларации о суверенитете Казахстана отмечался принцип международной субъектности: республика «обладает правом выступать самостоятельным субъектом международных отношений, определять внешнюю политику в своих интересах, обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами, участвовать в деятельности международных организаций, в том числе ООН и ее специализированных учреждений» [11].

В Декларации о суверенитете Узбекистана отмечалось, что Узбекистан «признает и уважает основные принципы международного права» (статья 6), в ведение республики «входят все вопросы внутренней и внешней политики» (статья 5), Узбекистан «определяет принципы и осуществляет политические, экономические, культурные и иные отношения с союзными республиками и другими государствами на основе договоров» (статья 7) [15].

Декларация о суверенитете Таджикистана подчеркивала, что республика «осуществляет непосредственные сношения с иностранными государствами, заключает с ними договоры экономического, культурного и научно-технического характера, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами, в случае необходимости принимает участие в деятельности международных организаций» (статья 15) [13].

В Декларации о суверенитете Кыргызстана отмечено, что республика «является равноправным участником международного общения, активно способствует укреплению мира и международной безопасности. Как субъект международного права республика осуществляет непосредственные сношения с другими государствами, заключает с ними договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами, принимает участие в деятельности международных организаций» (статья 13) [12]. Причем Кыргызстан

первым из республик ЦА официально изменил название с Кыргызской ССР на Республику Кыргызстан (а позже – Кыргызская Республика).

Декларация о суверенитете Туркменистана подчеркнула, что республика «осуществляет непосредственные сношения с другими государствами, заключает с ними договоры, обменивается – дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами, принимает участие в деятельности международных организаций, активно способствует укреплению общего мира и международной безопасности» (статья 9) [14].

В 1991 г. все республики ЦА провозгласили независимость – 31 августа Узбекистан и Кыргызстан, 9 сентября – Таджикистан, 27 октября – Туркменистан, 16 декабря – Казахстан.

После подписания 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений руководителями России, Украины и Белоруссии относительно ликвидации Союза ССР государства Центральной Азии солидарно выразили свою позицию [33]. 13 декабря 1991 г. в Ашхабаде состоялась встреча лидеров пяти центрально-азиатских республик, в ходе которой им удалось выработать единую позицию по проблеме Беловежских соглашений. России, Украине и Белоруссии было предложено включить в Содружество все желавшие войти в него республики бывшего СССР. В своем совместном Заявлении лидеры пяти республик ЦА отметили, что: необходима координация усилий по формированию СНГ; создание СНГ должно осуществляться на правовой основе; должно быть обеспечено равноправное участие субъектов в процессе выработки решений и документов о СНГ, при этом все государства, образующие Содружество, должны быть признаны в качестве учредителей; следует учесть исторические и социально-экономические реалии ЦА; СНГ должно гарантировать равноправие всех наций и народностей, защиту их прав и интересов; СНГ не может образовываться по этническому, конфессиональному или любому иному признаку, нарушающему права человека и народов; СНГ признает территориальную целостность и неприкосновенность границ [18].

21 декабря 1991 г. в Алма-Ате 11 республик бывшего СССР (в том числе все 5 центрально-азиатских) подписали Протокол о вхождении в СНГ на правах равноправных соучредителей [32], а также Алма-Атинскую Декларацию. В этом документе было отмечено, что отношения между государствами «будут

развиваться на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета и суверенного равенства, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы и угрозы силой, экономических и любых других методов давления, мирного урегулирования споров, уважения прав и свобод человека, включая права национальных меньшинств, добросовестного выполнения обязательств и других общепризнанных принципов и норм международного права» [2].

Дипломатические отношения между государствами региона были установлены в 1992-1993 гг.: 5 октября 1992 г. – между Казахстаном и Туркменистаном, 9 октября 1992 г. – между Кыргызстаном и Туркменистаном, 15 октября 1992 г. – между Казахстаном и Кыргызстаном, 20 октября 1992 г. – между Таджикистаном и Узбекистаном, 23 ноября 1992 г. – между Казахстаном и Узбекистаном, 7 января 1993 г. – между Казахстаном и Таджикистаном, 8 января 1993 г. – между Туркменистаном и Узбекистаном, 14 января 1993 г. – между Кыргызстаном и Таджикистаном, 27 января 1993 г. – между Таджикистаном и Туркменистаном, 16 февраля 1993 г. – между Кыргызстаном и Узбекистаном.

29 сентября 1992 г. в Ташкенте был подписан Договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Узбекистан и Республикой Кыргызстан» (ратифицирован 6 мая 1993 г.) [29]. 4 января 1993 г. также в столице Узбекистана был подписан Договор «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан» (ратифицирован 6 мая 1993 г.) [30].

22 января 1993 г. на саммите стран СНГ в Минске удалось принять Устав Содружества, вступивший в силу в январе 1994 г. [37]. Решение о его принятии было подписано главами 7 государств, в том числе – 4 государств ЦА (воздержался только Туркменистан). В Уставе СНГ отмечено: «Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов. Государства-члены являются самостоятельными и равноправными субъектами международного права. Содружество служит дальнейшему развитию и укреплению отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами» (статья 1) [37].

В целях расширения и укрепления регионального сотрудничества, создания и активизации центрально-азиатского рынка 30 апреля 1994 г. был подписан Договор о создании Единого экономического пространства (ЕЭП) между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Была принята Программа экономической интеграции, которая предусматривала создание целого ряда СП, развитие производственной кооперации, сотрудничество в сфере совместного использования водно-энергетических и углеводородных ресурсов, совместного использования межгосударственных газопроводов, рост взаимных инвестиций, проведение согласованной таможенной политики, совместное развитие транспорта и связи [17, с. 6].

В январе 1997 г. был подписан Договор о вечной дружбе между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан. Он явился как бы итогом трехсторонних встреч Президентов Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в Алма-Ате (1993), Чолпон-Ате (1994) и Ташкенте (1996). Ключевыми аспектами Договора стали следующие моменты: широкомасштабное сотрудничество и взаимное доверие; уважение независимости, суверенитета, территориальной целостности и нерушимости государственных границ, принципов невмешательства во внутренние дела друг друга, равноправия и взаимной выгоды; предотвращение угрозы независимости и суверенитету, территориальной целостности и проведению независимой политики; согласование позиций по региональным и глобальным вопросам, затрагивающим общие интересы; развитие торгово-экономических отношений, связей в области культуры, науки и технологий на широкой основе и с учетом долгосрочных перспектив [16].

В апреле 1997 г. был ратифицирован Договор между Республикой Узбекистан и Туркменистаном о военно-техническом сотрудничестве» [31] и целый блок документов, связанных с сотрудничеством Узбекистана и Кыргызстана – Договор о вечной дружбе, Договор о сотрудничестве в военной области, Договор об оказании взаимной правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам.

26 марта 1998 г. к ЕЭП присоединился Таджикистан. С 17 июля 1998 г. организация получила официальное название – Центрально-азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). ЦАЭС просуществовало до 2005 г., когда было объе-

динено с ЕврАзЭС, и начался новый этап сотрудничества государств региона в рамках надрегионального проекта.

Основными интеграционными проектами региона ЦА в разное время были (а часть – и остается) следующие: Содружество независимых государств (СНГ), Центрально-Азиатское сотрудничество (ЦАС), Евразийский союз (ЕАС), Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Есть аспекты международного регионального сотрудничества, вызывающие особый интерес исследователей. В частности, это вопросы экологии, водопользования и природопользования в целом, рассмотренные в трудах таких исследователей как Ч.Б. Акунова [1], И.Ф. Беглов и И.В.Беликов [5], Д.Х. Исламова [20], А.В. Кукушкина и Ш.Дж. Содиков [22; 23; 34], Ш.М. Курбонов [24], Н.Р. Маллаев [25], С.С. Мамедова [26] и др. Начало региональному сотрудничеству в сфере водопользования было положено 18 февраля 1992 г. в г. Алматы (Казахстан) подписанием Соглашения между всеми пятью государствами ЦА «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников». Этим соглашением была создана Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК) по проблемам регулирования, рационального использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников [5, с. 114-115].

Мы согласны с мнением о том, что для того «чтобы создать возможность консолидации государств, странам Центральной Азии необходимо окончательно преодолеть все имеющиеся политические и экономические разногласия по вопросам спорных государственных границ, рационального использования водных ресурсов, создать условия для развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры региона» [9, с. 75].

Заключение

- Для понимания современного состояния центрально-азиатской интеграции необходимо тщательно исследовать начальный этап формирования политико-правовых основ международного сотрудничества в регионе.

- Все пять государств региона ЦА являются членами та-

ких международных организаций как ООН, СНГ, ОИС, ЭКО, осуществляя в той или иной форме сотрудничество в их рамках.

- Есть и другие международные площадки, на которых осуществляется сотрудничество между государствами ЦА – это ЕАЭС (Казахстан, Кыргызстан – члены, Узбекистан – наблюдатель), ОДКБ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), Организация тюркского сотрудничества (все государства кроме Таджикистана).

- Среди основных направлений перспективного регионального сотрудничества – вопросы устойчивого развития [22], безопасность [6; 19; 38], экономика [10; 40], транспорт и логистика, экология и водное хозяйство [1; 20; 28], культурно-гуманитарная сфера [7; 8; 27].

Список литературы

1. Акунова Г.Ч. Особенности водной дипломатии в Центральной Азии. Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8(2). С. 229-241.
2. Алма-Атинская Декларация// URL: <https://cis.minsk.by/site/about-cis> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
3. Аничкин Е.С. Конституционное право Российской Федерации и стран Центральной Азии в контексте универсализации // Правовые системы России и стран Центральной Азии: проблемы развития и взаимовлияния. Барнаул: АлтГУ, 2018. С. 27-33.
4. Бевеликова Н.М., Павлушкин А.В. Россия в Центральной Азии: правовые вызовы современной интеграции// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1. С. 88-97.
5. Беглов И.Ф., Беликов И.В. Четверть века на службе водного сотрудничества Центральной Азии// Водное хозяйство России. 2018. № 1. С. 114-121, 114-115
6. Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). М.: Проспект, 2014. - 191 с.
7. Вербицкая Т.В. Международные соглашения и национальные правовые акты государств Центральной Азии: ожидание и реальность сотрудничества с Россией в гуманитарной сфере// Постсоветские исследования. 2020. Т.3. № 1. С. 82-90
8. Вербицкая Т.В. Формы политического сотрудничества России и государств Центральной Азии в области защиты интеллектуальной собственности: пути развития диалога сторон // Вопросы управления. 2022. № 2. С. 19-33.

9. Гарбузарова Е. Активизация межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве. На примере постсоветских стран Центральной Азии// *Obozrevatel*-Observer. 2019. № 11. С. 66, 75
10. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: правовое и экономическое исследование. Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 332 с.
11. Декларация о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики// *Казахстанская правда*. 28 октября 1990 г.
12. Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан// URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205081> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
13. Декларация о государственном суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики// URL: <https://www.gorby.ru/userfiles/tadgikistan.pdf> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
14. Декларация о государственном суверенитете Туркменской Советской Социалистической Республики// URL: <https://www.gorby.ru/userfiles/turkmenistan.pdf> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
15. Декларация о государственном суверенитете Узбекской Советской Социалистической Республики// URL: <https://lex.uz/docs/185389> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
16. Договор о вечной дружбе между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан от 10.01.1997 г.// URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000242> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
17. Договор о создании единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан// Сборник основных документов Межгосударственного Совета Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. Бишкек, 1998. С. 6
18. Заявление глав среднеазиатских республик СССР// URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Заявление_глав_среднеазиатских_республик_СССР_от_13.12.1991 (дата обращения: 27.06.2022 г.)
19. Ибрагимов А.М., Нуцалханов Г.Н. Правовые формы сотрудничества государств Центрально-Азиатского региона в создании и функционировании безъядерной зоны// *Юридический вестник ДГУ*. 2012. № 4. С. 71-73.
20. Исламова Д.Х. Политика Республики Узбекистан в сфере охраны окружающей среды// *Проблемы науки*. 2018. № 11 (35). С. 65-69.
21. Крысанов А.В. Международное сотрудничество: общетеоретическое и правовое измерение// *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. 2018. № 4. С. 23-28.
22. Кукушкина А.В. Концепция устойчивого развития (международно-правовые аспекты) // *Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Право*. 2017. № 23. С. 29-39;

23. Кукушкина А.В., Содиков Ш.Д. Проблема международного правового статуса водных ресурсов в Центральной Азии// Закон и право.2018. № 12. С. 31-39;
24. Курбонов Ш.М. Развитие сотрудничества в области водной дипломатии в Центральной Азии// Oriental Journal of History, Politics and Law. 2022. Том 2. № 2. С. 88-99.
25. Маллаев Н.Р. Международно-правовое регулирование трансграничных водных ресурсов государств Центральной Азии // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 5. С. 391-401.
26. Мамедова С.С. Международное сотрудничество в сфере использования водных ресурсов (на примере Центральной Азии)// Уникальные исследования XXI века. 2015. № 7. С. 208-211.
27. Омаров М.М. Интеграция стран Центральной Азии на основе региональной идентичности// Вестник Череповецкого государственного университета. Исторические науки. 2012. № 4. Т. 1. С. 29-32. – С. 29.
28. Орловский Н.С., Зонн И.С., Костяной А.Г., Жильцов С.С. Изменение климата и водные ресурсы Центральной Азии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 1. С. 56-78.
29. Постановление Верховного Совета Республики Узбекистан о ратификации Договора «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Узбекистан и Республикой Кыргызстан» от 06.05.1993 г.// URL: <http://old.lex.uz/ru/docs/232574> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
30. Постановление Верховного Совета Республики Узбекистан о ратификации договора «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан» от 06.05.1993 г. // URL: <http://old.lex.uz/ru/docs/232557> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
31. Постановление Олий Мажлиса Республики Узбекистан «О ратификации Договора между Республикой Узбекистан и Туркменистаном о военно-техническом сотрудничестве» от 25.04.1997 г.// URL: <http://old.lex.uz/ru/docs/52674> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
32. Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной // URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
33. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств// URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/682a55a474d019e747227e67eba18ee6/soglashenie_sng.pdf (дата обращения: 27.06.2022 г.)
34. Содиков Ш.Д. Вода как источник энергетической безопасности (на примере Таджикистана) // Вопросы политологии. 2017. № 2 (37). С. 110-114.

35. Турсунмуратов Т.М. Политико-правовые основы внешнеполитической деятельности Европейского союза в регионе Центральной Азии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 4. С. 162-168.
36. Умаров Б.Н. Современное взаимодействие республик Центральной Азии в сфере образования// Система ценностей современного общества. 2011. № 20. С. 120-123.
37. Устав Содружества Независимых Государств// URL: <https://cis.minsk.by/site/about-cis> (дата обращения: 27.06.2022 г.)
38. Фуражнин Д.Ю. О понятии «международное сотрудничество в области противодействия терроризму» // Право в Вооруженных силах. 2017. №12. С. 83 – 88.
39. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с. - С. 441.
40. Шумский Н.Н. Региональные экономические объединения постсоветских государств. Организационно-правовое обеспечение процессов интеграции. Минск: Белорусская наука, 2010. - 324 с.

© Назаров Р.Р., 2022

Олимиён Сабрина Шамсулло
ответственный редактор газеты «Карлукнома».
journalist2020@mail.ru

Olimiyon Sabrina Shamsullo
Responsible person editor of the newspaper «Karluknoma».
journalist2020@mail.ru

**ТРИ ПРАЗДНИКА САДА, НАВРУЗ, МЕХРГОН
В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НА ПРИМЕРАХ
САЙТОВ WWW.JUMHURIYAT.TJ И WWW.MILLAT.TJ**

**THREE HOLIDAYS OF SADA, NAVRUZ, MEHRGON
FOR EXAMPLE WWW.JUMHURIYAT.TJ AND WWW.MILLAT.TJ**

Аннотация: Статья посвящена анализу материалов сайтов www.jumhuriyat.tj и www.millat.tj. Автор акцентирует внимание на методике подачи материала журналистами. Он считает, что источником всех культурных материалов газеты является руководство главы государства. Особое внимание главы государства к развитию национальной культуры послужило источником вдохновения для журналистов в освещении вопросов национальной культуры. Благодаря этому журналисты часто обращаются к историческим и литературным источникам при обзоре культурных материалов, особенно трех национальных праздников – Навруза, Мехргана и Сада, и таким образом проливают свет на аспекты национальной культуры, которые непонятны общественности. В материалах, опубликованных на сайте www.jumhuriyat.tj и www.millat.tj, авторы ссылаются на произведения Фирдавси, Беруни, авторов разных словарей и культур, отражают современное состояние праздников в разных регионах Таджикистана, соседних странах. Они смогли проявить милосердие.

По словам автора, позиция сайтов www.jumhuriyat.tj и www.millat.tj в повышении информированности населения страны о признании государственных праздников очень велика. В статье исполь-

зованы различные научные источники, а автор обосновывает свою позицию и мнение взглядами исследователей и проанализированными примерами.

Ключевые слова: культура; праздники; Сада; Навруз; Мехрган; форма и содержание

Abstract: The article is devoted to the analysis of materials from the websites of the www.jumhuriyat.tj and the www.millat.tj. The author focuses on the methodology for presenting material by journalists. He believes that the source of all cultural materials of the newspaper is the leadership of the head of state. The special attention of the head of state to the development of national culture served as a source of inspiration for journalists in covering issues of national culture. Due to this, journalists often turn to historical and literary sources when reviewing cultural materials, especially the three national holidays - Navruz, Mehrgan and Sad, and thus shed light on aspects of national culture that are not understood by the public. In the materials published on the website of the www.jumhuriyat.tj and the www.millat.tj the authors refer to the works of Ferdowsi, Beruni, authors of different dictionaries and cultures, reflect the current state of holidays in different regions of Tajikistan, neighboring countries. They were able to show mercy.

According to the author, the position of the website of the www.jumhuriyat.tj and the www.millat.tj in raising the awareness of the population of the country about the recognition of public holidays is very great. The article uses various scientific sources, and the author substantiates his position and opinion with the views of researchers and analyzed examples.

Keywords: culture; holiday; Sada; Navruz; Mehrgan; form and content

Каждая страна имеет свои национальные праздники, независимо от того много населения или мало. И, конечно же, в мире любое государство известно своими национальными праздниками, обычаями, традициями. Основатель мира и национального единства - Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон вместе с народом страны, продолжает идти по пути укрепления мира и стабильности, выражения процесса солидарности, целостности нации, спокойной и достойной жизни всех народов, эффективных и надежных

шагов к светлому будущему, воплощению ритуалов и законов, построенных на историческом примере предков.

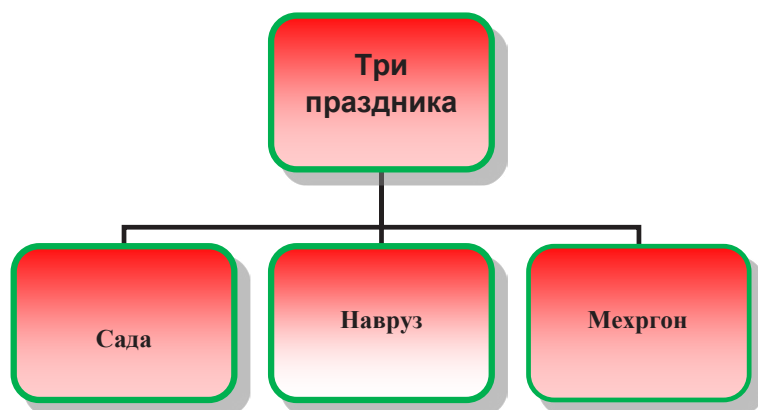
Сегодня для отечественных и зарубежных народов представляет интерес национальные праздники таджиков – Навруз, Мехргон, Сада, цветочная церемония, Ашагулан, Сайри гули лола, Сумалак, праздник дыни, праздник меда. Все это дополняет воспитание детей, ремесла, жилье, традиционная национальная одежда: атлас, чакан, национальные блюда и многое другое. Все это свидетельствует о том, что Основатель мира и национального единства, Лидер нации, уважаемый Эмомали Рамон уделяет особое внимание культуре своей страны и стремится к тому, чтобы не только местные жители, но и иностранцы познакомились с национальной культурой Таджикистана. Как сказал основатель мира и национального единства, Лидер нации, уважаемый Эмомали Рахмон в 2000 году в своем послании к первому собранию Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан: *«История показала, что таджикский народ с древнейших времен и до наших дней сохранил образ своей нации, прежде всего, через культуру, и завоевал авторитет среди других народов и наций»* [6].

В своей статье мы рассмотрели публикации, которые признаны национальными СМИ. Наряду с этим, в сердцах жителей страны каждый год они принимаются с благодарностью и уважением. Также они отражены в творчестве ученых.

Поскольку размышления о проблемах национальной культуры неразрывно связаны с самопознанием, можно сказать, что прямые исследования в этой области проводятся М. Абдуллоевым *«Таджикская публицистика и национальное самопознание (конец XIX века и первая половина XX века)»* [1]. Автор в своей монографии очень широко исследует вопрос формирования национального самосознания таджиков от художественно-публицистических произведений литературной классики до советской прессы. Не говоря уже о том, что отражение элементов национальной культуры также подчеркивается как знак самопознания, особенно в прессе вышедшей в свет после Октябрьской революции. Докторская диссертация исследователя таджикской печати А. Азимова *«Таджикская журналистика в годы Культурной революции»* [2] также входит в число специальных исследований, посвященных осве-

щению национальной культуры в печати 30-х годов XX века. Группа авторов учебного пособия "Переосмысление вопросов культуры в средствах массовой информации" [5] уделила больше внимания способу рассмотрения национального искусства и ремесел в средствах массовой информации. Помимо объяснения важных концепций и терминов декоративно-прикладного искусства, разработчики руководства показывают практическим журналистам способы рассмотрения культурных реалий. Другой исследователь А. В. Буряковская подготовила монографию под названием "Коммуникационные характеристики массовой культуры в медиа-дискурсе" [4].

Конечно, вопрос о культуре является узкоспециализированным и широким, поэтому мы будем принимать решение только об одном распространении, то есть о тройном размещении на указанном сайте, под анализом и обзором.

Из многих исторических источников или из произведений поэтов и писателей следует, что Навруз известен как поэт, а Меxргон – как Фарадун. Так же, как внешние Абурайцы подтвердили это высказывание, отметив в книге "Ут-гафихим - ли авоилис - индустриатит-танжим": «Меxргон - Шестнадцатый день – это месяц, а его имя – месяц. И вот в этот день возродился триумф над Бюросом Джоду. И остановился на Дамовандской горе. И в те дни, когда за ними стоит труд, все тяготеют к его деяниям – за Наврузом. И шестая из них – великая земля, называемая Ромрусом, и злой, знающий ее».

По этому поводу поэты и писатели писали в течение многих лет. Наша цель здесь – проанализировать вопросы в таджикской периодической прессе. Конечно, национальные праздники состоят не только из этих трех. Но мы выбрали эти публикации как тройные, потому что в творчестве поэтов и писателей эти места также называли “тройными”. Мы рассматриваем эти вопросы на веб-сайтах www.jumhuriyat.tj а также www.millat.tj.

Из исследованных источников следует, что в первую очередь проводится репортаж с Сада, затем – в марте, а в последние месяцы – в октябре.

Первые материалы на сайте www.jumhuriyat.tj под заголовком “Сад - это место Солнца, а не огня” в 2015 году подготовлен и опубликован газетой Раштского района.

Автор предоставил информацию о бедственном положении народа Бадахшана, подробно проанализировал и рассмотрел каждую из его частей.

В материале отмечается, что церемония переподготовки в Горном Бадахшане охватывает весь мир:

1. 30-31 января – Солнце в человеке или сам сад.
2. 22-23 февраля – Батем.
3. 18-19 марта – Садихтайд Остоннихтайд (экскурсия по парку или кладбищу).
4. 21-22 марта – Гамуд или Хидир – великий праздник.

Автор проанализировал и рассмотрел каждый этап ритуалов отдельно. В связи с этим отмечается начало Нового года в Бадахшане. Этот пост также много упоминается в трудах писателей и исследователей. В том числе в ” Артефактах уль-богия». Внешне садский язык выражается как великая женская роль преданных иранцев. В Таджикистане, с другой стороны, рассматривается как переход природы от холода к теплу или начало весны. Автор собрал интересующую информацию по составу горной части Бадахшана, подготовил и опубликовал содержательный материал для читателя.

Другой материал на сайте www.millat.tj – описание приведенного выше материала подготовлено и опубликовано в 2014 году под заголовком “Навруз Бадахшан” по легенде о Би-би-си». Автором материала является одно лицо, а содержание материалов одно и то же. Автор в этом материале также рассказывает о стадии переподготовки Бадахшана. Различия

можно увидеть только в годе публикации, заголовках материалов и в том, как они описываются. Автор собирает и публикует информацию о морских бедствиях Бадахшанского народа. Читатель получает информацию, читая материалы по одному предмету, а именно по новостным публикациям в Бадахшане.

Во-вторых, это Новое время, и все это происходит на международной арене с благодарностью.

О новом выпуске на сайте www.millat.tj под заголовком ” Семь шин или первые символы и традиции нового дня» в 2014 году, подготовленным кандидатом наук по истории доцентом Национального университета Таджикистана Иосифом Шодипуром. Автор начал информировать о происхождении нового издания и опирался на новизну ученых, исследователей, чтобы поделиться своими мыслями и мнениями. Чтобы осмысленно подготовить свой материал, автору необходимо заново изобрести историю. Затем он прошел по коду «семь шин» и перечислил, проанализировал и рассмотрел каждую его часть:

1. **Шахд** – сладость жизни;
2. **Молоко** – чистота;
3. **Вино** – хорошее настроение;
4. **Сахарный тростник** – восторг;
5. **Свечи** – тепло;
6. **Меч** – долгая жизнь;
7. **Фрукты** – обильное ежедневное питание.

Автор говорил о «семи шинах», как показано выше, анализируя и рассматривая каждую из них по отдельности, цитируя отрывки из мемуаров исследователей, чтобы дополнить их информацию. Также здесь упоминается фотография, две фотографии новоиспеченной песни, одно отражение “семь шин” и еще одно фото Алова, которое было традицией среди арийцев. Материал готов и представлен в зрелом, привлекательном, значимом виде. Читатель будет в восторге от его чтения о недавней истории.

Последующий материал на сайте www.jumhuriyat.tj под заголовком «Навруз в мире» опубликованный в 2011 году, отражает разобщенность других стран.

Следующий праздник – Мехргон, который упоминается в историко-культурных и литературных источниках, в стихах классических таджикских и персидских поэтов как символ изобилия и блага, милости садовников и земледельцев. Другими словами, этот праздник в большей степени посвящен фермерам. Празднование Мехргона описано Абу Райханом аль-Бируни следующим образом: Мехр – это первый день Хурмуздруза, а 16-й день Мехра – великий праздник, а Мехргон, как известно, является вторым сокровищем, и этот праздник подобен другим праздникам для всех людей. И его толкование – дружба души. И скажи, что Милосердие есть имя Солнца, и как Солнце явилось в этот день для мира. Вот почему этот день называется Мехргон, а свидетельством этому является то, что по сасанидской традиции в этот день носили корону с изображением Солнца на ней, и Солнце ехало на своем колесе, а в этот день был рынок для иранцев.

В исторических источниках Мехргон также называют «Митракона или Митра». Согласно источникам, этот праздник имеет четырехтысячелетнюю историю, а в переводе с персидского означает свет, дружбу, связь и любовь, и считается разоблачающим ложь. Среди них «Шохнома» Абулкаси́ма Фирдави, «Аттафким» А. Беруни, «Бурхони Котей», «Вос-

поминания» С. Айни . То же самое цитируется в материале. Как упоминается в «Шохнаме» Абулкасима Фирдоуси: «День Мехргона он считает первый день восшествия Фариддуна на престол и приписывает ему начало торжества. В «Воспоминаниях» С. Айни утверждает: «Праздник, который можно оставить со всеми его изменениями, — это праздник Мехргон».

Вывод: анализ и обзор материалов на сайтах показывает, что национальная культура признается журналистами как важная часть информации. Поэтому обсуждение национальной культуры как важной части СМИ происходит на страницах сайтов и периодических изданиях. На обоих сайтах опубликовано много материалов о национальных традициях. Поэтому мы проанализировали некоторые из них в качестве примеров. На обоих сайтах статей о Наврузе больше, чем о Мехргоне и Саде.

Список литературы

1. Абдуллоев М. Таджикская публицистика и национальная идентичность / М. Абдуллоев. – Душанбе, 2014. – 309с.
2. Азимов А. Таджикская журналистика в годы Культурной революции) (1929-1940) / А. Азимов. – Душанбе, 2004. – 138с. (на тадж.яз.).
3. **Беруни** А. Ут-тафихим - ли авоилис - индустриатит-танжим / А. Беруни. – Душанбе: Ирфон, 1990. (на тадж.яз.).
4. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русс/го и англ/кого языков): монография / В. А. Буряковская; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2014. – 228 с.
5. Переосмысление вопросов культуры в средствах массовой информации.– Главный редактор: Ходжаева М.Ю. – Худжанд: Мъеродж, 2013. – 276 с. (на тадж.яз.).
6. Рахмонов Э. XXI век – век культуры мира и человеческого единства / Э. Рахмонов // Пайванд, 2001. – № 6. – С. 7-29. (на тадж.яз.).
7. www.jumhuriyat.tj – 2010-2015.
8. www.millat.tj – 2010-2015.

© *Олимиён С.Ш.*, 2022

Очилова Мехринисо Илхомовна
доцент кафедры английского языка, Таджикского
педагогического института в городе Пенджикент
Пенджикент, Таджикистан
ochilova.86@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО (НА ПРИМЕРЕ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ)

Аннотация: Декоративное искусство имеет большое значение в сохранении культурно-исторического наследия стран региона. В статье представлены ряд примеров декоративного характера, которые были распространены на Великом шелковом пути и имеют прямое значение для каждой из культур региона.

Ключевые слова: Шелковый путь, искусство, культурное и историческое наследие

Abstract: Decorative art is of great importance in preserving the cultural and historical heritage of the countries of the region. The article presents a number of decorative examples that were common on the Great Silk Road and are of direct importance for each of the cultures of the region.

Keywords: Silk road, art, cultural and historical heritage

Декоративно-прикладное искусство, пережившее свои спады и взлеты, продолжает развиваться в Зеравшанской долине, которая является одним из немногих очагов зарождения этого вида искусства. Здесь смогли сохранить выдающиеся образцы этого пласта таджикской культуры. В данной статье мы постарались представить особо характерные для этого региона орнаменты и узоры, встречающиеся в ручной вышивке, куруке и ковроткачестве. Объектом исследования послужили сюзане, «чимилик», наволочки, аксессуары, ковры, другие предметы домашнего обихода. География исследования охва-

тила джамоаты Зеравшанской долины – Магиян, Шинг, Фароб и Вешаб.

Богатое разнообразие узоров и декоративных мотивов, включенных в каталог, позволяет надеяться, что эти бесценные образцы своего рода свидетельства истории и культуры Зеравшана вызовут особый интерес у широкого круга читателей и, наконец, войдут в мировую сокровищницу текстильной орнаментики.

Одним из самых характерных крупных таджикских вышитых изделий является *сюзана*. Оно занимает важное место не только в украшении жилища, но и в самой жизни народа и является гордостью народного творчества. Необычайное разнообразие орнамента, гармония пропорций, красота, выразительность и исключительная законченность декоративного замысла сюзана достойны изумления и преклонения перед мастерством человеческих рук.

Сюзана в Таджикистане представляет собой настенный ковер, вышитый шелком или мулине гладью по хлопчатобумажной ткани, шелку или бархату. Изделие – на подкладке, обшито тесьмой или черной тканью. Композицию изделия с широкой нарядной каймой и полем составляют розетки цветов и символические мотивы.

Слово *сюзани* происходит от таджикского *сузан*, что в переводе означает «игла». Сюзана женщины вышивают разноцветными шелковыми, хлопчатобумажными нитями на шелковой или хлопчатобумажной ткани, обязательно оставляя кусочек недошитого полотна для того, чтобы новая юная вышивальщица могла приложить руку к практически законченному творению взрослых мастериц. В соответствии с народной традицией, незаконченный узор *сюзана* означал преемственность поколений и пожелание, чтобы в семье никогда не прекращались свадьбы.

В сложившихся еще в древности свадебных обрядах орнаменту сюзана приписывалось магическая сила оберегов, призванных сохранять молодых от темных сил.

Некогда существовали разные школы техники сюзана, например: *игла*, *ёрма*, *бигиз* и др. Сюзана каждого кишлака и каждого региона Таджикистана отличалось техникой вышивки.

Особенно разнообразна техника сюзана, выполненная не в самом Пенджикенте, а в окрестных кишлаках. По своему ор-

наментальному строю она иногда напоминает уратюбинские или канибадамские. Но по цветовому решению во многих случаях (особенно изделия начала XIX века) она явно отличается от них, тяготея к более мягкой и тонкой гамме цветов.

Широко распространено было изображение «розетки» (*садбарг, турунчи давраги, давра гул, даври шамси, шамси, мудавар, гули коса*) – рисунок в виде распустившегося цветка (роза – *садбарг*, ромашка, маргаритка – *гули мино*). Ее круглая форма воспринималось как символ солнца, обозначала космическую силу, движение, любовь и красоту, райскую жизнь. Солнце и луна представлялись розетками, иногда одной большой (*офтоби, турунчи давра, махтобу офтоб*) и одной малой (*махтоби, моху мехр*). Вихревая розетка воплощала идею круговорота явлений во Вселенной [3, с. 27].

Необычны по колориту и рисунку пенджикентские сюзаны с их редко встречающимися в таджикской вышивке сочетаниями бледно-розово-коричневой гамме цветов. Розетки здесь по своей внутренней разработке напоминают звезды на небе и подаются в композиции крупномасштабно и без дополнительных элементов вокруг. Пенджикентские вышивальщицы такие розетки часто называют *ситора*. Это явно астральные мотивы, культ которых прослеживаются во всемирно известных настенных росписях Пенджикента VII-VIII веков [3, с. 25].

Каждое *сюзаны* имеет несколько уровней толкования. Первый – это устройство Вселенной. Затем идут символы стихий – огня, воды, земли и воздуха. В каждый узор вплетен и смысл жизни. А смысл жизни по версии *сюзаны*, – это непрерывность, преемственной поколений. У *сюзаны* есть начало, но нет завершения. По древнему обычаю, в полотне обязательно остается небольшой незаконченный фрагмент. Его сложно найти, но он обязательно есть [1, с. 11].

Вечность – это основной символ каждого *сюзаны*. А затем идут пожелания и обереги тому, кому предназначено *сюзаны*. Цветы, миндаль, перец, гранат, дерево, ваза, чайник... Каждый элемент имеет свой смысл, свое философское значение. Было бы ошибкой трактовать эти символы однозначно. В миндале угадывается нож – как символ оберега, в цветке – огонь, очищающий элемент, в розетке – лицо, в дереве – жизнь, долголетие, здоровье, в вазе – жизнь, в чайнике – гостеприимство

и уют... И это только то, что мы видим. Потому что в самом маленьком *сюзане* смысла на целую книгу.

Курок – это лоскутное шитье из различных мелких кусочков материи, обычно из квадратиков, треугольников и полосок (прямоугольников), составляющих узор. Ремесло курока – **курокдузи** – очень широко распространено в Таджикистане, как и вообще среди других народов Средней Азии – узбеков, каракалпаков, казахов, киргизов и многих других.

Курок известен в Таджикистане с XVII века и весьма популярен в отдаленных районах страны. По преданию, часто изображающийся ромб символизировал женщину. Люди верили, что, если бездетная женщина зайдет в лоскутную шарму **чодар**, ее мечта стать матерью осуществится. Ведь функции вещей, сделанных в стиле курок, заключались в обереге, защите. Особенно для молодоженов. Поэтому в сундуках таджикских женщин годами хранятся такие вещи. Считалось, что разноцветные полотна могут скрасить жизнь супругов.

В зависимости от того, как скомпонованы кусочки разноцветной ткани – курок, получается сначала рисунок, а затем и ткань. Курок считается оберегом. Из него шьют детские халатки, женские и детские платья, камзолы, приданое для невесты – **дастархан** (скатерть) и одно одеяло, которое стелили на землю под **чодаром** (свадебным покрывалом); 2 курпачи и две подушки из **курока** давали в приданое всем невестам.

Описывая декоративные вышивки таджиков Верховьев Зерафшана, З.А. Широкова в статье «Декоративные вышивки таджиков Верховьев Зерафшана» отмечает, что искусство вышивки в Верховьев Зерафшана распространено не везде равномерно. В Матче и долине Фандарьи она чаще выполняется из лоскутных предметов **курок** (некоторые из лоскутных вставок украшаются вышивкой), как это было отмечено нами для ягнобцев из к. Котеппа в Зидди. Декоративный характер носят распространенные там небольшие вышивки типа **ойна-халта** (мешочек для зеркала), вышиваются и предметы одежды – поясные платки, платочки для рук, мешочки для чая и т.п. В кишлаках Шинг, Магиан и Кштут получила распространение также вышивка на одежде, однако изредка изготавливают и декоративные вышивки, чаще же там, как и в предыдущих кишлаках, вместо больших вышивок изготавливают декоративное панно из лоскутков [5, с. 54].

В настоящее время *курама* или *курок* является одним из традиционных видов народного прикладного искусства, в ряде случаев заменяя вышивку или сочетаясь с ней.

Однако многим людям, особенно молодежи, которая считает, что *курокдузи* применяют для красоты и нарядности, неясно его истинное назначение. Многие понимают, что подобные изделия полезно сохранить в доме, что они якобы обладают «хорошими» свойствами. Только представители старшего поколения знают, что *курок* имеет значение «оберега» в доме, и верят в его «защитные» свойства.

Например, в первые сорок дней после рождения ребенка, который назывался «чилла», роженицу не разрешалось навещать женщинам, у которых часто умирали дети. Однако если бездетная женщина приходила в дом роженицы, принеся с собой какую-нибудь вещь из *куроков*, то ее посещение считалось безопасным.

В *куроках* чаще применяются ромбовидные и треугольные формы. Форма треугольника явно имеет значение *тумора* – хранителя от сглаза. Ромб или квадрат, например, применяется для изображения лица человека у кукол – *луктак*. Как считает этнограф Е.М. Пещерова, такая кукла воплощала в себе образ духа, который должен охранять человека или вещь от зла, и в первую очередь от зла, называемого «сглазом».

Изделиям из кусочков материи издавна приписывались магические свойства. Здесь исходили из такого магического принципа, как подобное порождает подобное. Считалось, что вещи из мелких кусочков ткани способствуют тому, чтобы их обладателей было большое потомство, плодился скот, умножалось имущество. Например, у самаркандских таджиков каждой невесте обязательно шили *дастархан* и один тюфячок или *курпачу* из *куроков*, которые расстилали под свадебным занавесом – *чодар*, перед женихом и невестой. На *курпачаи куроки* должны были наступить молодые. Сама свадебная занавеска также шилась вручную из нескольких кусков ткани – верх обязательно белый. У таджиков других регионов каждой невесте обязательно на свадьбу в приданое шились одно большое одеяло – *курпа*, 2 *курпачи* и 2 подушки – *болиит* из *курока* с той же целью – предохранения молодых от сглаза и «нечистых сил», для плодovitости и богатства. Почти повсеместно в Таджикистане невесту в XIX – начале XX вв. везли

на лошади, украшенной лоскутами красной материи, т.е. **куроком** [3, с. 80]. В то же время в верховьях Зеравшана запрещалось использовать в поминальных трапезах дастарханы из куроков, потому что они якобы «удлиняли смертность».

В настоящее время одежда из куроков шьется тогда, когда людям угрожает наибольшая опасность от злых духов: роженнице, новорожденному в первые дни и годы его жизни, молодоженам, особенно во время свадьбы и первые дни после нее, спящему человеку и т.п.

В семьях, где часто умирали дети, новорожденному шили из куроков новую рубашечку – **куртаи чиллаги** (рубашку сорокодневья), более старшим – халатики, тубетейки и пр. Из куроков шились и принадлежности для колыбели (**гахвора, говора**): матрасик, подушечка, одеяльце – **курпачаи рунуши**, или **курпачаи шикампуши**, перевязка для рук и ног – **дастбанд и побанд**, чехол на колыбель – **гахворануш** и т.п.

Из куроков шились женские шаровары – **пойджома**. Считалось, что они должны были шиться из 2-х и более тканей различных расцветок, что считалось «савоб» [6, с. 65], возможно, они же имели значение оберега или могли способствовать многодетности.

В настоящее время значение **куроков** как оберега забывается, изделия превратились в любимый традиционный вид прикладного искусства, имеющего в первую очередь декоративное значение. Молодые матери прилагают много изобретательности и труда, чтобы создать новые, часто очень тонкие и трудоемкие узоры. Кусочки из дешевой материи сменились дорогими тканями разнообразных цветов и часто сочетаются с вышивкой в лучших традициях высокохудожественного произведения народного декоративного творчества.

Уникальный стиль **курока** из Вешаба, где часто замечается асимметрия. Также используется совмещение техник – ручной вышивки и **курока**. Следует отметить, что вышивка сюзанае, не так распространена в Вешабе. Здесь в украшении комнаты невесты часто используют **чодар** из **курока**.

Безворсовые ковры-паласы являются более распространенным видом изделий таджиков. В древние времена для их изготовления применяли овечью или козью шерсть, а позже хлопок. Иногда ткали палас из шерсти с хлопком. Такой ковер шириной от 5-6 и до 50 см имеет полосы, иногда ред-

ко окрашенные, иногда орнаментированные, бывает, что эти полосы сочетаются в одном изделии. Производством подобных ковров-паласов (шолов) издавна занимаются в некоторых районах Северного Таджикистана: Аште, Ганчинском районе, Пенджикенте, особенно в кишлаках Расраут и Шинг. Ткут их на примитивном станке, непосредственно во дворе, т.к. для изготовления паласа крупных размеров (2х3 и 3х5 м) требуется много места.

Шол из бараньей шерсти по своей расцветке менее красочен. При его изготовлении употребляют шерсть неокрашенную, естественного цвета: черную, коричневую, серую, белую. В орнаментации изделий почти всегда вводят красную шерсть, которая придает композиции красочность и нарядность. *Шол* орнаментирован сочетанием узких и широких полос. Каждая из них сложена из нескольких оттенков от светло-голубого до темно-коричневого. Красная полоса состоит из цвета с переходом в бордо и коричневый [7 с. 109].

Следует отметить орнаменты Зеравшанской долины, которые раньше использовались в декоре безворсовых ковров. К сожалению, на сегодняшний день редко кто знает названия орнаментов и их значения, а также значение красок, которые используются в коврах.

В ходе исследования были выявлены некоторые виды орнаментов, такие как *куттии гугирд*, *соати хокц*, *тумор*, *шона*, *муйбофц*, *кучкорча*, *S* и многое другое.

Очень хочется надеяться, что народное ремесло Зеравшанской долины будет доступным, изученным для знатоков и любителей данного искусства, благодаря вниманию, вдохновению и энтузиазму их владельцев, мастериц и любителей народного ремесла.

Список литературы

1. Акилова М. Орнамент текстиля Зеравшанской долины Таджикистана. – Душанбе: Мега Басим, 2015. – 112 с.
2. Али Акбар Хитои. Хитойнаме (с перд. Эрадж Афшор). – Тегеран: Маркази асноди фарханги Осие, 1357. – 292 с.
3. Масов Р., Юнусова Н., Додхудоева Л. Народное искусство Таджикистана – Душанбе, 2011. – 44 с.

4. Ртвеладзе Э. Великий шелковый путь (энциклопедический справочник /древность и ранее средневековое). – Ташкент: Государственное научное издательство, 1999. – 280 с.
5. Широкова З.А. Декоративные вышивки таджиков верховьев Зеравшана// История и этнография народов Средней Азии (сборник статей). – Душанбе: Дониш, 1981. – 129 с.
6. Этнография в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1989. – 72 с.
7. Юсупов Д., Яъкуби А., Акилова М. Северный Таджикистан – туризм и ремесло/ Д. – Душанбе: Мега Басим, 2016. – 122 с.

© Очилова М.И., 2022

XU Сюдань
*Канд. ист. наук, Пекинский университет
Младший научный сотрудник, Исторический
факультет, Фуданьский университет, Шанхай*
huxiaodan@fudan.edu.cn

Xiaodan HU
*Ph. D., Peking University; Junior Research Fellow,
Department of History, Fudan University, Shanghai*
huxiaodan@fudan.edu.cn

ПАРФЯНСКИЕ БАРАБАНЫ ПРИ ДВОРЕ ТАНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

PARTHIAN DRUMS IN THE TANG COURT

Аннотация: Статья посвящена этимологии названия одного из инструментов, относящихся к составным элементам придворной музыки Китая в эпоху Тан. Репертуар музыкального исполнения, сопровождавшего пиршество, составляла «Музыка десяти категорий» («Ши бу юэ»), а из них пять постановок, заимствованных у населения Центральной Азии, отличались игрой на различных барабанах. Целью исследования является установление происхождения барабана «Дала» (答臘). Научная новизна статьи определяется анализом релевантной росписи и многоязычных манускриптов из Центральной Азии. Исследуется парфянский корень термина и его транслитерация в греческом и среднекитайском письменных памятниках.

Ключевые слова: барабан; Парфянское царство; манихейские рукописи; дворцовая музыка; династия Тан.

Abstract : The article is devoted to etymology of the denomination, applied to one of the instruments regarded as integral elements of court music in Tang China. The repertoire of musical performance accompanying the banquets here was comprised of “the music of ten categories” (“Shibu yue”), while among them five presentations adopted from the

residents of Central Asia differed in beating various kinds of drums. This research investigates the origin of the Dala (答臘) drum. Scientific novelty of the work is specified by an analysis on the relevant mural and plurilingual manuscripts from Central Asia. Confirmed is the Parthian root of the term as well as its transliteration in Greek and Middle Chinese written sources.

Supported by the National Social Science Fund of China (Grant No. 20CZS080).

Keywords: Drum; Parthian; Manichaean Manuscripts; Court music; Tang Dynasty.

Court music and popular music in the Tang Dynasty was strongly influenced by foreign music. As one of the most important part of the court music, the music used in the banquets is known as “Shibu yue 十部樂 (music of ten categories)”.

It was fixed in the early Tang Dynasty when the Tang Emperor Taizong (Reign: 626-649 AD) held a state banquet in 642 AD, and was well recorded in many sources, such as the official historical books *Jiu Tangshu* 舊唐書, *Xin Tangshu* 新唐書 and *Tang liudian* 唐六典.

In the 14th volume of *Tang liudian*, an administrative code formulated during the reign of Tang Emperor Xuanzong (Reign: 712-756 AD), it was stated that “At a grand banquet, music of ten categories should be prepared in the court, for the Chinese and the foreigners.”

Eight categories in the music of ten categories were foreign music, including Xiliang yue 西涼樂 originated in Gansu province, Tianzhu yue 天竺樂 originated in India, Gaoli yue 高麗樂 originated in Korea, Qiuci yue 龜茲樂 originated in Kucha, Anguo yue 安國樂 originated in Bukhara, Shule yue 疏勒樂 originated in Kashgar, Gaochang yue 高昌樂 originated in Turfan, and Kangguo yue 康國樂 originated in Samarkand.

Each part of music contains some representative musical instruments. The last five categories from Central Asia used various kinds of drums. These musical instruments were also presented in the murals in the Buddhist cave temples, such as in the Mogao caves of Dunhuang, and in the tombs of the nobles.

In *Higashi Ajia gakki kō* 東アジア樂器考 (*An Examination of East Asian Musical Instruments*, Tokyo, 1973), the Japanese

musicologist Hayashi Kenzō 林謙三 carried out a systematic and comprehensive research on the shape, playing method and names of the musical instruments of the Tang Dynasty, including the drums. Hayashi distinguished between the drums from South Asia and those from Central Asia. And the origin of the Dala 答臘 drum remained difficult to decide. His discussion on the Dala drum includes:

1. It was recorded in the 6th century treatise *Gujin yuelu* 古今樂錄 (*the records of ancient and modern music*) that when a musician played the Dala drum, he would rub the surface of it (see the picture below). Hayashi suggested that the Dala drum was played quite close to tambourin, which was popular in the west.

Dala drum in Mogao Cave 220

2. The shape of the Dala drum was similar with some drums in Sānchi, one of the oldest Buddhist relics in India. However, the drums in Sānchi were played with drumsticks.

3. Therefore, he believed that the origin of the Dala drum was western playing method applying to some Indian drums.

4. The name “Dala”, reconstructed as Middle Chinese “tap-lap”, should be borrowed from some Semitic or Indo-Iranian language. It’s also possible to be a loanword from Tocharian, an extinct branch of the Indo-European language family spoken by inhabitants of the Tarim Basin.

According to recent studies of archaeology and art history, the image of the Dala drum first appeared in China in the Kizil

Grottoes in the 4th century, then in some other Grottoes in northern China. In the Tang Dynasty, it flourished in Dunhuang [2].

No further discussion on the etymology of the name Dala has been made since the publication of Hayashi's book.

The earliest attestation of the word Dala is in the 6th century treatise *Gujin yuelu*. Therefore, the word should be borrowed into Chinese no later than the 6th century. What languages were used in Kizil from the 4th to the 6th century? The local language should be Tocharian. Can Dala be borrowed from Tocharian?

Since the discovery of the manuscripts from Central Asia, dozens of ancient languages, including Tocharian, have been decoded, which may shed some new light on the etymology of Dala. The project "A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts" (CEToM) provides an integrated corpus of already published as well as still unpublished Tocharian texts. Unfortunately, no possible word has been identified in the Tocharian corpus.

On the other hand, the corpora of many other ancient languages have also been established, among which the Middle Iranian corpus based on the Manichaean Manuscripts discovered by the German expeditions in Central Asia provides valuable information on three Middle Iranian languages: Parthian, Middle Persian and Sogdian. Manichaeism was founded in Persia in the 3rd century AD and was active on the Silk Road in the medieval period. Though Parthian was no longer the official language in the Sasanian Dynasty, it functioned as one of the church languages of the Manichaean community in Central Asia.

A Parthian word *tabil* "drum" was frequently used in the Manichaean hymns composed in Central Asia from the 3rd century to the 11th century.

For example, in a Parthian fragment from the Berlin Turfan Collection M10, there is a verse: *tabilan šang ud naδ padxunād* "Play the drums, harp and flute." The pronunciation of Dala (Middle Chinese *Tap-lap*) is very close to *tabil*.

Some scholars believe that the Parthian word *tabil* "drum" was borrowed from Aramaic [1, c. 60]. However, it is hard to tell the real origin of a "Wanderwort" such as *tabil* in this case. The Greek lexicographer Hesychius of Alexandria (ca. the 5th – the 6th century) in his alphabetically arranged Greek lexicon recorded that *ταβάλα* "drum" was a Parthian loanword. The earliest material used in his lexicon can be traced back to the 1st century. It can be assumed

that ταβάλα “drum” was borrowed from Parthian or Aramaic in the Arsacid period (the 3rd century BC-the 3rd century AD), when both Parthian and Greek were the official languages of the Parthian Empire, and Aramaic functioned as the *lingua franca* throughout the Near and Middle East.

When was this word borrowed into Chinese? The word was attested in Chinese text in the 6th century, when the Manichaean missionary activities had not yet affected China. Around the 2nd century BC, in the heyday of the Parthian Empire, the territory reached as far as the Indus River in the East, when the Parthian Empire and the Han dynasty established direct diplomatic relations. According to the official historical records such as *Shiji* and *Hanshu*, the two empires sent envoys to each other no less than five times. One possible explanation for the diffusion of the musical instrument is that during this period of time, the Parthian word *tabil* “drum” or the relevant Greek word ταβάλα “drum” entered Middle Chinese, and was rendered as 答臘 Tap-lap. The open vowel in 臘 lap suggested the Middle Chinese word was more likely to be borrowed from the Greek word with an *-a* ending. However, Dala (Tap-lap) was not attested in Chinese until the 6th century, which seems to be quite late.

On the other hand, from the 1st century BC on, some Indo-Parthian kingdoms ruled a large area from Sistan to Sindh until the 1st century AD, when the Kushan Empire took the power. Based on the coin legends, it’s clear that the official languages of the Indo-Parthian kingdoms were still Parthian and Greek. And according to the Rabatak inscription, the official language of the Kushan Empire was changed from Greek into Bactrian in 127 AD. Therefore, Parthian and Greek functioned as the official languages in northwest regions of the Indian subcontinent (most of modern Pakistan and parts of northwestern India) from the 2nd century BC to the 2nd century AD, for almost 400 years.

It is more likely that in these 400 years, the Parthian word *tabil* “drum” or the Greek word ταβάλα “drum” entered Middle Chinese from northwest regions of the Indian subcontinent.

List of references

1. Durkin-Meisterernst D. Aramaic in the Manichaean Turfan Texts. In: Iranian Languages and Texts from Iran and Turfan. Ronald E. Emmerick Memorial Volume. Wiesbaden, 2007, pp. 59-74.
2. Wu J. Research on combination of Western Region Music and Chinese secular music in Han and Tang Dynasties, Doctoral Dissertation of Shanghai Conservatory of Music, 2017.

© Xiaodan HU, 2022

Современные тенденции развития Центральной Азии: политика, экономика и миграция

Саидова Шахноза Шахназарована
соискатель магистерской степени
исторического факультета
Национального университета Узбекистана
им. Мирзо Улугбека
Узбекистан, Ташкент
izigieva@yandex.ru

Saidova Shakhnoza Shakhnazarovna
candidate for the master's degree
from the Faculty of History in
National University of Uzbekistan
named after Mirzo Ulugbek
Uzbekistan, Tashkent
izigieva@yandex.ru

**КООПЕРАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ИНТЕГРАЦИЯ
В МИРОВОЙ ОПЫТ И АКТУАЛЬНЫЕ
СОТРУДНИЧЕСТВА**

**COOPERATION OF THE REPUBLIC
OF UZBEKISTAN WITH THE COUNTRIES OF CENTRAL
ASIA IN THE FIELD OF POLITICAL ECOLOGY.
INTEGRATION INTO THE WORLD EXPERIENCE
AND CURRENT PARTNERSHIPS**

Аннотация: В данной работе рассмотрена экологическая политика стран Центральной Азии на примере Узбекистана и его сотрудничества с указанными соседними государствами в контексте миро-

вых экологических тенденций. Затронуты точки соприкосновения интересов с соседними странами в области водных источников и методы взаимовыгодного сотрудничества в современных условиях. Также отображены экономические аспекты внедрения современных методов соответствия данной экономической отрасли экономике Республики Узбекистан и дальнейшая ее перспектива.

Ключевые слова: экологическое движение Узбекистана; экологическая партия Узбекистана; Казахстан; Таджикистан; водные ресурсы; МСОП; охрана окружающей среды; зеленая экономика

Abstract: The article considers information about the political ecology of the Central Asian countries on the example of Uzbekistan and its cooperation with these neighboring states in the context of global environmental trends. The points of contact of interests with neighboring countries in the field of water sources and methods of mutually beneficial cooperation in modern conditions are mentioned. The economic aspects of the integration of modern methods, the compliance of this economic sector with the economy of the Republic of Uzbekistan, and its further prospects are also pointed.

Keywords: ecological movement of Uzbekistan; Ecological Party of Uzbekistan; Kazakhstan; Tajikistan; water resources; IUCN; environmental protection; green economy

Экологическая политика, как и все политические сферы, направлена на правильную постановку целей, пути их достижения и объединения общественности вокруг этих целей. В мировой практике экологическую политику принято делить на следующие виды: глобальная, государственная, региональная, местная и корпоративная.

Хотя природа и человек были испокон веков связаны и всегда были законы природоведения в разных письменных источниках, в устном народном творчестве и т.д., антропогенное негативное воздействие все же привело к необходимости создания систематизированных мер по устранению последствий и поддержанию естественности экосистемы планеты.

Таким образом, экологическая политика – относительно новое направление, которое берет свое начало в 60-х годах прошлого столетия. Основным мотивом, который лег в основу ее создания, были вышеуказанные последствия, которые приве-

ли к резкому увеличению локальных экологических бедствий. В связи с тем возникла острая потребность в мониторинге, в частности, за концентрацией углекислого газа в атмосфере.

Экологическая политика совместила в себе симбиоз государственного управления, развития и просвещения с актуальными вопросами природного характера, которые не входили по своей сути ни в юрисдикцию государственных органов, ни в экологическую науку, что привело к их совместной деятельности и возникновению нового вида социально-политического и, в том числе, экономического и правоведческого направлений [11].

Экологическая политика Республики Узбекистан принимает свои первые исходные очертания при первом президенте государства И.А. Каримове, как комплекс мероприятий по инициативе государства, направленных на защиту окружающей среды и охрану экологии и экологических ценностей. По существу, И.А. Каримов и правительство периода его президентства уделяли большое значение и внимание вопросам экологического характера уже с первых лет независимости, что стоит особо подчеркнуть, поскольку в период обретения страной независимости важным элементом политики и вкладом для будущего молодой страны было становление таких понятий как внимательность и бережливость к ресурсам, корректное взаимодействие населения с экосистемой занимаемой территории, целенаправленная и осознанная социально-экономическая политика правительства в вопросах экологического характера [2].

Важную роль в улучшении экологической обстановки в Приарале сыграла международная конференция «Проблемы Арала, их влияние на генофонд населения, растительный и животный мир и меры международного сотрудничества по смягчению их последствий», проведенная в 2008 году в Ташкенте по инициативе Первого Президента Ислама Каримова при поддержке ООН. План действий, выработанный на этой конференции, составил основу третьей по счету Программы по оказанию помощи странам бассейна Аральского моря на 2011-2015 годы [3].

По инициативе Первого Президента Ислама Каримова состоялась международная конференция «Развитие сотрудничества в регионе бассейна Аральского моря по смягчению

последствий экологической катастрофы». В ней приняли участие представители 24 авторитетных международных и региональных организаций, финансовых институтов, таких как ООН, ШОС, Региональный центр по превентивной дипломатии для Центральной Азии, Международный центр по оценке ресурсов подземных вод, АБР, ИБР, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, ОПЕК, ученые и эксперты в области экологии, изменения климата и управления водными ресурсами из 26 стран, в том числе из Австрии, Венгрии, Германии, Испании, Китая, Латвии, Малайзии, США, Франции, Швейцарии, Южной Кореи, Японии и других [6].

Немаловажные действия в сфере развития экологической политики в Республике Узбекистан и его сотрудничество с мировыми организациями и различными странами предпринимает с момента обретения независимости и по сей день Экологическое движение Узбекистана. Экодвижение Узбекистана основано в 2008 году, на ее базисе была основана экологическая партия Узбекистана в 2019 году. Является Общественным объединением Узбекистана, созданное учёными-экологами и общественными деятелями, имеющее постоянную фракцию в законодательной палате Олий Мажлиса общим количеством в 15 мест. Деятельность организации оказала большое влияние на формирование экологической осознанности народа Республики Узбекистан и Республики Каракалпакстан. В 2010 году активисты Экодвижения в Сурхандарьинской области провели массовые мероприятия против вредного влияния на окружающую среду и здоровье населения деятельности Таджикской алюминиевой компании. Участники приняли обращение к ООН, ЮНЕП, ЮНИСЕФ и ВОЗ, которые подписали более 757 тысяч сурхандарьинцев [4].

Созданная на основе Экодвижения Узбекистана, Экологическая партия Узбекистана, не смотря на относительно недавнее происхождение, активно привлекает международные инвестиции в экологические проекты и народное внимание своей деятельностью по республике. За 3 года партия поэтапно двигается от одной задачи к другой, способствуя развитию экологической политики в целом. Одними из задач, которые экопартия ставит перед собой, является следующие: обеспечение сельских жителей чистой питьевой водой; контроль со-

блюдения моратория на вырубку ценных пород деревьев, не входящих в лесной фонд; благоустройство парков культуры и отдыха; высадка саженцев и создание экопарков; сохранение биоразнообразия, в частности, охрана редких видов флоры и фауны, занесенных в Красную книгу; проведение международного марафона, посвященного Аральской проблеме, и экологического веломарафона «Помощь Муйнаку»; организация международных конференций и семинаров; повышение экологической культуры молодежи и другие.

Экопартия является инициатором реализации «зеленой» экономики в Республике Узбекистан, наряду с Экодвижением Узбекистана. Экологическая партия поддерживает последовательную реализацию Стратегии по переходу Республики Узбекистан на «зеленую» экономику на период 2019-2030 годов, Концепции охраны окружающей среды Республики Узбекистан до 2030 года и других перспективных государственных программ [1].

Помимо данных механизмов экологической политики, во внешнеполитической деятельности, Узбекистан активно поддерживает такие мировые организации и процессы, как Международный союз охраны природы с октября прошлого года, а также инициативы стран G20 по посадке деревьев.

Сотрудничество с Узбекистаном привело к обновлению в прошлом году Всемирной базы данных по охраняемым территориям в рамках Глобального партнерства по целевой задаче Аичи 11, принятой в Восточной Европе и Центральной Азии; содействию продуктивным межотраслевым диалогам НЕК-СУС Центральная Азия и усиление сотрудничества по вопросам, касающимся воды, энергии и продовольствия; участию в выявлении потенциальных объектов всемирного природного наследия в Центральной Азии, и т.д.

Лидеры саммита «Большой двадцатки», проходившего в Риме 30–31 октября, поставили цель высадить на планете триллион деревьев к 2030 году. Узбекистан с 2018 реализует программу по облесению осушенного дна Аральского моря. За три года на этой территории создано более 1,5 млн га лесных насаждений. Посадки саксаула, черкеза и других солеустойчивых растений уже создали новые лесные экосистемы, где появились зайцы, лисицы и фазаны.

Как было верно отмечено Международным союзом охраны природы после анализа вступления Узбекистана в ряды Союза, экономика Республики Узбекистан в значительной степени зависит от сельского хозяйства, благополучие и устойчивое развитие страны в значительной степени зависят от состояния ее природных ресурсов. Таким образом, сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия Узбекистана является одним из приоритетов государственной экологической политики [8].

Международный союз охраны природы – МСОП (International Union for Conservation of Nature and Natural Resources, IUCN), созданный по инициативе ЮНЕСКО в 1948 году, имеет статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН. МСОП является международной некоммерческой организацией, основной деятельностью которой является - освещение проблем сохранения биоразнообразия планеты. В состав МСОП входят более 1400 правительственных и неправительственных организаций. Узбекистан стал 92 страной, присоединившаяся к МСОП [7].

За последние годы Узбекистан активно ведет экологическую политику содействия и совместного устранения последствий локальных бедствий. Таким образом, постановлением президента Шавката Мирзиёева утверждено Соглашение между правительствами Узбекистана и Казахстана о сотрудничестве по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Его подписание состоялось в декабре в рамках государственного визита президента Узбекистана в Казахстан.

Документом предусмотрен комплекс мер и практических действий для более эффективного взаимодействия чрезвычайных ведомств в предупреждении стихийных бедствий, техногенных катастроф и смягчения их последствий. Акцент сделан на работе по предотвращению чрезвычайных ситуаций трансграничного характера, отмечалось в декабрьском сообщении пресс-службы Министерства по чрезвычайным ситуациям Узбекистана.

29 июня 2021 была принята «Программа действия по оказанию помощи странам бассейна Аральского моря (ПБАМ-4)» Правлением Международного фонда спасения Арала (МФСА), согласно которой будет осуществляться содействие решению вопросов управления водными ресурсами, создание благоприятных

ятной окружающей среды и повышение благополучия населения в бассейне Аральского моря осуществляется через [9]:

- реализацию проектов регионального и национального значения;
- установление и продолжение сотрудничества в региональных проектах;
- поддержку конструктивных взаимоотношений на региональном уровне;
- обмен опытом между странами по общим вопросам.

Приоритетными задачами в резолюции МКВК, посвященной 30-летию водного сотрудничества стран ЦА [5], были отмечены следующие задачи, которые напрямую содействуют развитию и укреплению их взаимовыгодных сотрудничеств:

- Реализация целей и задач Международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития», 2018-2028 года;
- Повсеместное внедрение принципов интегрированного управления водными ресурсами и подходов системной взаимосвязи для сбалансированного и справедливого удовлетворения нужд всех отраслей экономики и потребностей экосистем;
- Водосбережение и рациональное использование водных ресурсов, в том числе за счет привлечения инвестиций, наращивания потенциала и создания стимулов для внедрения передовых водосберегающих технологий (капельное орошение, дождевание и т.д.);
- Формирование и реализация скоординированной региональной политики и мер по адаптации к изменению климата и т.д [10].

Таким образом, экологическая политика Республики Узбекистан укрепляется, ведутся активные и плодотворные сотрудничества в сфере экологии как с соседними, так и со всеми мировыми странами и организациями. Вполне можно сделать вывод, что быстрой смены экополитической, общественной и экономической составляющих государства на экологический осознанный подход является недействительным, но несмотря на это, в республике происходят изменения, направленный как раз на усиление осознанности, экономической приспособленности к современным экологическим нововведениям, и осуществляются действия по выработке собственного экополитического пути и опыта. Важным является определяющее звено

на данном этапе ее становления как инициативность государства и готовность к современным методам государственного развития экологического потенциала страны.

Список литературы

1. Из предвыборной программы кандидата в Президенты Республики Узбекистан Нарзуллы Обломуродова. Источник: Посольство Узбекистана в РФ. 2021// <https://news.myseldon.com/ru/news/index/259530408>
2. Каримов И.А. Узбекистан: Национальная независимость, экономика, политика, идеология. / И.А.Каримов; [отв. за вып. И.Рахимова]. – Т: Узбекистан, 1996. Т. 1. –349. с. – ISBN 5-640-02108-x (в пер.); Каримов И. А. По пути безопасности и стабильного развития / И. А. Каримов; [отв. за вып. Н.Щетинина]. – Т: Узбекистан, 1998. Т. 6. – 414 с.– ISBN 5-640-02323-6 (в пер.); Каримов И. А. Свое будущее мы строим своими руками / И. А. Каримов; [отв. за вып. Н.Щетинина]. – Т: Узбекистан, 1999. Т. 7. – 381 с. – ISBN 5-640-024760-3 (в пер.).
3. Материалы Международной конференции «Проблемы Арала, их влияние на генофонд населения, растительный и животный мир и меры международного сотрудничества по смягчению их последствий», 11-12 марта 2008. – Ташкент, Узбекистан// URL: http://cawater-info.net/library/rus/tashkent_aral_2008_ru.pdf
4. Материалы пресс-службы Экологического движения Узбекистана от 24.08.2012 в честь 4-летия Экологического движения Узбекистана. Ташкент.//URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2012/08/24/eco/>
5. Материалы Центрально-Азиатской международной научно-практической конференции «30 лет водному сотрудничеству государств Центральной Азии: уверенно смотря в будущее». 26-27 апреля 2022 г, г. Туркестан, Республика Казахстан.
6. Международная конференция «Развитие сотрудничества в регионе бассейна Аральского моря по смягчению последствий экологической катастрофы». 28-29 октября 2014 г. Ургенч, Узбекистан// URL: http://icwc-aral.uz/aralconf2014-report_ru.htm
7. Октябрь, 2021//URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/10/30/iucn/>
8. Официальное приветствие Узбекистана МСОП. IUCN welcomes Uzbekistan as its newest State Member//URL: <https://iucn.org/news/membership/202110/iucn-welcomes-uzbekistan-its-newest-state-member>
9. Программа действий по оказанию помощи странам бассейна Аральского моря (ПБАМ-4). Международный фонд спасения Арала. Душанбе. 2021.

10. Резолюция Центрально-Азиатской международной научно-практической конференции «30 лет водному сотрудничеству государств Центральной Азии: опыт пройденного, задачи будущего». Принята 27.04.2022. Туркестан, Казахстан// URL: <http://icwc-aral.uz/30years/resolution.htm>; Межгосударственная Координационная Водохозяйственная Комиссия Центральной Азии. БЮЛЛЕТЕНЬ № 2 (91). Июнь 2022. Ташкент, Узбекистан.
11. Sh.Sh. Saidova “The causes and origins of the formation of political ecology in the Republic of Uzbekistan”. Journal of Advanced Scientific Research (ISSN: 0976-9595): 2 pp. Vol.2. 95 page. 2022// URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.6644873>.

© Саидова Ш.Ш., 2022

Сун Цзясинь
*PhD, Институт Региональных Исследований
Пекинского Университета
Пекин, Китай*
1901111414@pku.edu.cn

Ли Вэй
*замдиректор Института Новых Медиа
Пекинского Университета
доктор филологических наук
Пекин, Китай*
Liwei225@pku.edu.cn

Song Jiaxin
*PhD candidate, Institute of Area Studies,
Peking University
Beijing, China*
1901111414@pku.edu.cn

Li Wei
*Deputy dean of School of New Media,
Peking University
Doctor of Philology
Beijing, China*
Liwei225@pku.edu.cn

**ПРОФИЛАКТИКА И КОНТРОЛЬ ПАНДЕМИИ
COVID-19 В КАЗАХСТАНЕ:
АСПЕКТ «ПРАВИТЕЛЬСТВО-СМИ-ОБЩЕСТВО»**

**COVID-19 PANDEMIC PREVENTION
AND CONTROL IN KAZAKHSTAN:
A “GOVERNMENT-MEDIA-SOCIETY” PERSPECTIVE**

Аннотация: В ходе своей национальной трансформации Казахстан сформировал уникальную медиаполитическую систему. Это исследование принимает аспект механизма взаимодействия «Правительство-СМИ-Общество» для анализа роли СМИ во время

пандемии в Казахстане. Казахстанские профилактические меры по борьбе с пандемией отличались гибкостью. Правительство Республики Казахстан активно использовало средства массовой информации для распространения среди населения информации о пандемии и медицинских знаний, что эффективно стимулирует внимание общества к официальным каналам. Однако на более позднем этапе пропаганды вакцинации эффект пропагандистской работы официальных СМИ был ограниченным, что оказало негативное влияние на отношение населения к вакцинации. Во время пандемии официальные СМИ всегда сотрудничали с профилактической политикой правительства для распространения информации, но дезинформация о здоровье в социальных сетях в некоторой степени препятствовала реализации политических мер по борьбе с пандемией.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; Казахстан; медийная пропаганда; вакцинация

Abstract: During its national transformation, Kazakhstan has formed a unique media-political system. This research adopts the perspective of the “Government—Media—Society” interaction mechanism to analyze the media’s role during the COVID-19 pandemic in Kazakhstan. Kazakhstan’s pandemic control measures possessed flexibility, the government actively utilized media to spread pandemic information and health knowledge to the public, which effectively stimulates public attention to official channels. However, during the later stage of vaccination promotion, the official media’s publicity effect was limited, creating an adverse impact on public attitude towards vaccination. During the COVID-19 epidemic, Kazakh official media has always been consistent with the government’s epidemic prevention and control policies to promote information, while the health misinformation on social media hindered the implementation of pandemic-control policies to some extent.

Keywords: COVID-19 pandemic; Kazakhstan; media propaganda; vaccination

Introduction

During Kazakhstan’s national transformation after its independence, the media in Kazakhstan also completed its own transformation. The media has formed a unique media-political system: government agencies in Kazakhstan use official media to form public agenda and shape social opinion. Government agencies

also formed a political-media entity gathering both administrative resources and information resources [1].

In modern Kazakhstan's political media system, the relationship between government and media features a combination of manipulation and propaganda: government has ensured the authenticity of information and the comprehensiveness of release, while at the same time utilizing media to guide public opinion and establishing a positive image of itself. Moreover, Kazakhstan also passed a series of legislation to supervise and regulate media activities in the political sphere.

Since the outbreak of the COVID-19 (Corona Virus Disease 2019) pandemic, the public has produced a growing demand for health information. As an important platform that provides health information, the media's information presentation and news reporting affect the audience's health cognition and behaviors to varying degrees. The widespread COVID-19 pandemic has become a big challenge for Kazakhstan's government and media. In the "Government-Media-Society" interaction mechanism, as an information bridge connecting the government and the public, media disseminates government's pandemic control measures and shapes the public's health behavior regarding individual protection and vaccination.

Kazakhstan's COVID-19 Pandemic Prevention and Control Measures

Kazakhstan's COVID-19 pandemic control process can be divided into three main phases: the precaution stage before the outbreak of the pandemic from late January 2020 to mid-March 2020, the strict control stage in the state of emergency after the spread of the pandemic from mid-March 2020 to early May 2020, and the multifaceted control stage in the aftermath of the state of emergency since mid-May 2020. Overall, the Kazakhstan government's pandemic control measures possess mobility and flexibility: government took precautionary measures before the outbreak of the pandemic, adjusted the control measures according to the development trend of the pandemic during the spread of the pandemic, and supplemented the measures by plans such as appealing for wearing masks, promoting vaccination, and popularizing the health code system to coordinate with Kazakhstan's pandemic control.

Before Kazakhstan had any confirmed COVID-19 cases, the President of the Republic of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev (К. Токаев) started countermeasures against COVID to prevent the spread of the pandemic on January 26, 2020. At the beginning of March 2020, Kazakhstan sped up its effort on prevention measures against the COVID-19 pandemic by categorizing countries around the world into three levels of risk according to their infection status, implementing different quarantine and protection measures for foreign citizens that entered the country within 14 days, and securing sufficient medical equipment for treatment. Above prevention measures maintained the steady state of Kazakhstan from late January to early March, which delayed the burst of the COVID-19 pandemic in Kazakhstan.

To prevent the coronavirus disease from spreading on a large scale, President Tokayev signed a presidential proclamation on March 15, 2020, that declared a state of emergency in Kazakhstan from March 16, 2020, to April 15, 2020, and then extended the state of emergency to May 11, 2020. Under the state of emergency, Kazakhstan first suspended border exit and entry as well as part of the flights between domestic cities. Gradually implementing the quarantine system in each city, the government also called upon the public to avoid unnecessary contact, restricted the operation of public transportation in stages, temporarily closed commercial and recreation places, and forbade holding massive family or entertainment parties.

Furthermore, the government of Kazakhstan aimed to publicize the latest news regarding the COVID-19 pandemic through the media. To promote health protection knowledge, the government opened an official website for pandemic control, “Coronavirus2020.kz,” and used it to update public health information and policy changes due to the pandemic and dispel rumors, which hindered the wide spread of misinformation. The government also opened many free Internet resources to the public to make sure citizens can receive information promptly.

At 0:00 midnight on May 11, 2020, Kazakhstan officially terminated its state of emergency and thereafter gradually relaxed the restrictions of the pandemic control measures under the state of emergency. Each part of Kazakhstan gradually started to resume working and production based on the status of the pandemic and allowed residents to engage in outdoor activities [2]. Kazakhstan

had accumulated experience in pandemic control during the state of emergency, and when it comes to a new phase of pandemic control after the emergency state, Kazakhstan could stipulate different measures according to the characteristics and development of the pandemic. While such measures effectively prevented the pandemic from spreading rapidly, they also maintained the normal operation of the national economy.

Firstly, Kazakhstan had mandatorily required citizens to wear masks in public spaces through an act passed in July 2020. Citizens who violated the regulation would receive an administrative penalty accordingly [3]. Secondly, due to the rise of confirmed domestic COVID-19 cases from late 2020 to early 2021, the Ministry of Health of Kazakhstan officially initiated a multi-stage vaccination plan on February 1, 2021. Kazakhstan electronically stored the public vaccination data in an information system of the Ministry of Health. Citizens were also provided with electronic vaccination passports that joint with international systems so that they could check and provide vaccination information with convenience.

Thirdly, Kazakhstan developed “Ashyq” (which means openness in Kazak), a healthcare application that enabled citizens to check their health status and assisted the government to manage to control the pandemic. In February 2021, as the “Ashyq” application came online, residents in Nur-Sultan and two other cities could use the “Ashyq” system to confirm their health status and generate corresponding green codes (people with negative PCR test results), yellow codes (contacts of any confirmed COVID-19 cases), blue codes (people who had not contacted any confirmed cases but had not done the PCR test), and red code (confirmed case with a positive PCR test result). Thereafter, the “Ashyq” health code system was gradually applied in public areas in other cities in Kazakhstan [4].

Media’s Role in Kazakhstan’s Pandemic Prevention and Control

As mentioned above, Kazakhstan paid much attention to publicizing the latest pandemic trends and pandemic control knowledge through media, opening many online resources for the public. During the state of emergency in 2020 (from March 16, 2020 to May 11, 2020), self-quarantine at home raised Kazakh people’s frequency of using media: the number of hits on social media and search engines increased significantly compared to early

2020, and the number of hits in April 2020 exceeded 72 million [5]. By January 2021, Kazakhstan had more than 15.47 million Internet users and more than 12 million social media users, with an Internet penetration rate of 81.9% [6].

The impact of the COVID-19 pandemic on media usage in Kazakhstan not only manifests in the significant increase in the number of hits on online media but also includes the growing ratings of television programs. As revealed in a social survey in Kazakhstan, quarantine measures increased people's frequency of watching television: 62% of the survey respondents watched TV every day, and over 52% of the respondents listed news and informational programs as their most-watched type of TV shows [7]. According to the survey, traditional media and online media are the main channels from which Kazakhstan's public obtain information from late March to early April 2020 [8].

Through investigating the spread of misinformation in the global online media prior to the COVID-19 pandemic, previous research discovered immense false information in the international online environment from late December 2019 to early April 2020. However, such false rumors did not spread extensively across the social media environment in Kazakhstan [9]. Although the Internet penetration rate in Kazakhstan increased substantially during recent years and the frequency of online media usage increased significantly during the pandemic, traditional media represented by newspapers, radio broadcasts, and television still held a more trusted position by the Kazakh people during the pandemic [10].

During the pandemic, the government of Kazakhstan could adjust policy and release information promptly according to the status of the pandemic, which strengthened people's trust in official channels. In the state of emergency in 2020, Kazakhstan's government agencies and national authorities represented by President Tokayev released announcements continuously through public channels, calling for personal protection and the public's abidance by quarantine measures. By mentioning the international community's positive appraisals of pandemic control measures taken by Kazakhstan, the government successfully conciliated the anxiety among citizens and reinforced public attention and trust on official channels.

As an important public health measure that can effectively control the spread of the COVID-19 pandemic, vaccination

promotion acted as one of the Kazakhstan government's most important moves in the multifaceted phase of pandemic control. Kazakhstan officially started a periodical vaccination process on February 1, 2021. The Ministry of Health of Kazakhstan was one of the official platforms that offer public health information, and its announcements of pandemic trends and vaccine information had a significant impact on the Kazakh public's health behavior.

Before the vaccination process officially began, the Ministry of Health primarily publish information about organizational work, such as the significance of the COVID-19 vaccine and the procedure of vaccination. However, as the vaccination process initiated in Kazakhstan, the Ministry of Health started to cover educational knowledge during vaccination. For example, medical experts had explained the mechanism of vaccines to the public and responded to rumors many times. Overall, the Ministry of Health of Kazakhstan's publication of public health knowledge lagged behind the publication of corresponding organizational work information, and the quantity of information on public health knowledge was far less than the quantity of organizational work information.

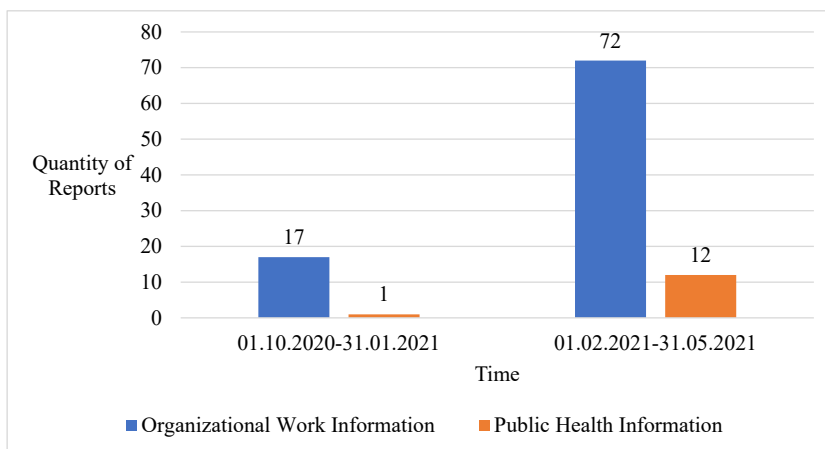

Figure 1. The content shift of the news reports published by the ministry of health of Kazakhstan before and after the vaccination process started

Researches point out that organizing campaigns about health information such as the mechanism of the vaccine, popularizing the effectiveness and safety of the vaccine, and explaining potential side effects of the vaccine before promoting mass vaccination are conducive to alleviating people's suspicion of the vaccine [11]. The lag in effectively providing the public with health information in the early stage of vaccination harmed people's attitudes toward getting vaccinated. In a social investigation in late April 2021 after the vaccination process began, a Kazakh pollster discovered that 64% of the people surveyed supported getting a coronavirus vaccine, 40% of the respondents had already got (14%) or planned to get (26%) a vaccine, and 21% claimed that they might get vaccinated after evaluating the efficacy of the vaccine. However, there were still 32% of the people surveyed did not intend to get a vaccine [12].

Besides, how people acquire information also determined public opinions towards vaccination. During the vaccination process in Kazakhstan, false information on the Internet severely worsened people's willingness to receive the COVID-19 vaccine. Because the online health information was often of varying quality with a mixture of both true and false information, Kazakh people who got information through the Internet had more concerns about getting a vaccine [13]. Controversial remarks—especially the comments on vaccine ingredients on social media [14] and the exaggerated side effects of the vaccine—had a major negative impact on Kazakh people's attitude towards vaccination.

In the later stage of vaccination promotion and pandemic control, the official media's propaganda of pandemic information was less effective compared to the reports during the state of emergency. The publicity plans for vaccination made by official media were not sufficient to satisfy the public demand for information on the mechanism of the vaccine in the early stage of vaccination. During the mass vaccination process, there was a significant lag in the publication of public health knowledge. This made many citizens remain uncertain or resistant about whether to get a vaccine, which to some extent led to the disadvantageous situation faced by the government and official media.

Conclusion

Overall, the pandemic control measures adopted by the government of the Republic of Kazakhstan showed foresight and

flexibility. After various countries around the world had confirmed COVID-19 cases, the government of Kazakhstan timely took pandemic prevention measures, which effectively delayed the outbreak of the pandemic. As the pandemic spread, the government could adjust control measures according to the development trend of the pandemic along with appealing to wearing masks, promoting vaccination, and implementing the health code system to align with domestic pandemic control. During the state of emergency in 2020, the government of Kazakhstan interacted with the public through media and informed people of the latest pandemic trend and public health information, which pacified the people's anxiety during quarantine.

By analyzing the media's role in pandemic control in Kazakhstan through the "Government-Media-Society" interaction mechanism, this research found that the media had reinforced the interaction between society and the government during the early stage of the COVID-19 pandemic. However, in the later stage of pandemic control and vaccination, official media failed to provide sufficient information about the vaccine and to prepare for mass vaccination campaigns, which hindered the implementation of vaccination policies. This combined with the false information on social media had heavily influenced the public opinion towards vaccination in Kazakhstan.

Throughout the pandemic, official media had kept a consistent stance with the government, publicizing the government's pandemic prevention measures, while the spread of misinformation and rumors on social media harmed the effect of such measures. During the state of emergency, the effective and timely propaganda published through media strengthened public trust in official channels and successfully prevented the false information from spreading on a large scale. Nevertheless, in the later stage of vaccination, the publicity effect of official media was unsatisfactory, and the misinformation on social media affected people's willingness to get vaccinated as well as their health behaviors.

Since vaccines play a significant role in preventing and controlling the spread of the COVID-19 pandemic, it is worth considering which way of publicity and propaganda could change people's willingness to get vaccinated to the greatest extent. However, it is undeniable that official institutes, medical experts, and media must cooperate closely to excel in publicizing

information about the production, mechanism, and safety of the vaccine and making plans to deal with misinformation.

List of references

1. Balakina, Y. Political and informational aspect of the formation of the regional identity of the Republic of Kazakhstan // INFORMATION AGE (online media). 2018, №4(5) [Электронный ресурс]. URL: <https://age-info.com/2019/01/политика-информационный-аспект-форм/> (дата обращения: 06.09.2021)
2. Названо условие, при котором откроются ТРЦ и рестораны в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/society/20200511/13943304/uslovie-otkrytie-trts.html> (дата обращения: 13.09.2021)
3. Постановление Главного государственного санитарного врача Республики Казахстан от 27 июля 2020 года № 46 “О внесении изменений и дополнений в постановление Главного государственного санитарного врача Республики Казахстан № 43 от 26 июня 2020 года” [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37996685#pos=5;-109(дата обращения: 16.11.2021)
5. Постановление Главного государственного санитарного врача РК №14 от 13 апреля 2021 года “О проведении пилота по внедрению мобильного приложения «Ashyq» на объектах предпринимательства” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kkkbtu/documents/details/156566?lang=ru>(дата обращения: 15.12.2021)
6. Казахстанские медиа: как пандемия изменила медиапотребление в стране [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/shavkat-sabirov/kazakhstanskie-media-kak-pandemiya-izmenila-mediapotreblenie-v-strane/> (дата обращения: 10.12.2021)
8. Digital 2021: Kazakhstan [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-kazakhstan> (дата обращения: 18.12.2021)
9. Медиапотребление во время карантина [Электронный ресурс]. URL: <http://imservice.kz/rus/news/602/> (дата обращения: 26.12.2021)
10. Как эпидемия коронавируса изменила привычки казахстанцев [Электронный ресурс]. URL: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2020-04/kak-epidemiya-koronavirusa-izmenila-privychki-kazakhstancev> (дата обращения: 29.12.2021)
11. Islam, M. S., Sarkar, T., Khan, S. H., Mostofa Kamal, A.-H., Hasan, S. M. M., Kabir, A., Yeasmin, D., Islam, M. A., Amin Chowdhury, K. I., Anwar, K. S., Chughtai, A. A., & Seale, H.. COVID-19–Related Infodemic and Its

- Impact on Public Health: A Global Social Media Analysis // The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene. 2020, №103(4) [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/343556114_COVID-19-Related_Infodemic_and_Its_Impact_on_Public_Health_A_Global_Social_Media_Analysis (дата обращения: 23.01.2022)
12. Медиапотребление во время карантина [Электронный ресурс]. URL: <http://imservice.kz/rus/news/602/> (дата обращения: 02.01.2022)
 13. Solís Arce, J. S., Warren, S. S., Meriggi, N. F., Scacco, A., Mcmurry, N., Voors, M., Syunyaev, G., Malik, A. A., Aboutajdine, S., Adejo, O., Anigo, D., Armand, A., Asad, S., Atyera, M., Augsburg, B., Awasthi, M., Ayesiga, G. E., Bancalari, A., Björkman Nyqvist, M., ... Omer, S. B.. COVID-19 vaccine acceptance and hesitancy in low- and middle-income countries// Nature Medicine. 2021, №27(8) [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/353292773_COVID-19_vaccine_acceptance_and_hesitancy_in_low- and middle-income_countries (дата обращения: 13.01.2022)
 14. Опрос: С начала пандемии треть казахстанцев изменили мнение в пользу вакцинации [Электронный ресурс]. URL: <https://demos.kz/opros-s-nachala-pandemii-tret-kazahst/> (дата обращения: 17.01.2022)
 15. Akhmetzhanova, Z., Sazonov, V., Riethmacher, D., & Aljofan, M.. Vaccine adherence: the rate of hesitancy toward childhood immunization in Kazakhstan // Expert Review of Vaccines. 2020, №19(6) [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/341938002_Vaccine_adherence_the_rate_of_hesitancy_toward_childhood_immunization_in_Kazakhstan (дата обращения: 18.02.2022)
 16. “Лишит духовности”: очередной фейк о вакцине против COVID-19 распространили в Сети [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nur.kz/society/1895506-lisit-duhovnosti-ocerednoj-fejk-o-vaccine-protiv-covid-19-rasprostranili-v-seti/> (дата обращения: 25.02.2022)

© Song Jiaxin, Li Wei, 2022

Сюй Жуйди
PhD, Институт регионоведения,
Пекинский университет. № 5,
улица Летнего дворца, район Хайдянь,
Пекин, Китай. 100871
xuruidi@stu.pku.edu.cn

Xu Ruidi
PhD Candidate, Institute of area studies,
Peking University. No.5 Yiheyuan Road, Haidian District,
Beijing, China. 100871
xuruidi@stu.pku.edu.cn

ЭКСПОРТ КИТАЙСКОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В КАЗАХСТАН: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ, ПРИЧИНЫ И ПРОБЛЕМЫ

EXPORT OF CHINESE LABOR TO KAZAKHSTAN: CURRENT SITUATION, REASONS AND PROBLEMS

Аннотация: С развитием глобализации международная миграция стала распространенным явлением. Международная трудовая миграция является самой большой по группе мигрантов. Среди пяти стран Центральной Азии Казахстан имеет самое большое количество иностранных рабочих. Китай был самым большим источником международной трудовой миграции в Казахстан в последние годы. Именно поэтому объект исследования – это китайские рабочие в Казахстане. В данной статье рассматривается политика Казахстана по международной трудовой миграции и представлена текущая ситуация с китайской рабочей силой в Казахстане с точки зрения категорий, регионального и отраслевого распределения. В статье утверждается, что важными причинами для трудового сотрудничества между Китаем и Казахстаном являются демографическая взаимодополняемость, а также тесные экономические и торговые связи между двумя странами в области инфраструктуры, логистики, торговли, инвестиций, природных ресурсов, производственных мощностей и т.д. после реализации инициативы «Один пояс и один

путь». Международное трудовое сотрудничество между Китаем и Казахстаном создало благоприятные условия для экономического роста и занятости в Казахстане. Существует мало литературы по этому вопросу, данная работа является дополнением к существующим исследованиям.

Ключевые слова: Казахстан; Рабочая сила в Центральной Азии; Международное трудовое сотрудничество; Один пояс и один путь

Abstract: With the development of globalization, international migration has become a widespread phenomenon. International labor migrants are the largest group of migrants. Among the five Central Asian countries, Kazakhstan has the largest number of foreign workers. In recent years, China has been the largest source of international labor migration to Kazakhstan. The paper examines Kazakhstan's international labor migration policy and presents the current situation of Chinese labor in Kazakhstan in terms of category, regional and sectoral distribution. The paper argues that the important reasons for labor cooperation between China and Kazakhstan are demographic complementarity as well as the close economic and trade ties between the two countries in infrastructure, logistics, trade, investment, natural resources, and production capacity following the implementation of the Belt and Road Initiative. International labor cooperation between China and Kazakhstan has created favorable conditions for economic growth and employment in Kazakhstan. There are relatively few relevant studies in the academic community, so this paper is a little supplement to the existing studies. In both practical and academic aspects, it is worth to pay attention to the Chinese workers in Kazakhstan.

Keywords: Kazakhstan; Central Asian labor force; International labor cooperation; One Belt and One Road

С углублением глобализационных процессов всё большее распространение получает международное трудовое сотрудничество. По данным Всемирного доклада о миграции в мире 2020, опубликованного Международной организацией по миграции (МОМ), число международных мигрантов в мире в 2019 году составило почти 272 миллиона человек, почти две трети из которых - трудовые мигранты. Центральная Азия является одним из наиболее активных регионов в мире с точки зрения трудовой миграции, при этом Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан являются основными странами-отправите-

лями рабочей силы, а Казахстан, как страна с самой сильной экономикой среди пяти стран Центральной Азии, принимает большое количество иностранной рабочей силы. Казахстан входит в число 20 стран с точки зрения миграционного движения населения по отношению к общей численности населения [5]. Международная миграция рабочей силы в значительной степени влияет на экономики, общества и политики стран, как импортирующих, так и отправляющих мигрантов.

История формирования политики

В первые годы независимости Казахстана экономика страны переживала спад, и наблюдался массовый отток преимущественно русской интеллигенции. В 1992 году был принят Первый закон о миграции с целью смягчения дефицита рабочей силы, вызванного «утечкой мозгов», и обеспечения трудовыми ресурсами основных отраслей экономики страны. Закон предусматривает, что основной задачей управления трудовой миграцией является привлечение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа с целью обеспечения кадрами опорных отраслей экономики и развития местных талантов [6].

В 2011 году Парламентом Казахстана был принят закон «О миграции населения», который установил основную политику в управлении миграцией, определив понятие «миграция». Закон классифицирует мигрантов на пять категорий в соответствии с их целями: возвращение на историческую родину, воссоединение семьи, образование, трудовая деятельность, гуманитарные и политические причины. Из них наибольшее количество мигрантов въезжают в страну с целью возвращения на историческую родину и для трудовой деятельности и являются основными объектами управления миграцией со стороны правительства Казахстана. «Концепция миграционной политики на 2017-2021 годы» также устанавливает три конкретных стратегических механизма использования временной миграции для содействия быстрому росту базовых секторов экономики в краткосрочной перспективе, привлечения высококвалифицированных иностранных экспертов для участия в инновациях в бизнесе, человеческом капитале и других проектах развития в долгосрочной перспективе, и, в-третьих, подготовки отечественных специалистов [7].

Конкретное содержание миграционной политики

Согласно статье 34 Закона «О миграции населения» (2011), иностранная рабочая сила в Казахстане может быть разделе-

на на четыре категории: иностранные работники, бизнес-иммигранты, сезонные иностранные работники и трудовые иммигранты. Иностранная работники является приоритетным направлением в управлении миграцией в стране. Для защиты внутреннего рынка труда от влияния низкоквалифицированной иностранной рабочей силы и для привлечения высококвалифицированной рабочей силы правительство Казахстана разработало систему квот и лицензирования [12]. Количество квот определяется центральным правительством пропорционально спросу на внутреннем рынке труда и экономически активного населения (обычно не более 2% экономически активного населения за год). Лицензии выдаются работодателям местными администрациями. Что касается конкретных процедур, то заявки подаются работодателями в местные бюро социального планирования и занятости до 1 сентября каждого года, которые прогнозируют ситуацию спроса на рынке труда на следующий год и составляют предложения по квотам, которые затем представляются Министерством труда и социальной защиты населения Казахстана в правительство в виде проекта до 1 декабря каждого года, а правительство распределяет и публикует квоты в течение 15 дней [9, с.185].

Рис. 1. Количество квот и доля квот на привлечение иностранной рабочей силы в РК 2001-2021 гг.

(Источник данных: Министерство труда и социальной защиты населения Казахстана)

Квота на привлечение иностранной рабочей силы в Казах-

стан в последние годы также снижается, и в 2019 году президент Казахстана Токаев заявил о необходимости снижения квоты на привлечение рабочей силы в 2020 году до половины от того, что было в 2019 году.

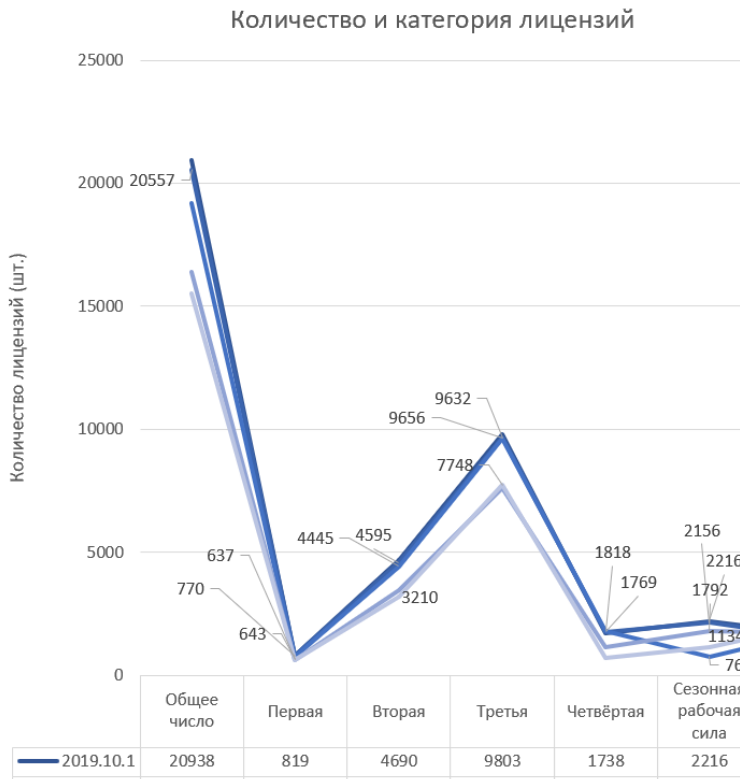

Рис. 2. Количество и категория лицензий
(Источник данных: Министерство труда и социальной защиты населения Казахстана)

Разрешения, выдаваемые правительством Казахстана, можно разделить на четыре категории: первая категория - руководители и заместители руководителей, вторая категория - руководители отделов или подведомственных учреждений, третья категория - профессиональный и технический персонал, четвертая категория - квалифицированные рабочие, а также сезон-

ные рабочие и вахтовики. Как видно из графика, наибольшее количество выданных разрешений приходится на категорию III - профессиональный и технический персонал, что составляет примерно 45%, за ней следует категория II - руководители департаментов или подчиненных учреждений. Если посмотреть на тенденцию, то можно увидеть, что общее количество выданных разрешений в Казахстане в последние годы уменьшается из года в год, что подтверждает уменьшение доли квот, показанное на графике выше. Кроме того, наибольшее количество лицензий выдается китайским рабочим - около четырех тысяч в год. Следует отметить, что казахстанские правила привлечения и использования иностранной трудовой силы характеризуются высокой гибкостью. Для высококвалифицированных кадров будут отменены квоты и необходимость проведения теста на экономическую целесообразность, сокращены сроки получения визы, увеличен срок пребывания в стране, упрощен процесс подачи документов. Эти правила создали хорошие условия для привлечения высококвалифицированных кадров в Казахстан [3].

Обзор иностранной рабочей силы в Казахстане

В начале 1990-х годов в Казахстане был высокий уровень безработицы, и большое количество людей было вынуждено мигрировать из страны. Трудовые иммигранты в РК в основном делятся на две типа: Первый тип – в основном представляет собой высококвалифицированных специалистов, привлекаемых в рамках квотирования для удовлетворения потребностей развития важных секторов экономики. Количество таких иммигрантов невысоко, и большинство китайских рабочих в Казахстане попадают в эту категорию. Второй вид - спонтанная трудовая миграция в РК. Они приезжают в основном из других стран ЦА, стихийно въезжают в Казахстан и занимаются работой с низкими квалифицированными требованиями. Этот тип иммигрантов характеризуется большим количеством и низким уровнем профессиональных навыков.

С точки зрения отраслевого распределения, наибольшее распределение иностранной рабочей силы во всех регионах Казахстана в период 2010-2017 гг. приходилось на строительный сектор (52%), за которым следовали горнодобывающий сектор (10%), сфера услуг (7%), администрация (6%) и административный сектор (6%).

Иностранная рабочая сила в РК по отраслям, 2010-2017 гг.

Рис. 3. Иностранная рабочая сила в РК по отраслям, 2010-2017 гг.

По стране происхождения на первом месте находится Китай, получивший за семь лет почти 100 000 лицензий, что составляет 32% от общего числа. За ними следуют Турция, Индия и Великобритания.

Рис.4. Тенденции в пяти ведущих странах происхождения иностранной рабочей силы в 2010-2019 годах

Количество работников из разных стран, работающих в Казахстане 2010-2017 гг.

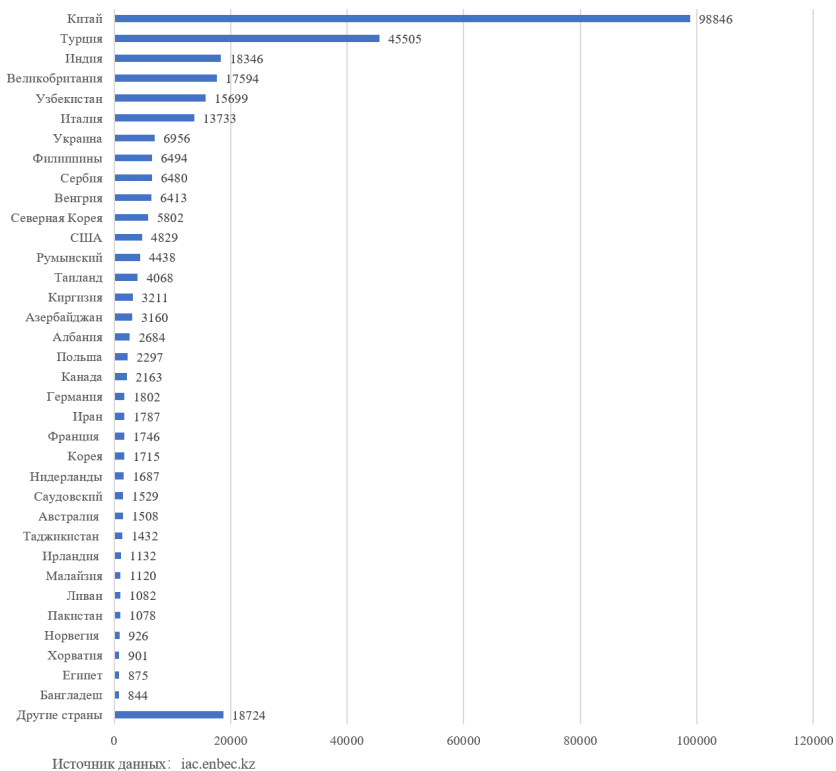

Рис. 5. Количество работников из разных стран, работающих в Казахстане 2010-2017 гг.

3.2 Китайский экспорт рабочей силы в РК

Количество разрешений, выданных гражданам Китая в 2015 году, было самым большим и составило 18432. С 2015 года этот показатель постепенно снижался: 15584 в 2016 году и 15584 в 2017 году. Хотя количество квот уменьшается год от года, Китай всё ещё занимает лидирующие позиции.

Общее количество квот, выданных Казахстаном, и количество квот для граждан Китая в 2010-2020 гг.

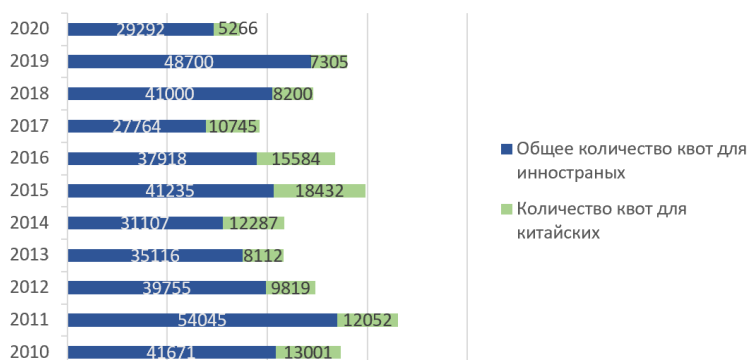

Рис. 6. Общее количество квот, выданных Казахстаном, и количество квот для граждан Китая в 2010-2020 гг.

С точки зрения регионального распределения, наибольшее количество китайских рабочих находится в городе Нур-султан, за ним следуют Актюбинская область и Алматы. Более 65% иностранных рабочих ежегодно привлекаются к реализации крупных проектов в строительном секторе в городе Нурсултан. Китайские компании в Актюбинской области ежегодно привлекают наибольшее количество иностранных работников, в основном в строительном и горнодобывающем секторах, причем более половины иностранной рабочей силы приходится на профессиональный и технический персонал. В Алматы, бывшей столице Казахстана, очень хорошо развит сектор услуг, поэтому более половины иностранной рабочей силы приходится на руководителей среднего и высшего звена.

Исследование причин международного трудового сотрудничества между Китаем и Казахстаном

Казахстан готов содействовать привлечению китайской рабочей силы в основном по трем причинам: давление миграции, давление стареющего населения и необходимость экономического развития. Во-первых, Казахстан испытывает иммиграционное давление. Чистая миграция из Казахстана в течение длительного времени была отрицательной. Что касается уров-

ня образования, то доля выезжающих мигрантов с высшим или средним профессиональным образованием выше, чем доля въезжающих мигрантов с тем же уровнем образования. Что касается возрастной группы, то большинство эмигрантов - это молодые взрослые, находящиеся в рабочей силе. Ежегодно в Казахстане большое количество образованных людей трудоспособного возраста уезжают в Россию, Беларусь и другие страны в поисках лучших возможностей трудоустройства. В период с 1991 по 2005 год из Казахстана уехало от 200 000 до 250 000 человек, что вызвало общий ущерб, оцениваемый в сумму от 100 до 125 млрд. долларов [2].

Вторая причина заключается в том, что Казахстан испытывает давление со стороны стареющего населения. Согласно докладу ООН 1956 года «Старение населения и его социально-экономические последствия», международно принятый стандарт - это $\geq 7\%$ от общей численности населения в возрасте 65 лет и старше или $\geq 10\%$ от численности населения в возрасте 60 лет и старше. По данным Всемирного банка, в 2017 году доля людей в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения Казахстана составляет 7,137%, что превысило 7%, а это значит, что Казахстан в 2017 году вступил в стареющее общество. По прогнозам, к 2050 году доля пожилых людей в Казахстане увеличится до 14,1% [11]. Согласно статистике Казахстанского центра развития трудовых ресурсов, в 2013 году численность молодежи Казахстана в возрасте 15-28 лет составляла 4,113 млн человек, но к 2018 году она сократилась до 3,612 млн человек. Стоит отметить, что, хотя ожидается, что численность молодежи в Казахстане начнет увеличиваться после 2023 года, но основной рост будет происходить за счет младшей возрастной группы 15-18 лет [1].

Третьей причиной является необходимость экономического и социального развития Казахстана. Отток рабочей силы стал одной из серьезных проблем Казахстана, а также создал проблемы для экономического и социального развития. В последние годы в целях содействия устойчивому развитию национальной экономики правительство Казахстана выпустило стратегию развития «Казахстан-2030», стратегию развития «Казахстан-2050», новую экономическую политику «Светлый путь» и другие средне- и долгосрочные планы развития национальной экономики, а также определило развитие высокотех-

нологических отраслей, развитие зеленой экономики и цифровой экономики, усиление развития инфраструктуры в качестве приоритетных направлений будущего экономического развития Казахстана. Развитие высокотехнологических отраслей, развитие «зеленой» и цифровой экономики, а также усиление развития инфраструктуры являются одними из приоритетов будущего экономического развития Казахстана. Эти планы предъявляют высокие требования к трудовым ресурсам Казахстана, но нынешняя ситуация с большим количеством низкоквалифицированных работников в стране не соответствует экономическим планам, поэтому привлечение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа имеет решающее значение для ее краткосрочного экономического развития.

Что касается Китая, Китай является страной с большим населением, давление занятости на рынке труда сохраняется, поэтому между Китаем и Казахстаном существует определённая взаимодополняемость в трудовых ресурсах.

Кроме того, Китай и Казахстан имеют тесные экономические связи, и международное трудовое сотрудничество между Китаем и Казахстаном не может быть отделено от активного взаимодействия двух стран в области строительства инфраструктуры, энергетического сотрудничества, кооперации производственных мощностей, экономических и торговых обменов и прямых инвестиций. Будучи первым местом, где была выдвинута инициатива «Один пояс, один путь», Казахстан активно участвует в строительстве «Одного пояса, одного пути» и продвигает строительство «Экономического пояса Шелкового пути» и новую экономическую политику «Светлый путь». Новая экономическая политика «Светлого пути» соответствует этому.

Прежде всего, с точки зрения инфраструктуры и улучшения транзитных транспортных возможностей, усилия Китая и Казахстана включают открытие ежегодного пограничного перехода, трансграничных нефте- и газопроводов, и трансграничных железнодорожных линий, создание китайско-казахстанского центра международного приграничного сотрудничества «Хоргос», безводного порта специальной экономической зоны «Хоргос-Восточные ворота» и китайско-казахстанской базы логистического сотрудничества в Ляньюньгане. Автомагистраль «Западная Европа - Западный Китай» и другие инфраструктурные проекты.

С точки зрения торговли и инвестиций, Китай является крупнейшим внешнеторговым партнером Казахстана. Объем двусторонней торговли между Китаем и Казахстаном в целом сохраняет стабильную тенденцию роста, а китайские инвестиции в Казахстан составляют около 30 миллиардов долларов США в год, в основном сконцентрированные в горнодобывающей промышленности, транспорте и других областях.

С точки зрения природных ресурсов, Казахстан богат углеводородами и является крупным производителем и экспортером углеводородов, и между Китаем и Казахстаном существует тесное газэнергетическое сотрудничество. В 2020 году Казахстан экспортировал 5,7% годового импорта газа в Китай. Совокупный газ из Узбекистана и Туркменистана, импортируемый в Китай по нефтегазопроводу Китай-Казахстан, проходящему через Казахстан, составляет около 30% от общего объема импорта газа в Китай.

С 2014 года Китай и Казахстан активно продвигают сотрудничество в области производственных мощностей, включая металлургию и минералы, энергетику, машиностроение, химическую промышленность и производство строительных материалов, строительство инфраструктуры, транспорт и логистику, фармацевтическое сотрудничество, индустриальные парки, биотехнологии и многие другие сферы. Казахстан относительно однороден с точки зрения промышленной структуры, и, хотя он богат ресурсами и имеет преимущество в развитии энергетической экономики, он также уязвим перед ограничениями феномена «голландской болезни». Китай и Казахстан имеют большое рыночное пространство и потенциал развития в плане сотрудничества производственных мощностей, а двустороннее производственное сотрудничество между двумя странами будет способствовать диверсификации экономики Казахстана.

Кроме того, система управления иностранной валютой также оказывает влияние на международное сотрудничество в сфере труда. Среди пяти стран Центральной Азии Туркменистан и Узбекистан имеют строгий валютный контроль, запрещающий физическим лицам вывозить иностранную валюту из страны и ограничивающий переводы за границу на их личные имена. В отличие от этого, валютный контроль в Казахстане относительно смягчен, и существует меньше ограничений

на операции с денежными переводами внутри страны и за ее пределы [10, с.114]. Китайские компании могут осуществлять международные денежные переводы через местные банки, а физические лица могут обменивать иностранную валюту непосредственно в банках, что делает контроль Казахстана за валютными переводами и проведением выездных операций более мягким.

В последнее десятилетие Китай является крупнейшим источником иностранной трудовой миграции в Казахстан, и это связано с демографическими особенностями двух стран и тесным экономическим сотрудничеством после реализации инициативы «Один пояс и один путь». Международное трудовое сотрудничество между Китаем и Казахстаном создало благоприятные условия для экономического роста и занятости в Казахстане, но все еще существует некоторая неопределенность относительно будущего из-за исторических и культурных различий между двумя странами и политической ситуации.

Список литературы

1. В ближайшие годы приток молодежи с высшим образованием на рынок труда сократится до минимума. 12.08.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://iac.enbek.kz/ru/node/679>.
2. Внешняя миграция Казахстана: из каких регионов уезжает население. 14.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/51991/>. (дата обращения: 22.01.2022).
3. Калиева С.А., Амрин А.К., Альжанова Ф.Г. Сотрудничество Казахстана и Китая в сфере трудовой миграции в рамках формирования экономического пояса «Шелкового пути» // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. №2-2.
4. Ким Е.В., Особенности процессов трудовой миграции в центральной Азии (на примере республик Узбекистан и Казахстан) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 133–137
5. Маханов К. Краткий обзор внешней миграции в Казахстане. Eurasian Research Institute. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/briefoverview-of-external-migration-inkazakhstan/?lang=ru> (дата обращения: 19.01.2022).
6. Об иммиграции. Закон Республики Казахстан от 26 июня 1992 года. Статья 21-1. [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920003300_ (дата обращения: 19.01.2022).

7. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017 - 2021 годы и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017 - 2021 годы. 29 сентября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000602> (дата обращения: 19.01.2022).
8. Садовская Елена, Китайская миграция в Казахстане: причины, основные тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2008. №1 (55).
9. Цзян Сяюнь. Текущие исследования по управлению миграционными процессами в Евразии. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2020.
10. Чжу Юнбяо, Жэнь Сида. Риски для китайских трудовых прав в Центральной Азии // Вестник Синьцзянского педагогического университета, 2017, 38(04):113-122.
11. Численность населения в Казахстане достигнет 24 млн человек к 2050 году – прогноз ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://kazpravda.kz/n/chislennost-naseleniya-v-kazahstane-dostignet-24-mln-chelovek-k-2050-godu-prognoz-oon/?ysclid=15qjzu7e6x710711391> (дата обращения: 22.01.2022).
12. Юй Вэй. Международная трудовая миграция в Казахстане: ее состав, развитие и управление // Университет Ланьчжоу. 2000.

© Сюй Жуйди, 2022

*Якубова Мухтарам Бакаевна
Шароф Рашидов номидаги
Самарқанд давлат университети,
тарих факультети
«Самарқанд тамаддуни тарихи»
кафедраси ўқитувчи,
Самарқанд, Ўзбекистон
muhtaram.yakubova@mail.ru*

ГАНС-ГЕРМАНН ГРАФ ФОН ШВАЙНИТЦНИНГ XIX АСР ОХИРИ-XX АСР БОШЛАРИДА ТУРКИСТОН ИЖТИМОЙ СОҲАЛАРИГА ОИД ТАДҚИҚОТЛАРИ

Аннотация: С середины XIX века Центральная Азия становится объектом пристального внимания мировых держав того времени. Именно в этот период учащаются зарубежные экспедиции в Туркестан. В данной статье речь идёт о исследованиях немецкого учёного Германна Швайнитца, которому удалось не один раз побывать в Туркестане и сделать интересные наблюдения по социально-экономической жизни края. В своих публикациях Швайниц демонстрирует результаты многолетних изысканий, в которых приводит интересные сведения об истории, этнологии, экономике, гидрологии, ихтиологии края.

Ключевые слова: Германн Швайниц, Центральная Азия, исследования

Abstract: Since the middle of the XIX century, Central Asia has been the object of close attention of the world powers of that time. It is during this period that foreign expeditions to Turkestan become more frequent. This article is about the research of the German scientist Hans-Hermann Graf von Schweinitz, who managed to visit Turkestan more than once and make interesting observations on the socio-economic life of the region. In his publications, Schweinitz demonstrates the results of his many years of research, in which he provides interesting information about the history, ethnology, economics, gidrology, and ichthyology of the region.

Keywords: Hans-Hermann Graf von Schweinitz, Central Asia, research

Марказий Осиё ва Ғарбий Европа халқлари ўртасида Буюк Ипак йўли фаолияти доирасида бошланган маданий, савдо алоқалари Амир Темур даврига келиб элчилик алоқаларининг қўйилиши билан янги мазмун касб этиб, фаоллашди. Бироқ XVI асрдан бошлаб бу муносабатлар сусайиб, кейинги асрларда деярли тўхтаб қолган эди. Бир неча асрлик танаффусдан сўнг XIX аср ўрталаридан алоқалар яна фаоллаша бошлади. Аммо бу даврдаги муносабатлар бошқача мазмунга эга бўлиб, Марказий Осиёда ўз ҳукмронлигини ўрнатган Россия империясининг мустамлакачилик манфаатлари доирасида кечди. Минтақада ўз мустамлакасига эга бўлган Россия империяси бу ердаги маъмурий ва иқтисодий ҳаётни ўз манфаатлари йўлида ташкил этиш, унинг захираларини ўрганиш ва улардан унумли фойдаланишда малакали ва билимли кадрларга муҳтож эди. Гарчи Россиядан ўлкага жуда кўп олимлар ва илмий жамиятлар жалб этилса-да ўлкани ўзлаштириш борасидаги сиёсатини амалга оширишда тажрибали кадрларга эҳтиёж катта эди. Шу боис XIX асрнинг иккинчи ярмида Россия империясининг таклиф ва буюртмалари асосида Германиядан Туркистон ўлкасига жуда кўп немис мутахассислари ташриф буюриб, тадқиқотлар олиб бордилар, амалий фаолиятга жалб этилдилар.

Уларнинг орасида табиатшунослар, ҳарбий топографлар, зобитлар, инженер-муҳандислар ҳамда шарқшунос ва этнографларни учратиш мумкин. Улар кейинчалик ўз таассуротлари ва тадқиқотлари асосида асарлар, мемуарлар нашр қилдилар. Тадқиқотчиларнинг қарийб барчаси ўз сафарлари ҳақида асарлар ва эсдаликлар қолдиришган. Туркистон билан қизиққан тадқиқотчилар ичида турли соҳа вакиллари бўлган.

Ўлкада кенг тадқиқотлар олиб борган немис мутахассисларидан бири Ганс-Германн граф фон Швайнитц (Hans-Hermann graf von Schweinitz, 1865-1918) эди. Граф фон Швайнитц Африка мамлакатларига кўплаб илмий саёҳатлар уюштирган, Марказий Осиёда рафиқаси билан икки маротаба бўлган. Иккала саёҳати давомида ҳам унга рафиқаси ҳамроҳлик қилган. 1909 йилдаги иккинчи саёҳати натижасида ушбу китоб нашр этилган.

1909 йилдаги иккинчи саёҳати натижасида «Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien» («Шарқий саёҳатлар: Туркистон ва шимолий-шарқий Эронга саёҳат») номли асарини чоп этган [1, s. 3]. Швайнитц Марказий Осиё шаҳарларини кезиб улар ҳақида қизиқарли маълумотларни тўплаган. Ўзбекистон шаҳарларидан Бухоро ҳақида алоҳида тўхталиб, қуйидагиларни ёзиб қолдирган:

«Тор кўчалардан ташқари Бухоро бозорларига катта кенг кўчалар ҳам олиб борган. Бундай кўчалар катта гумбазсимон биноларни бир-бирига боғлаган. Улар ҳам Бухоро бозорининг бир қисми ҳисобланиб Чор-су деб аталган. Ушбу бинолар Бухоронинг гуллаб яшнаган давридан нишона. Шайбоний ҳукмдор Абдулазизхон томонидан бунёд этилган Саргирёни-чор-су биноси қад ростлаган. Бу чор-су биносида дўппифурушлар савдо расталари жойлашган. Унга туташ бозорлар: китоб бозор, эгар-жабдуқ, кўрпа-тушак бозори, темирчилар бозори, тилло ва зеб-зийнат бозори. Пул алмаштирувчи даллоллар бозори, шойи ипак бозори, буз бозор. Ундан кейинги бозорда қизил катта-катта атиргуллар нақши солиб тўқилган газламалар европаликлар томонидан бажонидил харид қилинарди. Аслида улар эски саллаларнинг матоларидан тайёрланган. Аёллар чопонлари бозорида кийилган чопонлар сотилган. Чунки янгилари харамларда тикиб берилган. Ундан кейин қурол-аслаҳа, китоб тикувчилар расталари жойлашган. Шойи тукувчилар ипак, ярим ипак, брокат ва оловли сариқ, қизил ва мовий ранг бахмал билан савдо қилишган. Ундан кейин салла бозор, этик бозор, ўтроқ аҳоли орасида бозори чакқон бўлган туя жунидан тўқилган буюмлар, гуруч бозор, мискарлар бозори. Эркаклар чопони сотиладиган бозор жуда машҳур, бу ердан оддий чопонлардан тортиб энг қимматбаҳоларигача топиш мумкин. Ундан сўнг мис, гилам, қорақўл териси бозорлари жойлашган. Шаҳарнинг алоҳида жойларида ёғоч-қўмир, ўт-хашак, дон бозор, туз бозор мавжуд. Таом бозори, новвойлар-у мевафурушлар ҳам бўлган. Таом бозорида асосан шашлик тайёрланган» [2, s. 117].

Сайёҳ дори-дармон бозори, чопон бозор, бешта оёқ кийим бозори ва қуритилган мевалар учун иккита асосий бозорни қизиқиш билан таърифлаган. Қуритилган мева бозорларида майиз, pista, бодом, қурут, қуритилган олма ва ноклар жуда катта миқдорда сотилган. Швайнитц Бухоро майиз бозори Са-

марқанд майиз бозоридан кичикроқ бўлганлигини ёзади[3, s. 118]. Оёқкийим бозорида эркак ва аёллар, болалар учун баланд кўнжили юмшоқ этиклар сотилган. Улар яшил рангдаги эчки терисидан тайёрланган, турли нақшлар пресслаб солинган. Ушбу оёқкийимлар учун юмшоқ пошналар Қозондан келтирилган. Бу ерда рус чарм калишлари ва худди ўша яшил рангдаги кўпол от терисидан тикилган этикларни ҳам сотиб олиш мумкин. Чопон бозорда барча размер, турли мато ва рангдаги чопонлар бўлиб улар эркаклар ва аёллар чопонига бўлинган. Ушбу бозор яқинида қавилган кўрпалар бозори жойлашган. Дори-дармон бозорида турли дорилару зираворлар, бўёқлар, турли гиёҳ ва ҳ.к. узун иккиталик дўконларда сотишган. Немис тадқиқотларида ўша даврдаги бозор инфратузилмаси, этнография, бозордаги нарх-наво ва амалдаги пул қиймати, саррофлар ҳақида кўплаб маълумотлар олиш мумкин.

Швайнитц бухороликлар учун ширинлик бозори ниҳоятда катта аҳамиятга эгаллиги ва аҳоли жуда кўп миқдорда ширинлик истеъмол қилишини таъкидлайди[4, s. 118].

Швайнитц Туркистон гидрология ва ихтиологияси билан ҳам қизиққан. Орол денгизига қуйилишидан 150 км. узоқликда Амударё Хива хонлиги ҳудудини суғорганлигини қайд этади. Амударёни муаллиф Нил дарёси билан таққослаб унинг сувлари ўзи билан келтирадиган лойқа аралаш тупроқ жуда унумдор бўлиб ҳосилдорликни оширганлигини таъкидлайди. Худди Нил каби Амударё серсув ва баҳорда дарёнинг кенлиги 5км.ни ташкил қилган жойлар кўплиги айтилади [5, s. 58]. Амударё балиқларидан иккитасини деликатес балиқлар қаторига қўшиш мумкин: бу осетрина ва скофоринкус (Scoforinkus). Скофоринкус балиғи жуду мазали бўлиб бундай балиқлар Амударёдан ташқари Амазонка дарёсида учраши маълум қилинади.

Немис тадқиқотчиси ҳудудимиз аҳолисининг этник таркиби ҳақида мулоҳазалар юритиб шундай дейди:

“Оксдан шарқда кўчманчи туркман қабилалари яшаса, унинг ғарбида ўтрок, деҳқончилик ва савдо-сотик билан шуғулланадиган аҳоли истиқомат қилган. Уларнинг қониди эронликлар, македонликлар, юнонлар, араблар, турклар, муғул халқларнинг қони мавжуд”,- дейди муаллиф [6, s. 62].

Швайнитцнинг гувоҳлик беришича руслар Окс ғарбидаги ўтрок аҳолини умумий ном билан сарт деб атаган. Лекин Хива

ва Бухорода бу ном тарқалмаган. У ердаги аҳоли тожик ва ўзбекка бўлинган.

Ўлкадаги чорвачиликнинг иқтисодий ривожланишдаги аҳамияти ҳақида алоҳида тўхталиб ўтади. Бухорода қоракулчилик ривожини кузатиб қуйидагиларни ёзган: "Бухоронинг Қорақўл кишлоғи қорақўлчилик маркази ҳисобланган. Бу ерда етиштирилган қорақўл териси Европада жуда юқори баҳоланган. Германия ҳукумати ҳам ўзининг Жанубий Африкадаги мустамлакаларида қорақўл қўйларини етиштиришни йўлга қўйган [7, s. 65]. Швайниц Тошкент шаҳри ҳақида ҳам кизиқарли маълумотлар қолдирган:

"Қорағач ва тераклар аллеяси Тошкент шаҳрига катта ва қадимий боғ кўринишини берган. Барча рус шаҳарларидаги каби вокзал шаҳар ташқарисида жойлашган. Тошкент кўчалари қисман доирасимон, қисман радиал қилиб ётқизилган. Тошкент ҳарбий ва маъмурий шаҳар бўлиб бу ерда бутун ҳокимият ва таълим тизими мужассамлашган. Шаҳарда Олий фуқаролик ва ҳарбий мактаблар, кадетлар уйи, кишлоқ хўжалик тажриба станцияси, кутубхоналар, музейлар ва бир қатор бошқа институтлар, кичик ва катта дуконлар мавжуд бўлиб савдо-сотик ривожланган".

Янги шаҳардан ярим соат узоқликда эски шаҳар бошланган. Икки шаҳарни бир-бири билан Бельгия жамияти томонидан қурилган трамвай боғлаб турган. 200 000 аҳолиси бўлган шаҳарда турли миллат вакиллари тинч-тотув яшашган [8, s. 67].

Тадқиқотчининг фикрича, Туркистон шаҳарлари қарийб бир хил лойиха асосида қурилган. Шаҳар марказида бозор жойлашган бўлиб ундаги ҳаёт фақат тижорат мақсадларига бўйсундирилмаган. Унинг атрофида тор кўчалар қад ростлаган. Кўчаларнинг деразасиз деворлари алоҳида ҳовлиларни ташқи дунёдан ажратиб турган. Буларнинг бари умумий қалъа девори билан ўралган. Шаҳар деворига атрофи алоҳида девор билан қуршаб олинган катта-катта боғлар туташиб кетган. Кўп ҳолларда шаҳар ичкарасида ҳукмдорнинг мустаҳкам қалъа - кўрғони жойлашган.

Барча бинолар, девор ва қалъа деворлари лойдан ясалган, бутун Туркистон лойдан ясалган девор ва бинолар билан қопланган. Туркистоннинг иклимига жуда мос келган ушбу тупроқ қуруқ ҳавода тошдай қотиб жуда мустаҳкам материалга айланади. Тош деворлардан фарқли ўлароқ ушбу тупроқдан

ясалган деворларни ўқ билан тешиб тош деворлардек ушала-тишнинг имкони йўқ эди. “Сартлар шаҳри Тошкент ҳам худди шундай лойиҳа бўйича қурилган”,-деб ёзади тадқиқотчи. Қўрғон ва шаҳар девори бузиб юборилган. Муаллиф рамазон ойида Тошкентда бўлиб ушбу ойдаги шаҳар ҳаётини тасвирлайди. Мусулмонлар қуёш ботгач фаоллашадилар, бутун шаҳар тунни билан гавжум бўлади. Тунда шаҳар ҳаёти асосан бозорларда мужассам бўлган. Айниқса таом бозори жуда гавжум бўлган. Тушдан кейин бу ерда ифторлик учун таом тайёрлаш билан банд бўлган тамаддихоналар тунни билан шаҳарликлар ва меҳмонларга хизмат кўрсатган. Бу бозорларни муаллиф жуда маҳобатли катта ярмаркага (Европада даставвал йилига бир маротаба ўтказилган бозорлар- *Jahr*-йил, *Markt*- бозор-ярмарка дейилган) ўхшатган. Тошкент бозорининг қўчалари минглаб чироқлар билан ёритиб қўйилган. Бозорда чойхоналар жуда кўп бўлиб унда мусулмонлар билан бир товоқдан таомланган европаликларни ҳам учратиш мумкин эди. Муаллиф бунни Машҳад билан солиштиради ва ушбу ҳолат бўйича Тошкент ва Машҳад орасида ер билан осмонча фарқ борлигини таъкидлаб ўтади. Мусулмонлар ва насронийлар ўртасидаги муносабатлар жуда илиқ бўлган. “Шунча кўпсонли одамларнинг бир жойга тўпланишига қарамасдан бирон жанжал ёки шовқин-сурон эшитилмасди. Фақат шодиёна, қувончли ҳаёт кузатиларди. Бозорда битта-иккита маҳаллий миршаблардан ташқари ҳукуматнинг бирор вакили учрамайди. Одамларга қараб эски шаҳарда анчадан бери вабо касаллиги тарқалганлиги сезилмайди ҳам”,- деб таъкидлайди муаллиф [9, s. 69]. Чор ҳукумати вакиллари билан аралашувидан қўрқиб уйларига бостириб киришларидан хавфсираган маҳаллий аҳоли ҳар бир ўлим ҳолатини махфий тутган. Маҳаллий аҳоли вабодан вафот этганларни оммавий равишда ўз томорқаларида яширинча кўмиб юборишган. Тошкент ва бутун Туркистоннинг бахтига вабони кесадиган қиш яқин эди [10, s. 69].

Фарғона далаларида пахта, шоли ва дон етиштириларди. Водийни кўпсонли каналлар кесиб ўтганди. Муаллиф Қўқон, Марғилон, Андижон шаҳарларининг эски ва янги рус қисмлари ҳақида маълумот беради.

Қўқондаги Худоёрхон саройи (1863-1870ййилларда қурилган) рус аскарлари казармаси вазифасини ўтаган, тахтиравон турган залда эса ҳарбий капелла фаолият юргизган. Қўқон

русларнинг энг муҳим савдо – тижорат шаҳри бўлиб, бу ер асосан пахта савдосининг маркази эди [11, s. 70]. Бу ерда турли пахта фирмалари фаолият юргизган, уларнинг орасида немис фирмалари алоҳида рол ўйнаган. Шаҳарда пахта биржаси очилган.

Марғилон шаҳрига 1907 йилда Скобелев номи берилган. Шаҳарнинг эски қисмигина Марғилон номи билан аталишда давом этган.

Андижон Транскаспий темирўлининг охири бекати ҳисобланган. Хитой чегарасига яқин жойлашган бу шаҳар Туркистон шаҳарлари орасида энг кўп зилзила бўладиган ҳудуд ҳисобланган. 1902 йил 12 кун давомида рўй берган тинимсиз ер силкениши оқибатида шаҳарнинг рус қисми (черков ва пивоходанан ташқари) ва эски шаҳар қисми тўлиқ вайронага айланди [12, s. 71]. Ушбу даҳшатли зилзиладан сўнг ер ости ҳарбий казармаларни қўриш бошланди. Бундай казармаларнинг фақат том қисми ер устида кўриниб турарди. Улар жуда мустаҳкам қилиб қурилган [13, s. 72].

Марғилон, Андижон ва Қўқонга муаллиф рўза ойи ташриф буюрган. Учаласида ҳам тунда шаҳарлар жуда гавжум бўлиб биронтасида ҳеч қандай қор-ҳол рўй бермаган. Ҳаммаси тунда ҳам жуда тинч ҳаёт кечирган.

Фарғонада Олой тоғларида тутилган қушлар коллекцияси муаллифнинг рафиқаси томонидан тузилиб кейинчалик Берлин Қироллик Музейига топширилган [14, s. 85]. Швайницц ўлка бозорларидаги нарх-навони кузатиб қуйидаги маълумотларни тўплаган: битта кичкина қўй – 7-7,50 рубл, битта катта қўй – 15-16 рубл, битта яхши эчки – 6 рубл, битта яхши сигир – 40 рубл, битта оддий от – 35-40 р., битта яхши от – 80-90 р., битта аравага қўшиладиган от – 200 р., битта пойга от – 300-400 р., 1 пуд яхши арпа – 0,85р. [15, s. 84].

Саёҳатчи Фарғонада кўплаб тижорат юритувчи немисларларга дуч келганлини таъкидлайди. Айниқса, Қўқонда. Улар бир неча ўн йиллардан бери бу ерда ва бутун Туркистонда иш юритиб келган [16, s. 88].

Лекин сўнгги ўн йилликларда ўлкага келиб фаолият юргизаётган немислар сони аввалги йилларга қараганда анча пасайганлиги кузатган. Швайницц Самарқанд ҳақида тўхталиб, ундаги Регистон майдони кўплаб дўконлар ва шашликхоналар билан тўлганлигини ёзади. Ундан ташқари шаҳар аҳолисининг

диний бағрикенглиги ҳақида шундай дейди: «насроний ва му- сулмон ёнма-ён ўтирарди шашликхоналарда. Ўзаро нафрат ва фанатизм йўқ эди». Самарқандга бутун Россиядан савдогарлар келиб майиз харид қилишган. Бибихоним мачити ёнида май- из бозор бўлган. У ерда майизлар катта-катта уюмлар қилиб тўкиб қўйилган. Ҳар бир савдогарнинг маҳаллий фуқаролар- дан ўз агенти бор эди. Шу тижорат агентлари воситасида рус савдогарлари воситасида Самарқанд бозорларидан маҳсулот сотиб олган. Майизларни халталарга солгач бир киши усти- га чиқиб майизларни оёғи билан пресслаган. Самарқанд май- излари жуда ширин бўлган. Бир ботмон майиз 21-25,5 рубл турган. Мева бозори жуда катта бўлган. Рус товарлари асосан Москва матолари йирик Европа фирмалари томонидан Са- марқандга юборилган. Буларнинг барчаси ўлкадаги савдо-со- тикнинг ривожланганлигидан далолат беради.

Хулоса қилиб айтганда, Туркистон худудининг ижтимо- ий-сиёсий жиҳатдан ўрганилишига хизмат қилган илмий са- фарлар кўп бўлган. Хорижий тадқиқотчилар орасида немис миллатига мансуб олимлар ҳам салмоқли ўринга эга бўлган. Г.Швайницнинг тадқиқотлари ўлкамизнинг XIX-XX аср бо- шларидаги ижтимоий-иқтисодий ҳаётига оид кўплаб қиммат- ли маълумотларга эга.

Список литературы

1. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.3
2. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.117
3. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.118
4. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.118
5. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.58
6. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.62
7. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.65
8. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.67

9. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.69
10. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.69
11. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.70
12. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.72
13. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.71
14. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.85
15. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.84
16. Schweinitz H. Orientalische Wanderungen in Turkestan und im nordoestlichen Persien. Berlin, 1910. S.88

© Якубова М.Б., 2022

Евразийское пространство: актуальные процессы, отдельные страницы истории и факторы развития

Ван Кайхуа

PhD, Пекинский университет, Пекин, Китай

kevard@pku.edu.cn

Wang Kaihua

PhD Candidate, Peking University, Beijing, China

kevard@pku.edu.cn

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ОПЕРАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ «ЖАС ОТАН» В КАЗАХСТАНЕ

THE ORGANIZATIONAL AND OPERATIONAL MECHANISMS OF JAS OTAN IN KAZAKHSTAN

Аннотация: «Жас Отан», молодежное крыло партии «Нур Отан», является крупнейшей молодежной организацией в Казахстане. С точки зрения организационных механизмов, «Жас Отан» создал строгую бюрократическую структуру для управления своими членами. Что касается оперативного механизма, «Жас Отан» в основном находится под руководством «Нур Отана» через горизонтальные и вертикальные механизмы. «Жас Отан» является периферийной организацией «Нур Отана» по политической мобилизации и резервированию членов среди молодежи Казахстана. Хотя «Жас Отан» унаследовал некоторые черты советского комсомола, между ними существуют значительные различия в плане идеологии и организационных функций. В контексте политических реформ в Казахстане сам «Жас Отан» трансформируется в социальную организацию, ориентированную на оказание услуг.

Ключевые слова: Казахстан; Жас Отан; Нур Отан; молодежная организация

Abstract: Jas Otan, the youth wing of the Nur Otan Party, is the largest youth organization in Kazakhstan. In terms of organizational mechanisms, Jas Otan has established a strict bureaucratic structure for managing its members. As for the operational mechanism, Jas Otan is primarily under the leadership of Nur Otan through horizontal and vertical mechanisms. Jas Otan is a peripheral organization of Nur Otan for political mobilization and membership reserve among youth in Kazakhstan. Although Jas Otan inherits some of the characteristics of the Soviet Komsomol, there are significant differences between the two in terms of ideology and organizational functions. In the context of political reforms in Kazakhstan, Jas Otan itself is being transformed into a service-oriented social organization.

Keywords: Kazakhstan; Jas Otan; Nur Otan; Youth Organization

As more and more young people born in the post-Soviet era enter society, youth issues are gaining the attention of the Nur Otan party, the “Power Party” in Kazakhstan. Therefore, the leadership of Nur Otan has established a special public organization for young people in Kazakhstan. (On March 1 2022, President Tokaev changed the name of Nur Otan to Amanat, but for the sake of narrative, it is still referred to here as (Nur Otan).

I. Overview of Jas Otan and its Objectives

On May 14, 2008, the first National Congress of Jas Otan was held in Astana, Kazakhstan, where the organization was officially established. The statute of Jas Otan adopted at the Congress states that Jas Otan is a public association of young people under the leadership of the Nur Otan party, dedicated to representing and defending the interests of all young citizens of Kazakhstan [8, c.2].

Jas Otan shares the same political program as Nur Otan, and its core philosophy is to support the President’s leadership of the country. Therefore, uniting the youth of Kazakhstan under the President’s leadership and mobilizing them to respond to the President’s call to build a “strong and modern Kazakhstan” is the most fundamental political mission given to Jas Otan by Nur Otan.

With the program and mission in mind, Jas Otan has set itself the following five main objectives for its work.

1. To unite the youth with patriotic education, to stimulate patriotic enthusiasm among the youth of Kazakhstan. In turn, to

guide them to support the leadership of the President and Nur Otan, and to support the national policies pursued by the President.

2. To encourage the active participation of the youth in the work and activities of Jas Otan, to help them gain experience in economic work and political participation, to develop their civic qualities and sense of social responsibility, and thus to promote the overall development of the youth in Kazakhstan.

3. To protect the legitimate rights and interests of the youth in Kazakhstan, participate in the formulation of various laws on the protection of youth rights and interests, and monitor the implementation of those laws.

4. To mobilize the youth in Kazakhstan to join Jas Otan to broaden the support base of Nur Otan. Helping Nur Otan to develop youth members and increase the influence of Nur Otan on other youth organizations.

5. To help to build a pool of young cadres for Nur Otan and Kazakhstan's national institutions. To attract and train the young elites needed by Nur Otan party and Kazakhstan's national institutions, and to support them in their future management positions [8, c. 3-5].

II. Organizational structure of Jas Otan

The structure of Jas Otan is divided into four levels: central - region (municipality) – district (city) - primary branch. The governing bodies of each level consist of the conference of the corresponding level and its council, and the organization at the lower level is subject to the leadership and management of the organization at the higher level.

(i) Central Organization

The highest governing body of Jas Otan is the National Congress and the Central Council. The National Congress of Jas Otan is held every four years. The delegates of the National Congress are elected by the 17 regional branches of Jas Otan and are responsible for reviewing the work report of the Central Council, discussing and voting on the future work plan and related resolutions of Jas Otan, and electing the members of the new Central Council.

The Central Council of Jas Otan is composed of the members of the Presidium and the chairmen of the 17 regional branches. It is responsible for the coordination and management of Jas Otan at the central level. As the de facto leadership of Jas Otan, the members of the Presidium serve a four-year term, including the chairman,

the vice-chairman, the chairman's advisor and an administrative secretary.

The Chairman of Jas Otan, through the Administrative Secretary, is in charge of four departments: Youth Projects Analysis department, National Communication and Cooperation department, Organization and Regional Work department, and Accounting and Personnel Management department. He is also in direct contact with the chairmen of the 17 regional branches throughout Kazakhstan and receives reports on their work [8, c. 8-9]. Although it is not explicitly stated, the chairman of Jas Otan must not only have extensive experience in youth work, but also must be a member of Nur Otan. After the term ends, the chairman of Jas Otan is often transferred to a mid-level management position in Nur Otan or transferred to a local government as the head of department dealing with youth, family, education, etc.

(ii) Local organizations

The administration of Jas Otan at the local levels also consists of the congress and the councils that emerge from them. The congress at the regional level is held every two years and the delegates are elected by the district level. The delegates of the district congress are elected by the primary branches. The constitution of Jas Otan stipulates that any basic unit with three or more members of Jas Otan can set up a primary branch. By 2020, Jas Otan had established primary branches in 230 companies and 96 universities across Kazakhstan [15]. The management of the councils at all levels is the responsibility of the branch chairmen, who are also mostly members of Nur Otan.

From the central to the grassroots level, Jas Otan has a top-down bureaucratic hierarchical structure of congresses and councils, and the Nur Otan's membership of the Jas Otan chairmen indicates the subordination of the organization to Nur Otan, which also manages the work of Jas Otan directly through the chairmen.

III. Member management of Jas Otan

(i) Membership

Jas Otan is open to young citizens of Kazakhstan who agree with its mission and goals, actively participate in its projects and activities, and are at least 16 years old. As of 2020, Jas Otan had a total of 106,000 members [15], making it the largest youth organization in Kazakhstan.

(ii) Rights of Members

The members of Jas Otan share four main rights: the right to vote and to be elected, the right to participate in decision-making and to express themselves freely, the right to be informed and the right to withdraw [8, c. 7].

(iii) Obligations of Members

The obligations of members of Jas Otan are more numerous than the rights they enjoy, but can be briefly summarized in the following categories.

Each member is expected to abide by the constitution of Jas Otan, to observe the discipline of the organization and to maintain the unity and solidarity of the organization. Each member is expected to carry out the political programme and mission of Jas Otan and play an exemplary role as a member of the organization. In addition to this, each member is required to actively participate in the work of Jas Otan, to implement the decisions made by the organization at all levels and to recruit new members [8, c. 7-8].

IV. The caucus relationship between Jas Otan and Nur Otan

The caucus relationship between Jas Otan and Nur Otan in Kazakhstan can be summarized in three dimensions: organizational, political and personnel.

(i) Organizational relation

As a youth organization affiliated to Nur Otan, the two are the relationship between the leader and the led. Nur Otan's leadership mechanism over Jas Otan can be subdivided into two forms: horizontal leadership and vertical leadership. Horizontal leadership means that all levels of Jas Otan's bodies are under the direction of the corresponding level of Nur Otan's body. Vertical leadership means that on the basis of horizontal leadership, Nur Otan leads Jas Otan through Jas Otan's bureaucratic system. In addition, Nur Otan can also lead Jas Otan through its own bureaucratic system.

The Nur Otan's horizontal and vertical leaderships over Jas Otan are intertwined, forming a set of strict caucus organizational relations.

(ii) Political relation

In terms of political relation, Jas Otan is an extension and expansion of Nur Otan among the youth of Kazakhstan. It is a peripheral organization of Nur Otan for political propaganda and mobilization among the youth of Kazakhstan. Most of the time, the main political work of Jas Otan is to inform the youth about the specific policies implemented by the President, to explain the draft

legislation proposed by Nur Otan in the Parliament, in order to raise the awareness of the youth about the President and Nur Otan. On the other hand, Jas Otan is an intermediary for the youth of Kazakhstan to express their political demands to Nur Otan and to participate in the political life of the country. Jas Otan is an organizational bridge between Nur Otan and the youth, an organizational tool for the youthisation of the political work of the Party. The political relationship between Jas Otan and the Nur Otan is ultimately shaped and determined by the political needs of Nur Otan.

(iii) Personnel relation

The personnel relation between Jas Otan and Nur Otan is primarily about the absorption of members and cadre development. Jas Otan is known as the youth reserve of Nur Otan and the members of Jas Otan are an important source of Nur Otan's members [10, c. 38]. The most suitable way for a young Kazakhstani who wants to enter politics is to join Jas Otan first and then apply for membership of Nur Otan after becoming a middle-level cadre of Jas Otan. The work performance and cadre status of Jas Otan often lead to their rapid promotion to the ranks of Nur Otan. In order to develop experience and accumulate political achievements, the party's young cadres are also assigned to Jas Otan at all levels for training. The current Chairman of Jas Otan, Zhebysbayev (Нуржан Жетписбаев), is one of the "rising stars of the young cadre" of Nur Otan. Before serving as the chairman of Jas Otan, he was the deputy mayor in charge of social affairs for the city of Temirtau (Темиртау) [5]. In 2021, Akhmetov (Мәди Ахметов), a 25-year-old member of Nur Otan, was elected as Kazakhstan's youngest member of the Magilis (lower house of parliament). Prior to his election, Akhmetov was the chairman of the Almaty City branch of Jas Otan [6].

V. Similarities and differences between Jas Otan and the Soviet Komsomol

Jas Otan has certain similarities with the Soviet Komsomol in organizational structure and organizational function, but there are also significant differences between the two in terms of ideology, organizational scale and sources of funding. Therefore, we cannot simply equate Jas Otan with the contemporary version of Komsomol of Kazakhstan.

(i) Similarities

According to Kazakhstani scholar Dina Sharipova, Jas Otan has retained much of its Leninist organizational heritage and is

a youth organization with strong “Soviet overtones” [13]. There are many similarities in terms of organizational structure between Jas Otan and the Soviet Komsomol. Both Jas Otan and the Soviet Komsomol have a bureaucratic system, and both of them have a “congress + council” structure at each level.

In terms of organizational function and caucus relationship, both Jas Otan and the Soviet Komsomol have been the youth wings or peripheral organizations of their respective parent parties, and both have been subject to the horizontal leadership and management of their respective parent parties. In terms of their political functions, both Jas Otan and the Soviet Komsomol have had the mission of political mobilization and propaganda to the youth, and both have been the “youth reserve” for selecting and cultivating young cadres for their respective parent parties.

In actual operations, both Jas Otan and the Soviet Komsomol have played the role of intermediary platforms that connect their respective parent parties and society, and have helped to communicate between the country and the youth. Both Jas Otan and the Soviet Komsomol have provided institutionalized political space linking their respective parent parties, the country and the youth in their respective eras. In terms of social functions, both Jas Otan and the Soviet Komsomol must assist their respective parent parties in handling the social governance work for the youth. They both need to pay attention to the interests of the youth, respond to the demands of the youth, and guide the development of the youth. At last, they both need to mobilize the youth to participate in various voluntary activities and participate in the country’s social and economic construction [9, c. 17-28].

(ii) Differences

The most significant difference between Jas Otan and the Soviet Komsomol is ideological. Whereas the Soviet Komsomol was guided by communism, Jas Otan has no clear ideology. Jas Otan shares the same political program with Nur Otan. However, Nur Otan, as the “Power Party” in Kazakhstan, does not have a clear-cut ideology of its own, except for its core program of supporting and promoting the President’s political propositions. This means that it is impossible and not allowed for Jas Otan to put forward any ideology slogans. Therefore, Jas Otan lacks sufficient appeal among the youth compared to the Soviet Komsomol, which leads to the fact that the membership size of Jas Otan is

much smaller than that of the Soviet Komsomol. Although Jas Otan is the largest youth organization in Kazakhstan, the number of members has always hovered between 100,000 and 200,000 since its establishment [15], which does not represent a significant proportion of the youth population in the country.

Another major difference between Jas Otan and the Soviet Komsomol is the specific task of political mobilization and propaganda. Despite the fact that Nur Otan has been the “Power Party” for a long time, Kazakhstan is still formally a multi-party state. Hence, Jas Otan’s one of the central tasks in political mobilization and propaganda is to win as many votes as possible for Nur Otan among the young voters during the presidential and parliamentary elections. Obviously, the Soviet Komsomol did not have a political mission in this regard.

In addition, because of the different times and circumstances, Jas Otan and the Soviet Komsomol also have very different sources of funding. Before Gorbachev’s reforms, the Soviet Komsomol was financed from a single source, mainly from the Central Council of the Communist Party and the membership fees. In contrast, the funding sources of Jas Otan are very diverse. In addition to grants from Nur Otan and membership fees, Jas Otan can also accept donations from individuals, enterprises and NGOs. It can even engage in commercial activities such as the sale of goods and services and the trading of shares and securities to supplement the organization’s funds [8, c. 15]. Although Nur Otan remains firmly in control of Jas Otan, the diversification of funding sources provides an opportunity for other forces to infiltrate Jas Otan in the future. Alternatively, it is also possible that Jas Otan itself will evolve into an independent interest organization due to the diverse sources of funding.

VI. Conclusion

At the beginning of 2022, national unrest erupted in Kazakhstan over the price hike of liquefied petroleum gas, in which many young people took part. Ironically, as an official youth organization with a tight bureaucracy and a large membership, Jas Otan did not play any role in preventing and stopping the youth unrest. The radicalization of a large number of young people in Kazakhstan also showed that the long-standing political propaganda and youth education efforts of Jas Otan have achieved effective results.

The reasons for the failure of Jas Otan’s youth work are related to the organization’s own unbalanced position, which is

characterized more by a political role but not a sufficient social role. Jas Otan has positioned itself as a political organization to achieve the political goals of Nur Otan, but it has not really regarded itself as a social organization that defends the interests of the youth. In the youth work of Jas Otan, political goals are always given higher priority than social goals. Therefore, it is easy for Jas Otan to ignore or fail to address the real social concerns of many young people. In addition, the hierarchical bureaucratic system and the highly didactic and persuasive approach working have made it difficult for Jas Otan to be welcomed by young people growing up in post-Soviet Kazakhstan. On the contrary, it is often misunderstood by many young people as the contemporary version of the Komsomol in Kazakhstan, and regarded as a product out of touch with the time.

In conclusion, the absence of Jas Otan in the prevention and suppression of youth unrest has revealed many problems with the organization, all of which are closely linked to its current organizational structure and operation methods.

In March 2022, President Tokaev announced in his State of the Nation address that he would carry out profound reforms of the existing political system and build a “New Kazakhstan” for the future [2]. What changes will Tokaev’s political reforms bring to the organizational system and operation mechanism of Jas Otan? What impacts will it have on youth policy and youth work in Kazakhstan? These are questions that deserve further study in the future.

List of references

1. Закон Республики Казахстан от 7 июля 2004 года № 581-III О государственной молодежной политике в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. -URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1049268&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 09. 01. 2022).
2. Новый Казахстан: путь обновления и модернизации [Электронный ресурс]. -URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 18. 03. 2022)
3. О выборах в Республике Казахстан Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года N 2464. [Электронный ресурс]. -URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002464_/z952464.htm (дата обращения: 16. 01. 2022).

4. Программа Молодежного Крыла «Jas Otan» «Жастар-Отанға!» до 2025 года [Электронный ресурс]. -URL: <https://www.jasotan.kz/themes/jasotan/assets/docs/JOru.pdf> (дата обращения: 09. 01. 2022).
5. Резюме Жетписбаев Нуржан Аргынович [Электронный ресурс]. -URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32037121 (дата обращения: 11. 01. 2022).
6. Резюме Ахметова Мади [Электронный ресурс]. -URL: <https://www.parlam.kz/ru/blogs/akhmetovmadi/Biography> (дата обращения: 16. 01. 2022).
7. Удербаяева Г.Ж. [и др.]. Молодежь Казахстана — 2020.-Научно-Исследовательский Центр “Молодежь”, 2020. [Электронный ресурс]. -URL: <https://eljastary.kz/en/reports/16884/> (дата обращения: 16. 03. 2022).
8. УСТАВ Общественного объединения «Молодежное крыло «Жас Отан» при Народно-Демократической партии «Нур Отан» [Электронный ресурс]. -URL: http://zhasotan.kz/upload/ustav_rus.pdf (дата обращения: 20. 03. 2022).
9. Guo S. Between the State and Society: Political Analysis of Komsomol. Political Master’s Thesis. - Nanjing, 2017.
10. Jiang G., Madiyev Y. Organizational System and Development Trend of Nur Otan in Kazakhstan // Russian Studies. 2020. Т. 222. № 2.
11. Junisbai B., Junisbai A. Are Youth Different? The Nazarbayev Generation and Public Opinion / ed. Laruelle M. The Nazarbayev Generation. Youth in Kazakhstan. London: Lexington Books, 2019.
12. Kirmse S. Youth in the Post-Soviet Space: Is the Central Asian Case Really so Different? / ed. Schwartz M., Winkel H. Eastern European Youth Cultures in a Global Context. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
13. Sharipova D. Youth Organizations and State–Society Relations in Kazakhstan: The Durability of the Leninist Legacy / ed. Caron J. Kazakhstan and the Soviet Legacy. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019.
14. The Official Website of Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan Bureau of National statistics. [Electronic resource]. -URL: <https://stat.gov.kz> (accessed: 09. 01. 2022).
15. The Official Website of Jas Otan. [Electronic resource]. -URL: <https://jasotan.kz/history> (accessed: 10. 01. 2022).

© Wang Kaihua, 2022

Лю Хунбо
Студент, Пекинский университет
иностранных языков, Пекин
lhbliaoyang@163.com

Дай Тяньтяо
Студент, Пекинский университет
иностранных языков, Пекин
daitianjiao2021@163.com

Liu Hongbo
Student, Beijing Foreign Studies University,
Beijing
lhbliaoyang@163.com

Dai Tianjiao
Student, Beijing Foreign Studies University,
Beijing
daitianjiao2021@163.com

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ИЛИ ПАРЛАМЕНТСКАЯ
СИСТЕМА? - АНАЛИЗ ВЫБОРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА
В КЫРГЫЗСТАНЕ**

**PRESIDENTIAL OR PARLIAMENTARY SYSTEM? -
ANALYSIS OF THE CHOICE OF POLITICAL SYSTEM
AND POLITICAL TRANSITION IN KYRGHYZSTAN**

Аннотация: Если анализировать структуру и систему управления страной в современном понимании, то несомненно, что политическая система страны играет ключевую роль в бесперебойном функционировании государства. Кыргызстан - новая независимая страна, которой только что исполнилось 30 лет, и, несмотря на короткий период независимости, она пережила множество политических потрясений и переворотов. С макроперспективы, противоречия в кыргызской системе сфокусированы на президентской и

парламентской системах, но с детальной точки зрения, Кыргызстан столкнулся с чрезвычайно сложными противоречиями как внутри страны, так и за ее пределами. В данной статье анализируются многочисленные возможности, риски и вызовы, с которыми Кыргызстан столкнется в будущем, и кратко прогнозируется политическое будущее, которое ожидает страну.

Ключевые слова: президентская система; парламентская система Кыргызстана; политическая трансформация; количественный анализ

Abstract: If we analyze the structure and system of governance of the country as we understand it today, there is no doubt that the political system of the country plays a key role in the smooth functioning of the state. Kyrgyzstan is a newly independent country that has just turned 30 years old, and despite its short period of independence, it has experienced many political upheavals and coups. From a macro perspective, the contradictions in the Kyrgyz system focus on the presidential and parliamentary systems, but from a detailed perspective, Kyrgyzstan has faced extremely complex contradictions both inside and outside the country. This article analyzes the many opportunities, risks and challenges that Kyrgyzstan will face in the future and briefly forecasts the political future that awaits the country.

Keywords: presidential system; parliamentary system Kyrgyzstan; political transformation; quantitative analysis

Прорывы и развитие – самореформирование Кыргызстана в условиях социальных противоречий

С момента конституционных изменений 2010 года, установивших парламентскую систему, в Кыргызстане сменилось три президента, у всех из которых были разные судьбы, но все они в основном осуществили мирную передачу власти и в целом имели относительно гладкий политический ландшафт. Эта политическая кампания еще больше усугубила ситуацию. Начиная с Атамбаева, который пришел к власти в 2011 году, правительство приступило к масштабным усилиям по развитию экономики и импортно-экспортной торговли в попытке выйти из экономической колеи, которая продолжалась более двух десятилетий. Впоследствии Парламент Кыргызстана предложил «Стратегию устойчивого развития Кыргызской Республики на

2013 - 2017 годы» и «Стратегию устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018 - 2022 годы» с целью соответствующего развития экономики. Проект «Стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы» основывается на этих двух стратегиях и устанавливает четыре основные цели для экономического благополучия страны, социального благополучия, безопасной окружающей среды и сбалансированного регионального развития [1], с целью развития человеческого потенциала. Будущее страны хорошо определено.

В то же время парламент постоянно стремится сохранить баланс межэтнических отношений, отношений между Севером и Югом в стране на внутреннем фронте. Создание парламентской системы непосредственно ознаменовало крах авторитарного характера президентства.

Однако создание парламентской системы не гарантирует, что Кыргызстан действительно вошел в стабильную ситуацию. Согласно Конституции Кыргызстана, для успешного функционирования парламентской системы необходимо участие основных политических партий, и 5 марта 2020 года Центральная избирательная комиссия Кыргызстана выпустила пресс-релиз, в котором говорилось, что, по данным Министерства юстиции Кыргызстана, по состоянию на начало марта 2020 года в Кыргызстане насчитывалось 283 партии, из которых 259 были действующими, а 24 - предстоящими к отмене. Только в январе-марте 2020 года было зарегистрировано пять новых партий [2]. Страна небольшая и не очень густонаселенная, но число политических партий, больших и малых, составляет около 300. Согласно конституции, для прохождения в парламент партия должна получить не менее 7% от общего числа голосов избирателей и не менее 0,7% на местном уровне. А после политического кризиса 2020 года этот процент снизился до 3% и 0,3%. Это правило может показаться не слишком сложным, но даже в этом случае очевидна трудность одновременного соперничества с дюжиной или даже двадцатью партиями. А когда дело доходит до настоящих выборов, не так много партий, которые хотят баллотироваться.

На нынешней политической сцене Кыргызстана политическая концепция «правления элиты» никогда не была отброшена. Начиная с эпохи Акаева, сменявшие друг друга правительства стремились добиться правления элиты. Чтобы

создать соответствующие условия, правительство вносит изменения в конституцию и перестраивает систему, стремясь превратить страну в «остров демократии» в Центральной Азии и моделируя систему по образцу США и России. Однако эта серия действий привела к проблемам во внутривнутриполитической структуре страны, а также к влиянию традиционной племенной политической идеологии и вмешательству борьбы между Севером и Югом, в результате чего молодым «элитам» трудно чего-либо добиться без мощной финансовой или политической поддержки, лишь переходя от партии к партии [9].

Количественный анализ на основе политической стабильности

Для того чтобы исследовать стабильность политики Кыргызстана, автор пытается использовать количественный анализ для оцифровки переменных, влияющих на политическое развитие Кыргызстана, и судить о потенциальном будущем политическом направлении Кыргызстана по окончательным отраженным оцифрованным результатам.

После анализа автор выбрал индекс демократии журнала TheEconomist в качестве зависимой переменной в данном анализе. Индекс демократии формирует средневзвешенное значение на основе ответов на 60 вопросов, каждый из которых имеет два или три допустимых варианта ответа. Вопросы были сгруппированы в пять категорий: избирательный процесс и плюрализм, гражданские права, деятельность правительства, политическое участие и политическая культура. Каждый ответ преобразовывался в оценку 0 или 1. Для вопросов с тремя ответами оценка преобразовывалась в 0, 0,5 или 1. В каждой категории оценки суммировались, умножались на 1, а затем делились на общее количество вопросов в категории. В некоторых случаях нулевой ответ на один вопрос делает недействительным другой вопрос. Например, если выборы законодательного органа страны и главы правительства не считаются свободными, то следующий вопрос: «Справедливы ли выборы?». не учитывается, а автоматически оценивается в ноль. Опять же, есть ряд вопросов, которые считаются настолько важными, что низкий балл по ним влечет за собой штраф к сумме общих баллов по соответствующим категориям, а именно: «Являются ли национальные выборы свободными и справедливыми»; «Безопасность электората»; «Влияние иностранных держав на правительство»; и

«способность государственных служащих проводить политику». Затем пять категорий индексов, перечисленных в отчете, были усреднены, чтобы получить общий балл для данной страны. Наконец, округленный до двух знаков после запятой балл определяет классификацию страны по типу режима.

Адекватные демократии - это страны, где гражданские свободы и основные политические свободы не только соблюдаются, но и подкрепляются политической культурой, способствующей процветанию демократических принципов. Эти страны имеют эффективную систему сдержек и противовесов в правительстве, независимую судебную систему, решения которой исполняются, адекватно функционирующее правительство, разнообразные и независимые СМИ и, следовательно, большую политическую стабильность [7].

Соответствующими независимыми переменными являются уровень бедности, уровень инфляции, уровень безработицы, темпы роста ВВП, свобода политических прав и гражданских свобод в Кыргызстане. В таблице ниже приведены конкретные значения, использованные в данном количественном анализе.

Год	P [6]	DI [4]	PR [4]	CL [7]	GDP [3]	U [8]	I [5]
2006	39.90	4.08	5.00	4.00	3.10	8.30	5.60
2007	35.00	нет	5.00	4.00	8.50	8.10	10.20
2008	31.70	4.05	5.00	4.00	8.40	8.20	24.50
2009	31.70	нет	6.00	5.00	2.90	8.40	6.80
2010	33.70	4.31	5.00	5.00	-0.50	8.60	8.00
2011	36.80	4.34	5.00	5.00	6.00	8.50	16.60
2012	38.00	4.69	5.00	10.90	-0.10	8.40	2.80
2013	37.00	4.69	5.00	5.00	10.90	8.30	6.60
2014	30.60	5.24	6.00	5.00	4.00	8.10	7.50
2015	32.10	5.33	6.00	5.00	3.90	7.60	6.50
2016	25.40	4.93	5.00	5.00	4.30	7.20	0.40
2017	25.60	5.11	5.00	5.00	4.70	6.90	3.20
2018	22.40	5.11	5.00	4.00	3.80	6.90	1.50
2019	20.10	4.89	5.00	4.00	4.60	6.90	1.10
2020	25.30	4.21	7.00	5.00	-8.60	8.70	6.30

Сравнение названий данных и кодов данных

Чтобы облегчить расчеты, автор переписал различные названия данных в виде кода и в итоге использовал программное обеспечение EViews для количественной оценки данных с помощью функции log. Поскольку журнал «Экономист» не проводил подсчет Индекса демократии в 2007 и 2009 годах, этот подсчет был начат с 2010 года, чтобы обеспечить справедливость данных и точность результатов. Формулы, используемые в данном расчете, следующие: $\text{lslog}(\text{di})$ $\text{clog}(\text{cl})$ $\text{log}(\text{gdp})$ $\text{log}(\text{i})$ $\text{log}(\text{p})$ $\text{log}(\text{pr})$

Окончательные расчеты выглядят следующим образом:

View	Proc	Object	Print	Name	Freeze	Estimate	Forecast	Stats	Resids
Dependent Variable: LOG(DI)									
Method: Least Squares									
Date: 05/15/22 Time: 20:30									
Sample (adjusted): 2006 2019									
Included observations: 11 after adjustments									
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.					
C	0.404350	1.092470	0.370125	0.7265					
LOG(CL)	0.613350	0.345430	1.775611	0.1360					
LOG(GDP)	0.083655	0.105189	0.795286	0.4625					
LOG(I)	-0.033314	0.044024	-0.756721	0.4833					
LOG(P)	-0.040579	0.208279	-0.194829	0.8532					
LOG(PR)	0.158023	0.552088	0.286228	0.7862					
R-squared	0.638496	Mean dependent var	1.547568						
Adjusted R-squared	0.276993	S.D. dependent var	0.103582						
S.E. of regression	0.088076	Akaike info criterion	-1.718789						
Sum squared resid	0.038787	Schwarz criterion	-1.501755						
Log likelihood	15.45334	Hannan-Quinn criter.	-1.855598						
F-statistic	1.766225	Durbin-Watson stat	1.944115						
Prob(F-statistic)	0.273796								

Как видно из анализа данных, итоговые R-значения для всех независимых переменных в данном расчете высоки, а результаты регрессии не являются значимыми за пределами 10% уровня значимости. Чем больше р-значения сходятся к 1, тем больше итоговые результаты имеют тенденцию быть недостоверными.

В заключение следует отметить, что многие из факторов, которые теоретически имеют отношение к развитию страны, не полностью коррелируют с итоговым индексом демократии

Кыргызстана при цифровом расчете. Другими словами, так называемое демократическое развитие Кыргызстана характеризуется рядом нестабильных влияний и перспектив. Хотя некоторые цифры показывают положительную динамику, общая картина все еще не обнадеживает, и будущее страны остается неопределенным.

Заключение

Политическая трансформация Кыргызстана была скорее результатом одной политической борьбы за другой, чем институциональной трансформации. На протяжении всей истории Кыргызстана, хотя процесс пересмотра конституции был полностью законным и процедурно обоснованным, в действительности все еще существует ряд исторических наследий.

Частое образование и распад политических партий; отсутствие эффективной народной базы для политики; этническое сознание и концепция Север-Юг, присущие традиционному мышлению; и даже иностранные силы всегда были основными факторами, влияющими на развитие партийной политики в Кыргызстане. Кроме того, незрелое институциональное развитие и отсутствие проверенного опыта многопартийных систем и эффективных мер контроля приведут к тому, что хорошая конституция Кыргызстана превратится в мертвую букву. Как только конституция или система становится инструментом борьбы политических групп, плутократов и партий, людям, привыкшим к политическим потрясениям, очень легко снова включиться в политическую борьбу в таком сложном социальном контексте. В сознании людей существует серьезное недовольство правительством и состоянием страны, что также может сделать их жертвами политической борьбы и племенных региональных конфликтов, а конечное направление развития страны в целом будет только усложняться. В целом, будь то президентская или парламентская система, это только один из двух вариантов. Будущее Кыргызстана по-прежнему будет разрываться между этими двумя политическими системами.

Список литературы

1. Проект стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018-2040 гг. <http://ru.mes.kg/2018/02/22/proekt-strategiya-ustojchivogo-razvitiya-kyrgyzskoj-respubliki-na-2018-2040-gg/>
2. Цитируется по данным Министерства юстиции Кыргызской Республики : <https://minjust.gov.kg/>
3. GDP growth (annual %) - Kyrgyz Republic, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KG>
4. Freedom in the world. <https://freedomhouse.org/>
5. Inflation, consumer prices (annual %) - Kyrgyz Republic, <https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=KG>
6. Poverty headcount ratio at national poverty lines (% of population) - Kyrgyz Republic, <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?locations=KG>
7. The Democracy Index, <http://economist.com/>
8. Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) - Kyrgyz Republic, <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=KG>
9. 王林兵,雷琳.吉尔吉斯斯坦现代精英政治对部族政治传统的消解——部族主义分析范式的局限性[J].西伯利亚研究,2018,45(06):25-32.

© Лю Хунбо, Дай Тяньтяо, 2022

